

Алевтина Ткач

Избрана жить!

Автобиографическая повесть

Близкие зовут её Аллой, дети – мамулей, внуки – бабулей. Она обычный человек ничем не выделяющийся из толпы, кроме одного – искренней улыбки. Она приветливо встретит каждого и максимально участвует в судьбе нуждающегося. Никаких званий и общественного положения у неё нет. Но есть безграничная любовь к людям. Особый дар любви от Бога получен ею через адские испытания на протяжении всей жизни.

Друзья, знавшие о её нелегкой судьбе, настояли, чтобы она описала свою жизнь. Так появилась эта книга. Здесь нет никаких литературных приёмов, домислов и лирических отступлений. Это драма, которую человек не в состоянии придумать, но оказывается, может пережить. Этот сценарий написан лучшим драматургом человечества – самой жизнью.

Издано силами прихожан церкви
«Живой Израиль»

www.livingisrael.com

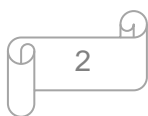
ISBN 978-965-92838-5-9

9 789659 283859

Хайфа 2020

Посвящается
Иисусу Христу.
Без Него
не было бы меня
и этой книги.

Предисловие автора

Моя жизнь – особенный случай. Я очень долго шла к написанию этой книги, но постоянно откладывала, понимая, что переживу заново встречу с прошлым. А оно было не простым.

С момента моего переезда в Израиль многие люди из разных стран, услышав о моей жизни, советовали мне описать всё это на бумаге. В ответ я только отшучивалась.

Были говорившие, что, когда я закончу писать свою книгу, в мире произойдет что-то совершенно особенное, чего никогда ещё не было. И вот, случился глобальный карантин, которого ещё не было никогда. Но в тот момент я вообще не помышляла себя в роли писателя.

Ко мне домой однажды пришли люди, чтобы послушать о моей жизни и тоже просили начать книгу. После их молитвы, я решила, приобрела компьютер и написала вступление.

Я считаю это ярким свидетельством Божьей славы во мне. Ведь несмотря на отсутствие литературного образования и опыта, книга всё же увидела свет.

Писательская работа оказалась ох какой нелёгкой! Снова переживая те ситуации своего детства, я остро ощущала одиночество и сиротство. Вернулись приступы головокружения и слабости,

вплоть до потери сознания на работе. Бывало, на несколько месяцев я забрасывала эту работу, но внутреннее чувство заставляло, несмотря на слезы и волнения вернувшиеся ко мне, продолжать писать.

Во время этой работы произошли события, которых я ждала много лет. Я разыскала фото моей мачехи, нашлась тётя, которая рассказала мне о моём детстве. После долгих лет отчуждения вдруг нашлись люди, связь с которыми, казалось, была потеряна навсегда.

Я поняла, что прощение, это тяжкий труд, болезненный процесс, который может быть растянут на месяцы. Но также поняла, если Бог начал это во мне, то обязательно доведёт до конца. И со мной так случилось, что завершающая фаза прощения проходила в момент написания этой книги.

Некоторые имена в книге изменены.

*«У Тебя исчислены мои скитания;
положи слёзы мои в сосуд у Тебя,
- не в книге ли они Твоей?»*

Псалом 55:9

Вступление

Я родилась холодным зимним вечером в еврейской семье в Казахстане в городе Семипалатинск. Если в обычных семьях рождение детей – это радость, то моё рождение принесло горе. К тому времени у моей мамы уже была опухоль головного мозга, и роды ей были противопоказаны.

Имеющей сына на руках, ей предлагали прервать беременность, чтобы выжить. Но она выбрала подарить жизнь мне. И вот, своим криком я возвестила этому миру, что родилась, и это же стало приговором для мамы. Вскоре её парализовало. Меня увезли в Украину к

бабушке Тубе,
папиной маме.
Когда мне
исполнилось
пять лет, мамы
не стало.

Вот
история моей
жизни, моих
поражений и
побед. Я верю,

что эта книга поможет людям, которые проходят
свой нелегкий жизненный путь, найти ответы и выйти
победителем в схватке со смертью.

Глава первая

– Исаак! Пришёл нотариус! – раздраженно крикнула Фаина. Она еле сдерживала себя, чтобы не заорать при постороннем человеке. Зять её всегда раздражал, какой-то непутёвый, маленький, да ещё и заика. И что в нём дочь нашла, не понятно.

Он старался быть хорошим мужем и отцом, но ему это плохо удавалось. По работе он часто ездил в командировки. Сидеть дома и воспитывать детей – не для него. Когда жена слегла от тяжелой болезни, бабушки поделили внуков. Фаина любила и боготворила внука, а я, внучка, была, как кость в горле.

Поэтому, как только я родилась, меня увезли в Украину. Пять лет бабушка Фаина не видела меня. Моя мама Роза, дочь Фаины, долго боролась с болезнью, но в результате рак её победил. И вот папа привёз из Украины меня, чтобы я попрощалась с мамой. Я не понимала, зачем приехала сюда. Женщина, лежавшая на кровати, была чужой. Я не чувствовала, что это моя мама, ведь меня растила бабушка Туба, и я не любила с нею расставаться.

Фаина взяла себя в руки: надо выслушать нотариуса. Хотя ничего нового она не услышит.

Дочь, как только узнала о болезни, всё своё имущество завещала сыну и ей. Фаина, Исаак и нотариус зашли в салон. Исаак предложил стул гостю и сел напротив на диван. Тут в комнату забежала я, вся в слезах, обняла отца и хотела ему что-то рассказать. Но бабушка Фаина схватила меня грубо за руку и поволокла в коридор. Там Леон, мой старший брат, обувался, чтобы пойти на улицу.

– Милый, – обратилась Фаина к внуку, – захвати с собой свою сестру. А то мы немного заняты.

С этими словами она подтолкнула меня и зашла в комнату. Нотариус важно достал документ и начал его оглашать. Фаина не верила своим ушам. Все накопления, квартиру и имущество, она завещала своей дочери, то есть мне. К своему восемнадцатилетию я должна буду вступить в права наследства. «Как так? – недоумевала Фаина, – когда дочь успела переписать завещание? Это несправедливо! А как же Леон? Он что, с носом останется?» Фаина метала молнии. «Чтобы всё досталось девчонке? Не бывать этому!»

Исаак наблюдал за тещей. Он знал, что она его никогда не принимала, а сейчас и его дочь ей мешает. «Надо отсюда поскорее уезжать», – решил Исаак и вышел на улицу. Во дворе детей не было. Он немного встревожился и ринулся их искать.

Когда Леон вышел из подъезда, держа за руку меня, у него зрел план. Единственным авторитетом у него была бабуля Фаина. Папу он редко видел, и бабуля стала центром его жизни. Она выполняла

любые его капризы, а сейчас пришло время исполнить её желание. Бабушка постоянно твердила, что эта девчонка лишняя. И что ей не надо было рождаться. «Заведу её куда-нибудь и брошу. Вот бабуля обрадуется», – так рассуждал мальчик, ведя за руку ничего не подозревающую сестренку. Он знал все подворотни и закоулки. Пройдя несколько кварталов, он увидел детскую площадку и песочницу.

– Алла, ты любишь строить домики? Иди, играй, – он легонько меня подтолкнул к песку и прищурился.

Мне действительно нравилось копаться в песке. В Бердичеве, где я жила с бабулей Тубой и дедом Борей, я расцветала как цветочек. Мне подарили маленького щенка, смесь лабрадора с овчаркой. Его назвали Алканом. И я могла часами с ним играть в песке. Я строила, а он ломал. Моим залиvistым смехом восхищались все соседи. Волнистые, длинные волосы, игривые карие глаза и нежная доверительная улыбка приводила в восторг любого, кто на меня смотрел. Я была счастлива в Бердичеве и хотела поскорее туда вернуться.

Леону не пришлось меня долго уговаривать, я залезла в песок и углубилась в строительство. Леон тихо развернулся и ушёл. Несмотря на то, что ему было семь лет, он спокойно шёл, зная точный маршрут, хотя дома казались похожими. Подходя к своему дому, он услышал, как папа зовет детей, и в какой-то момент испугался. «Что я натворил, – подумал мальчик, но вспомнив про бабушку

успокоился. – Она-то точно будет довольна». Он решил на крик отца не выходить, а понаблюдать, что будет дальше. Исаак не на шутку встревожился.

– Куда они могли деться? Леон, Алла! – кричал он на всю улицу. Леон из-за угла наблюдал за папой. Он по-взрослому ненавидел отца, хоть и был ещё ребёнком. Бабуля внушала ему, что если бы не папа, то мама бы жила. И все беды из-за него. Пока он размышлял, что ему делать, вышла бабушка и набросилась на зятя:

– Чего ты раскричался? Хочешь всех соседей на ноги поднять?

– Да, но куда они могли пойти? Уже темнеет.

Исаак растеряно оглядывался по сторонам. Леон осмелел, увидев бабушку, и вышел из-за угла. Исаак тут же к нему подбежал:

– Леон, сынок, вы где были? И где Алла?

Леон опустил голову и нахмурил брови. Фаина нежно обняла внука и крикнула зятю:

– Он что, сторож дочери твоей, тебе надо, иди и ищи.

С этими словами они развернулись и пошли домой. Дома она взглянула на внука:

– Ну и куда ты девал сестру? – спросила она строго.

– Там между домами есть площадка, я её там бросил, – из глаз ребенка потекли слезы. – Бабуля, я правильно поступил? – он смотрел на неё умоляюще.

– Нет, милый, её надо вернуть, – ответила Фаина и подошла к окну.

– Исаак, – крикнула она. – Через три дома есть площадка. Там ищи свою дочь.

Она побоялась взять грех на душу и прикрыть поступок внука. Придётся смириться с тем, что она есть. Но наследства ей не видать. Авось, да не доживет до своего восемнадцатилетия.

Тем временем я, поиграв немножко, оглянулась, и не найдя брата, испугалась. Когда-то, когда я была поменьше, мы с бабушкой играли в прятки. Я закрывала глазки, и как будто спряталась, а открывала – и бабушка передо мной появлялась. Конечно, я уже повзрослела, и знала, как в прятки играть, но с братом надеялась, вдруг сработает. Открыла глаза, а он не появился.

Мне стало не по себе. Уже смеркалось. Куда идти, я не знаю. В этом городе я была впервые. Я села на скамейку и горько заплакала. Я так скучала по Бердичеву и по всему, что с ним связано. Мимо проходил мужчина. Увидев одинокую маленькую девочку, он подошёл ко мне.

– Привет малышка, ты что заблудилась? – он участливо посмотрел на меня. Но я продолжала

плакать и не отвечала. – Пойдем со мной, я помогу тебе.

Он протянул мне руку, я встала, отряхнула платье, вытерла слёзы и пошла с ним, доверчиво взяв его за руку. Но не успели мы далеко отойти, как я услышала голос отца:

– Аллочка, доченька, я здесь! Развернувшись, я увидела папу и с рыданием бросилась к нему на шею:

– Папочка, я так испугалась! Отвези меня к бабуле, пожалуйста! – меня трясло от страха.

– Я отвезу, милая, завтра же и уедем, – он и сам себя чувствовал не в своей тарелке.

После смерти жены всем управляла её мама. Это она потребовала, что бы он оставил сына ей, а дочку увез к себе на родину. Еще

жена была жива, но парализована, и он не спорил. Тем более его мама с радостью приняла девочку, и воспитывает в любви.

– Бабуля по тебе тоже скучает, я уверен, – сказал Исаак, облегченно вздыхая.

Глава вторая

– Бабуля, я приехала! – закричала я, вбегая во двор. Полная, миловидная женщина стояла во дворе, раскрыв руки. В глазах были слезы. Она скорбела, что у её сына такая судьба. Двое маленьких деток остались сиротами: сын у той бабушки, дочка здесь, а сам как неприкаянный, мотается по командировкам, и дома не бывает, и детей редко видит. Бабуля Туба обнимала внучку и плакала.

– Ты моё сердечко, мы снова вместе, всё хорошо, – причитала она, крепко прижимая меня к себе. Но меня это не успокаивало.

– Бабуля, пообещай что мы больше не расстанемся. Что ты будешь всегда со мной. Я так скучала, – мне было до жути страшно.

Бабуля нежно гладила меня и шептала: «Милая, я всегда буду с тобой».

Наконец я успокоилась и уснула. Зашёл Исаак. Его лицо выражало растерянность: «Что делать дальше?»

– Сынок, – позвала его Туба, – нельзя, чтобы дети росли по отдельности. Тебе нужно жениться, и найти маму своим детям.

– Мама, я это понимаю, но кто меня возьмет с такой обузой!? – взорвался Исаак. – Кому я нужен!?" Он развернулся и вышел из комнаты. Бабуля села, обхватив голову руками. Бедный сын, бедные внуки. Но мне было невдомёк, почему бабуля иногда грустит. Я была счастлива. Рядом любимая бабушка, собака, иногда соседские ребята забегали. У меня были длинные шелковистые волосы, и бабушка, собирая меня в садик, утром расчесывала волосы, напевая песенку:

*Длинные волосики у моей малышки,
Я эти волосики заплету в косички.
Пусть улыбка нежная не сходит с лица,
Пусть будет защита Небесного Отца.*

Я не задумывалась о смысле этих слов, мне было просто хорошо. Из садика меня забирал дедушка, а бабушка стояла у калитки, раскинув руки, и я летела в эти руки, заливаясь смехом. Так продолжалось два года. Леон в Семипалатинске, я в Бердичеве, а папа мотался по командировкам.

Вот однажды, приехав из очередной командировки, он весело заявил:

– Я женюсь на прекрасной женщине. У неё тоже двое детей, только постарше, – папа был в восторге. – Мы будем жить одной дружной семьей. У

неё большая квартира в Алма-Ате. И она меня уже ждет с детьми. Не терпится познакомиться.

Но эту радость бабуля не разделяла. Она сама не раз твердила, что сыну нужно жениться, чтобы у детей была полноценная семья. Какая-то тревога не покидала её сердце. Тут вбежала я, растрепанная, руки в песке, замызганная, но счастливая.

– Бабуля, хочу кушать, – крикнула с порога и побежала на кухню мыть руки.

Туба вздохнув, встала и пошла следом. Сын пошёл вслед за ней.

– Мам, всё в порядке? Что не так? – Исаак недоумевал.

Туба вытерла скупую слезу:

– Почему Алма-Ата? Это так далеко. Как ты Алле объяснишь? Ей без меня будет нелегко. И мне без неё тоже.

Она села и заплакала.

– Бабуля, что случилось? – встревоженно вглядываясь в глаза, я со страхом смотрела на них обоих. Бабушка меня прижала к себе. В тот момент никто из нас и не подозревал, насколько верным было её предчувствие. Она бы всё отдала, чтобы со мной не расставаться, но понимала, другого выхода нет.

– Милая, ты скоро уедешь отсюда и будешь жить с новой мамой. У тебя будет ещё одна сестра и брат. Здорово, да? – бабуля взяла себя в руки.

Нужно подготовить внучку к разлуке. Но я посмотрела на нее с негодованием.

– Бабуля, я тебе надоела? Почему я должна уезжать отсюда!? Ты обещала, что мы никогда не расстанемся! – слёзы душили меня. Я выбежала из комнаты, выскочила во двор, упала на траву и заплакала. Мне было страшно, я боялась каких-то перемен. Мне было так хорошо здесь, что даже когда шла в садик, а потом и в школу, я тосковала по бабушке, и ждала того часа, когда снова её увижу. А это разлука надолго. Я не хочу новую маму.

Ко мне подбежал Алкан, весело виляя хвостом, и начал вылизывать слезы на щеках.

–Доченька, – услышала я голос отца, – успокойся, всё будет хорошо.

Он подошёл ко мне и сел на корточки:

–Вот увидишь, тебе там понравится, а бабушка будет к тебе приезжать в гости.

Я села, вытерла слёзы, посмотрела на папу и вздохнула. Где-то подсознательно я понимала, что выбора нет. Придётся ехать. Покорно опустив голову, я вернулась в дом. Сборы были быстрыми. И вскоре, попрощавшись со всеми мы сели в поезд, который уносил нас в далёкую страну.

Глава третья

– Ну здравствуй, дорогая, – на пороге квартиры стояла высокая брюнетка с чёрными, как смоль, глазами. – Какая ты хорошенькая, и какие у тебя шикарные волосы.

Она протянула руку и погладила меня по голове.

– Здравствуй, Ларисочка, – поприветствовал её Исаак, и обратился ко мне. – Познакомься Аллочка, твоя новая мама.

– Но что мы стоим на пороге? Заходите, я вас познакомлю с детьми. Мы зашли. Квартира была большая, вся покрытая коврами. Шикарная мебель, кожаные диваны, на которых сидели два подростка. Мама на них посмотрела, и они как по команде встали.

– Представьтесь, пожалуйста, – сказала Лариса.

– Я Саша или Александра, – назвалась девочка. Это была рослая девочка лет четырнадцати. Она высокомерно посмотрела на меня и села, задрав ноги.

– А я Витя, или Витяй – нежно проворковал мальчик, и протянул руку, сначала папе, а потом и мне. Он тоже был высокий, русый, лет шестнадцати. Мы обменялись рукопожатием.

– А меня зовут Алла, – представилась я, – и мне семь лет.

Мы тепло друг другу улыбнулись и меня отпустило. Может это хорошо, новая семья, новая страна, новые знакомства. Так я рассуждала, успокаивая саму себя.

Вскоре папа уехал в Семипалатинск за сыном. Наконец-то, все будем жить вместе. Леону всё

понравилось. Он был рад уехать от той бабушки, потому что её опека ему надоела. Он считал себя взрослым. Ему девять лет. И он обзавелся друзьями, но бабушка всегда следила, куда пошёл, зачем пошёл. И вообще...

Я пошла в первый класс, а брат в третий. Месяц пролетел очень быстро. Знакомство со школой, с соседскими ребятами. Мне было непросто привыкнуть к новому распорядку. Лариса была мила и обходительна. Вскоре они расписались.

Там в Бердичеве не было ванны и душа. Бабуля грела воду в кастрюле и мыла меня во дворе, в тазике. Волосы мыли только дождевой

водой, которая стекала в бочку с крыши. Я визжала от восторга!

Здесь же огромная ванная, и горячая вода сразу бежит, и туалет с удобным сиденьем, со сливом. А там, туалет на улице. И мне было страшно, что я когда-нибудь провалюсь внутрь.

Но там был мой дом, и я была там счастлива. А теперь я здесь, и понимала, каждому ребенку нужна мать. Поэтому я смирилась, старалась понравиться новой маме и во всем слушаться.

Вот все дела были решены, и папа снова уехал в очередную командировку.

Школа была недалеко от дома, поэтому мы сами, с Леоном ходили туда. И вот, как-то вернувшись со школы, я побежала на кухню, съесть что-нибудь. Увидев хлеб и мёд, намазала кусочек и поднесла ко рту. И тут зашла Лариса:

– Ты что здесь делаешь, дрянь такая!?

С этими словами она размахнулась и что было сил врезала меня по голове. Я отлетела к стене, и больно ударилась затылком. Закружилась голова, из носа пошла кровь.

–Ещё раз возьмешь что-то без спроса, убью,
– прошипела Лариса и ногой ударила меня в живот.

Мне стало так больно! На какой-то момент показалось, что я не могу дышать. В голове был туман, и тупая боль в затылке. Меня никто никогда не бил. Бабушка даже голос не повышала на меня. От безысходности я заорала.

– Заткнись! – закричала Лариса и снова меня больно пнула. – И если ты кому-нибудь расскажешь, что тебя бьют, пеняй на себя! Тебе не поздоровится.

С этими словами она развернулась и вышла из кухни. Я продолжала лежать на полу и рыдать. Мне было больно и страшно. Рядом не было никого, кто бы меня защитил. Единственный близкий человек была бабушка, но она далеко, и ничем мне не поможет. «Бабулечка моя, если бы ты могла приехать и забрать меня. Мне так страшно!»

Я лежала на полу, оплакивая свою судьбу. С того дня я стала боксерской грушей для Ларисы. Каждый день она, приходя с работы, включала на всю громкость песенку студента Максима Леонидова «Во французской стороне, на чужой планете», и заходила ко мне в комнату. Я понимала, что этой песней Лариса пытается заглушить крики, которые

вырывались из моей груди, чтобы соседи не услышали. Я со страхом и отчаянием смотрела на дверь комнаты. Та влетала как вихрь, неся с собой разрушение и смерть. В руках ремень или палка, она била меня, пока сама не уставала. Оставляя полуживую девочку, она довольная шла на кухню кушать. Она знала как бить, чтобы на лице не было видно никаких следов. И ничего не боялась.

Больше всего её злили соседи, которые полюбили девочку за её кроткий, добрый взгляд и нежную улыбку. У меня были длинные шелковистые волосы, которые каждое утро приходилось тщательно расчесывать. Раньше за ними ухаживала бабушка, но теперь нужно самой. Все тело болело от побоев, трудно было поднять руки. Превозмогая боль и плач, я расчесывала волосы. Вспоминала мягкие руки бабушки, и нежный голос напевающий песенку.

И вот однажды, стоя так у зеркала, расчесываясь, вновь услышала ненавистную песню и задрожала, как осиновый лист. Зашла Лариса.

– Опять у зеркала красуешься? – взорвалась она, и схватив меня за волосы потащила в коридор.

–Обувайся! – скомандовала она, – мы идём в одно место.

Я покорно обулась и мы вышли на улицу. Куда мы идём, я не знала, но тревога сжимала моё сердце. Наконец остановились у двери с надписью «Парикмахерская». Лариса толкнула дверь и вошла, крепко, до боли сжимая мою руку.

– Кто свободен!? – с порога крикнула она. К ней подошла молодая девушка.

– Здравствуйте, меня зовут Азиза. Чем могу помочь?

– Мне нужно, чтобы её обрили налысо. – Сказала Лариса, кивком головы показав на меня.

Девушка удивилась:

– Зачем? Такие шикарные волосы, и вам не жалко?

– Не ваше дело, – озлобилась Лариса, – у неё вши завелись.

Девушка взяла меня за руку и повела к рабочему месту. Она видела, что волосы ухожены, там не было вшей. Из таких волос делают шикарные парики. Но её это не радовало. Она посмотрела на девочку, в глазах которых были слёзы. Всем своим видом я молила не делать этого. Но Азиза не могла повлиять на эту ситуацию. Рядом стояла Лариса, следя за каждым её движением. Я опустила в кресло и закрыла глаза. Когда же открыла, на меня из зеркала смотрел абсолютно чужой человек. Лысая голова, большие, не по-детски печальные глаза. Если до этого я надеялась, что всё изменится, и будет всё хорошо, то теперь понимала – это конец.

Я расплакалась и выскочила из парикмахерской. Я бежала не разбирая дороги, не смотря по сторонам. Мне было стыдно поднять голову и посмотреть на людей. Казалось, что все надо мной смеются. Вдруг я услышала крик, резкий звук тормоза и удар. Очнулась уже в больнице. Очень болело левое плечо. Не понимая, где я, со

стоном открыла глаза и увидела перед собою Ларису, которая пыталаясь взглядом испепелить меня.

– Ты что, ненормальная, что под машину бросаешься? – прошипела она, – ничего, дома поговорим.

Тут в палату вошла врач.

– Ну, Аллочка, как себя чувствуешь? – участливо спросила она.

Но Лариса, не дав ответить, спросила:

– Я могу забирать её домой?

– Да, выписку я приготовила. У неё небольшая трещина в левом предплечье, и сотрясение мозга, ей нужен полный покой. – Ответила доктор.

– Ну да, я устрою ей покой, – съязвила Лариса, и повернулась ко мне. – Доченька, нам разрешили идти домой. Вставай родная.

Её ласкающий голос ещё больше пугал меня. С трудом поднявшись, я начала переодеваться. Очень кружилась голова, подташнивало, и болело плечо. Любое движение причиняло боль из-за плеча. Пришлось резко переучиваться, привыкая всё делать левой рукой. Было дико больно, но и попросить помощи я боялась. Кое-как справившись с одеждой и болью, я была готова.

Всю дорогу мы шли молча. Подойдя к дому я увидела соседок, сидящих на скамейке. Они всегда были добры ко мне и чем-то вкусным угощали. Вспомнив, что я лысая, закрыла глаза. Мне хотелось провалиться сквозь землю.

– Алла, ты ли это? – одна из соседок встала со скамейки и пошла навстречу к нам. – Что случилось с твоими локонами?

– У неё появились вши, и она сама попросила её обрить, – соврала Лариса, до боли сжимая мне руку.

– Аллочка, это правда? – участливо спросила соседка, заглядывая в глаза ребенка.

Я кивнула головой. Ком стоял в горле. Очень боялась расплакаться, зная, как Ларису раздражают мои слёзы. Мы зашли домой.

– Послушай меня, дрянь – сказала Лариса, – что бы здесь не происходило, если ты кому-нибудь расскажешь, а тем более, папе, то пеняй на себя. Я тебя на куски порежу, – с этими словами она показала на огромный нож. – Надеюсь ты меня поняла.

Она вышла, а я села на ковёр и заплакала. Понимала, что никто мне не поможет. Старший брат где-то носился, и ему было наплевать на сестру. Папа постоянно в командировках пропадал. У меня фактически был отец, но дочкой я себя не чувствовала. Зная, что он не сможет меня защитить, и даже не поверит, поэтому ничего ему не могла рассказать.

Единственный человек, кто был мне дорог - это бабушка Туба, она бы ни за что не дала бы внучку в обиду. Но та далеко. И с этим надо смириться и может как-то понравиться новой маме. С этими думами я так и уснула на ковре.

Глава четвертая

Шли дни за днями. Я ходила в школу. Старалась учиться хорошо, надеясь порадовать мачеху, но та еще больше бесилась и вымещала злобу на мне. Однажды, прибежав домой, я с порога крикнула:

– Мама, я получила «отлично» за литературу!
– мне так хотелось, чтобы она меня похвалила. Достала тетрадь и показала Ларисе. Но в ответ я получила оплеуху и отлетела к стене. Снова закружилась голова. В последнее время головокружения участились.

– Посмотрим, как ты умеешь читать, и за что тебе «отлично» ставят, – сказала Лариса, доставая тяжелую папину книгу. – Садись и читай.

Она указала на табурет, стоящий возле печки. Я села и задрожала. «Ос-но-вы эле-ктро-тех-ни-ки», – прочитала я по слогам название книги.

– Открывай и читай вслух, а я послушаю, – сказала мачеха, подбрасывая угли в печку, помешивая их кочергой.

Я ходила в первый класс, знала буквы и умела читать по слогам. Но в этой книге были очень сложные термины и слова, которых я не понимала, такие как трансформатор, конденсатор, предохранитель, реле, клемма. И каждый раз, когда произносила слово неправильно, получала оплеуху. Мне было жутко и страшно. И вот Лариса, орудя

кочергой в печи, очередной раз услышала неправильно прочитанное слово. Гнев затмил ей разум. И она, замахнувшись, ткнула раскаленной кочергой меня в живот. Книга упала на пол. Почувствовав тупую боль, я глянула на живот. Между пальцами текла теплая кровь.

– Что я натворила! – крикнула Лариса и побежала вызывать скорую помощь. Когда она вернулась на кухню, я была еще в сознании.

Я, прижимая рукой живот, сидела на корточках и хрипела. Прежде чем потерять сознание, я услышала, как мачеха шептала:

– Скажешь, что игралась и сама наткнулась на кочергу. Ты меня услышала?

Но я уже отключалась. И мне было хорошо. Я не слышала как приехали врачи и на огромной скорости, с сиреной меня везли в больницу. Мне пришлось удалить большую часть двенадцатиперстной кишки, потому что она почти вся обгорела. Врачи были в шоке. С такой травмой дети к ним не попадали.

Как семилетний ребенок мог играть с тяжелой кочергой и напороться на неё? Пришлось сделать большой крестообразный шов. Меня едва спасли. В больнице я пролежала почти два месяца. И, несмотря на боли в животе, там была счастлива. Меня баловали, вкусно кормили, и самое главное, я не слышала эту ужасную песню, под которую меня избивала мачеха.

Папа, когда вернулся из командировки, узнал, что его дочь в больнице, и сразу поспешил ко мне.

Войдя в палату, он застыл, как вкопанный. На него смотрела не та веселая, маленькая дочурка, с веснушками и длинными волосами, а лысый, напуганный ребенок с грустными глазами.

– Солнышко, как ты? – его голос предательски дрожал. Слова куда-то исчезли. Он сел на кровать и хотел меня обнять, но я невольно вздрогнула и отодвинулась от него.

– Всё хорошо, папа, мне уже лучше. – прошептала я. На глаза навернулись предательские слёзы. Как же я хотела обнять его и рассказать о своих бедах! Но вспомнив угрозу мачехи, ещё больше сжалась. Он всё равно не поверит и уедет в очередную командировку.

Исаак смотрел на дочь и недоумевал. Как она решила подстричься налысо? Дочка всегда радовалась своим волосам, и мужественно терпела, когда его мама её расчесывала. А теперь ещё и эта травма. Жена сказала как это произошло, и дочка подтвердила. Она могла погибнуть.

Он чувствовал, что-то здесь не так, но заглянув в себя, интуитивно понял, что не хочет знать правды. Разговор всё равно не клеился, она как чужая смотрела на него и молчала. Ещё посидев, он поцеловал дочку в лобик и вышел.

В сердце была тоска. Вроде он всё делал правильно. У детей есть мать. Он много ездит, деньги зарабатывает, чтобы они ни в чём не нуждались. Но что-то пошло не так. Сын вообще вышел из под контроля, грубит, не слушает никого, дочка ведет себя неестественно. Что не так? С

этими мыслями Исаак зашел в дом. Его приветливо встретила Лариса.

– Как дела дорогой? Как доченька? – ласково спросила она.

– Лучше, – буркнул он.

Говорить ему не хотелось. «Поскорей бы снова в командировку», – подумал он. Но начальство решило, пока дочь в больнице, его никуда не отсылать. Папа каждый день меня навещал, иногда приходил с Ларисой. И если бы был повнимательней, то увидел бы перемены в моем лице, когда входила Лариса. Но Лариса была сама любезность. Ухаживала, и из ложечки кормила. Он даже близко не мог представить, какой монстр прячется за маской любезности.

Вскоре меня выписали из больницы. Папа счастливый привез дочь домой и на следующий день уехал в командировку. Я надеялась, что после возвращения из больницы Лариса изменит свое отношение ко мне. Ведь я её не выдала, не сказала, как было на самом деле.

Ещё теплилась надежда, что всё будет хорошо. Но не прошло и недели, как я снова услышала пластинку с ненавистной песней, и зашла Лариса, держа в руках ремень. Она была аккуратно и профессионально. Следов от побоев не было видно, но при этом болело всё тело. Я стала замкнутой, и напуганной. И если возле меня кто-то поднимал руку, чтобы посмотреть который час, я от страха приседала, думая, что меня хотят ударить.

Папа редко бывал дома. Такое ощущение создавалось, что он искал возможности и причины не появляться. При нем Лариса даже голос не повышала на детей, была ласкова и мила. Но как только он уезжал, всё возвращалось на круги своя. Она морила голодом, била. Чтобы выжить, приходилось воровать еду. И за это тоже доставалось. Постоянные головокружение, боль во всем теле, голод не способствовали учёбе. Съехала в оценках, стала невнимательна на уроках. Учителя вызывали Ларису в школу, чтобы пожаловаться на мое поведение, не понимая что потом ожидало ребенка дома. И так, после очередного родительского собрания, Лариса в ярости влетела домой, схватила меня за шиворот, и забыв о профессиональных ударах, со всем остервенением стала бить по лицу. На руке у неё был большой перстень. Этим перстнем она раздробила мне носовую перегородку. На лице живого места не было. Я давно уже была без сознания, но та продолжала бить, пока сама не устала. Когда она успокоилась и посмотрела на дело своих рук – ужаснулась. Что на этот раз она скажет в больнице? Тут домой зашел её сын Виктор.

– Мама, что это!? Что ты натворила? – мальчик сел, обхватив голову руками. Ему всегда было жалко меня. Когда мама включала песню, он выбегал из дома, чтобы не видеть и не слышать, как мать истязает меня. Он ничем не мог мне помочь, или боялся помочь. Иногда вечером он заносил мне конфетку или бутерброд. Он знал, что я голодаю, и

хотел как-то поддержать меня. А сейчас он смотрел на мое лицо и не узнавал.

– Мама, мама, что ты натворила? – причитал он, не скрывая слез.

– Сынок, дорогой, помоги мне. Я не знаю, что на меня нашло. Я обещаю, что больше не буду её бить, но надо что-то сказать врачам и милиции. Ты же не хочешь, чтобы меня посадили. Как же вы без меня? – Она жалостно посмотрела на сына. Он почувствовал себя взрослым. Надо спасти маму. Виктор встал и пошел звонить в скорую помощь:

– Алло, здравствуйте. Приезжайте по адресу: Лодыгина 12, квартира 1. Мы с сестрой лазили на гору. Она сорвалась, упала и разбила себе лицо.

Когда скорая приехала, я лежала на кровати, а следы побоев в квартире были убраны. Врачи ужаснулись, увидев месиво вместо лица. Рядом сидели плачущая мама и брат. Меня увезли в больницу. Носовая перегородка была полностью раздроблена. Сделали несколько операций, но исправить до конца, и восстановить носик, каким он был прежде, они не смогли.

Исаак был в замешательстве. Возвращаясь из командировки он находит свою дочь снова в больнице.

– Что происходит, милая? Зачем полезла на эту гору?

И снова затравленный взгляд и гробовое молчание. Исаак был в отчаянии.

– Поговори со мной, не молчи. Скажи мне что-нибудь.

– Я хочу, чтобы приехала бабуля Туба. Я за ней очень соскучилась, – прошептала я, и горько заплакала.

– Хорошо, милая, не плачь, я ей напишу, и она приедет.

Папа не знал, как утешить ребенка. Внутри всё переворачивалось. С тяжелым сердцем он вышел из больницы и направился на почту.

– Мама, Алла скучает, хочет, чтобы ты приехала. Если я буду в командировке, тебя встретит Лариса. Ждём.

Отправив телеграмму, он немного успокоился.

Глава пятая

Вскоре меня выписали, и папа привез меня домой. На этот раз он решил побыть дома и взял двухнедельный отпуск. Я быстро поправлялась. Папа следил, чтобы я хорошо питалась и отдыхала. Появился здоровый румянец. Волосы отрасли и превратились в озорные кудряшки. При мысли о том, что скоро увижу бабулю, я начала понемногу улыбаться. Эта мысль согревала моё измученное сердце. Но бабуля всё не приезжала и не приезжала. Папе снова было пора уезжать. Мне было не по себе.

– Папа, не уезжай, пожалуйста, – запричитала я, повиснув у него на шее.

Сердце сжалось от отчаяния и предчувствия чего-то плохого. Мне так хотелось ему всё рассказать, но вспоминая огромный нож, я сжималась от страха, и молчала. Папа поцеловал меня в лоб и снова уехал.

Лариса пыталась держать себя в руках. Она помнила обещание, данное сыну, не трогать Аллу. Но эта несносная девчонка её так раздражала, что при малейшей возможности, проходя мимо меня, она пыталась ущипнуть или толкнуть.

И вот однажды в дверь позвонили. У меня забилось быстрее сердце, как будто хотело выпрыгнуть наружу. Лариса пошла открывать дверь. На пороге стояла бабушка Туба. Я услышав её

голос, выскочила из комнаты и с радостным криком бросилась ей на шею. Её радость перемешивалась со слезами боли и горечи.

– Бабуля, родная, ты приехала! Я так тебя ждала! Забери меня отсюда, спаси, не оставляй меня! – Я тараторила без умолку и плакала.

Я дождалась, теперь всё будет хорошо. Бабуля меня защитит. Мне было всё равно, что рядом Лариса и всё слышит. Теперь ничего не боюсь. Рядом бабуля и не даст меня в обиду.

Бабушка со слезами на глазах обнимала внучку. Она едва её узнавала. Лицо исхудавшее, с синяками под глазами, носик, который был аккуратной кнопкой, и который она любила целовать, превратился в непонятно что. Вместо пышных локонов, короткие завитушки. Но самое главное – глаза. В них было столько боли и отчаяния, что она глянула на Ларису с негодованием.

– Что здесь происходит? Что с моей малышкой? Что ты сделала с ребенком? – Туба была в ярости. – Я её заберу отсюда, мой сын что, слепой? Не видит куда привёл детей? Какую мать детям дал? Я его дождусь, и поговорю с ним.

Бабуля села на кровать и начала утешать внучку.

– Всё хорошо, цыпленок, скоро мы поедем домой, успокойся.

Так мы сидели и утешали друг друга. Я чувствовала себя счастливой и окрыленной. Уже представила, как мы приезжаем в Бердичев, как

меня встречает верный пёс, как я смеюсь, сидя у бабули на коленях.

Мечты разбились в прах, когда я почувствовала, как Лариса схватила меня за волосы и откинула в сторону. Я отлетела, больно ударившись о стену.

– Ты чего, старуха, припёрлась!? Внучку хочешь забрать? Не выйдет! – С этими слова она замахнулась и врезала её палкой по груди. Бабуля ойкнула и согнулась. Второй удар пришёлся по спине. Боль была такой невыносимой, что Тубе показалось, что она теряет сознание.

– Пожалуйста, не бей мою бабушку, я останусь, только не бей её! – Я схватила Ларису за руку и повисла на ней. Лариса оттолкнула меня и с презрением посмотрела на Тубу.

– Убирайся вон отсюда, и больше не возвращайся! Если не хочешь отплясывать на похоронах своей внучки, ты ни кому не скажешь, что здесь происходило.

С этими словами она схватила её за шиворот и вытолкала за дверь. Я на всё происходящее смотрела с ужасом. Вся надежда рухнула в одно мгновение. Бабушка, мой ангел-хранитель, на моих глазах была избита. Я должна обнять бабушку и утешить. Я не могу с ней так расстаться.

Рванувшись к двери, натолкнулась на Ларису, которая преградила мне дорогу.

– Умоляю, дай мне с ней попрощаться! – Я упала на колени, умоляюще взывая к ней. – Я никому, ничего не скажу.

Лариса посмотрела на меня высокомерно:

– Иди и смотри у меня, – и открыла дверь.

Туба сидела на скамейке и плакала, держась за грудь. Я села рядом, и мы ещё какое-то время сидели и плакали, обнявшись. Затем Туба подняла за подбородок моё заплаканное лицо и сказала:

– Аллочка, родная, я уезжаю. Пообещай мне, что папа не узнает, что здесь произошло. Ему не надо знать, что побили его маму. Ладно?

– Хорошо, не скажу, – скорбно сказала девочка, прижимаясь к бабуле, – но я отомщу за тебя, вот увидишь.

– Не надо милая, Бог ей судья. Я буду за тебя молиться. Она монстр, я это вижу. Но Бог спасёт и выведет тебя отсюда. Не отчаивайся.

Она встала. Очень болела левая грудь, и спина. Но она, преодолевая боль улыбнулась и крепко прижала меня к себе. Она постаралась взять себя в руки, чтобы ещё больше не расстраивать внучку. Обнявшись на прощание, мы расстались. Больше, чем грудь, у Тубы болело сердце. И с таким тяжелым сердцем разбитая Туба вернулась домой, так и не повидав своего сына.

Глава шестая

Прошло с тех пор чуть больше года. Меня перевели во второй класс, хоть психиатры тщательно наблюдали, решив что у меня есть отклонения. Много пропускала школу, много болела. И каждый раз, когда меня окликали по фамилии, я вздрагивала и теряла сознание. Подумать о том, что это из-за истощения, они не могли. 1978 год – год изобилия. Все продукты были доступны. Единственное на тот период было объяснение – у ребёнка с головой не всё в порядке. На самом деле Лариса поняла, что с побоями перегнула палку. Поэтому она поменяла тактику, и просто не давала мне есть.

Первое время я пыталась тайно что-то достать из холодильника, и закрываясь в туалете быстро съедала. Лариса, обнаружив пропажу, наказывала строго. Мне приходилось всю ночь стоять на коленях. Поэтому, перестав воровать еду, перебивалась тем, что найду. То соседка угостит, то недоеденный кем-то бутерброд поем. Но для растущего организма этого было мало.

Я чахла день за днем. И вот однажды, в школе, после очередного припадка и потери сознания, вызвали скорую помощь, и меня увезли в психдиспансер. Позвонили Ларисе и сообщили ей об этом инциденте.

Она знала по какой причине девчонка теряет сознание. И не на шутку испугалась. У неё были большие накопления, и чтобы правда не вышла наружу, и чтобы её не посадили, она сняла деньги, нашла кому дать, чтобы замяли это дело. Я осталась в больнице на неопределенное время, как-бы под наблюдением.

Какое же было негодование и замешательство у Исаака, когда он вернулся домой, и снова обнаружил свою дочь в больнице. Да ещё в какой!

Он решил докопаться до истины. И нашёл в больнице врача, который недавно приехал из отпуска, и не был в курсе Ларисиной махинации. Врач заново сделал обследование девочки и вызвал Исаака на разговор.

Когда Исаак переступил порог, его понесло:

– Что с дочкой, неужели всё так плохо, откуда взялись эти припадки, как от них избавиться?

Доктор остановил поток вопросов и показал на стул:

– Садитесь пожалуйста и успокойтесь. Ваша дочь абсолютно здорова. У неё нет никаких отклонений. Просто она была истощена. Её морили голодом. С ней жестоко обращались, и всё это приводило к такому состоянию.

Доктор пристально посмотрел на отца:

– Девочка мне всё рассказала, её нельзя возвращать домой. А эту женщину нужно посадить за жестокое обращение с ребенком. Вы всё поняли?

Исаак был в шоке. Он готов был услышать всё что угодно, но только не это. Как это может быть? Лариса была так мила со всеми. Неужели за маской улыбки пряталось чудовище. Но посадить он её не мог. Двое детей. Как никак, но мать. Он посмотрел на доктора и кивнул.

– Я разведусь с ней, но сажать не буду. Бог ей судья. Спасибо большое за правду. Пусть дочка побудет в больнице, пока я всё устрою.

Он развернулся и вышел.

Когда мне сообщили, что скоро я поеду в Бердичев, то боялась в это верить. Слишком часто надежды рушились. Но в один прекрасный день на пороге больницы появился папа с чемоданом в руке. Рядом стоял Леон.

– Ну что, дети, – воскликнул папа, – едем в Бердичев!

Я посмотрела на отца со слезами на глазах: «Так это правда? Я увижу бабушку и мы будем снова вместе? Никто нас больше не разлучит?»

С упоением вдохнув аромат свободы, я села на корточки и заплакала от счастья. Как здорово, что всё позади. Я не увижу больше мачеху и не услышу эту песню. Я еду домой!

Глава седьмая

Возвращение домой казалось таким долгим. Наконец-то я увижу бабушку, буду играть с Алканом. Впервые за два года мои глаза светились от счастья. «Теперь-то я точно больше с ней не расстанусь,» – так я размышляла, глядя на плывущие облака. Часто перед глазами вставала картина, как Лариса бьет бабушку, и сердце сжималось от тоски. Мне было стыдно, что не смогла её защитить. При этом я понимала, что слишком маленькая, и ничего бы не изменила.

Но теперь всё позади. Уже виднеется наш домик. Наша калитка. Но почему бабушка у калитки меня не встречает, как это было всегда, и Алкан не лает, и не встречает. Какая-то тревога зашла в сердце.

Мы зашли в дом. Бабуля лежала на кровати исхудавшая и бледная. Я запрыгнула на кровать и обняла её.

– Бабуля, а ты чего лежишь? Почему нас не встречала? Я так скучала. Больше я не уеду, честно, честно, – не умолкала я.

Бабушка меня обняла и заплакала.

– Извини, родная. Я немного приболела, но рада, что вас дождалась.

Я была растеряна. Всегда такая радостная, шумная, полная энергии, моя бабушка лежала неподвижно.

Позже я узнала, что удар по груди не прошёл даром. Туба никому не говорила, что произошло в Алма-Ате и не показывалась врачу. У неё образовалась опухоль, которая росла. Затем пошли метастазы. Она знала, что умирает, но переживала, что будет с её непутёвым сыном, и с внуками.

С нею работала одна женщина, еврейка. Она была одинока и сама растила сына. Туба несколько раз пыталась их сосватать. Но Эсфирь, так звали эту женщину, только отшучивалась. Понимая, что осталось не долго, бабушка позвала меня. Я пришла с тяжёлым сердцем, предчувствуя беду.

– Милая, мы скоро расстанемся, – ей нелегко было говорить. – Ты помнишь обещание, которое дала мне? Не рассказывать папе, что произошло со мной в Алма-Ате.

– Помню, – хмуро ответила я, – но при этом даю другое.

Я выпрямилась, торжественно положила руку на сердце и произнесла:

– Когда я вырасту, и мне исполнится 20 лет, я накоплю деньги, поеду в Алма-Ату, и убью Ларису. Ты будешь отомщена!

Я была воодушевлена своей клятвой, но бабушка меня остановила:

– Нет, родная, не делай этого. Бог ей судья. Ты не убийца, ты не она. Ты проживешь красивую и интересную жизнь. Я буду молиться за тебя, – она тяжело вздохнула. – Позови ко мне папу.

Исаак зашёл и сел на кровать, сжав мамину руку.

– Сынок, ты знаешь мою напарницу Эсфирь. Я очень бы желала, чтобы ты на ней женился. Она добрая, порядочная женщина. Я знаю её много лет. Дети много пострадались, хватит с них. С ней им будет хорошо...

После этих слов она закрыла глаза и умерла.

Я была напугана, как никогда. «Что значит умерла? Что такое смерть? Я так ждала встречи с бабушкой и что? Конец? Нет, не может этого быть! Я не верю!»

Я забилась в угол и заплакала. Я отказалась пойти на похороны, мне было страшно заглянуть в гроб, где лежала бабушка. Страшно, и одиноко... Единственным во всем мире человеком была для меня бабушка, которая любила, заботилась, молилась...

Только с ней я себя чувствовала в безопасности. Даже в Алма-Ате мысли о бабушке согревали моё израненное сердце и давали силы бороться за свою жизнь. И вот, страшное слово смерть разлучило нас. Неужели всё, или есть надежда?

Я вспомнила, что у бабушки на полке лежала большая чёрная книжка, на которой большими золотистыми буквами было написано «БИБЛИЯ». Бабуля не разрешала её трогать, но сама она с каким-то трепетом подходила к этой книге и закрывала глаза. Надо пойти в церковь и расспросить людей. Может они дадут ответы на сложные вопросы. С этими мыслями я немного успокоилась и решила дождаться воскресенья.

Прошло пять дней, как похоронили бабушку. Я плохо спала в эти дни, и почти ничего не ела. Но проснувшись в воскресенье, я приободрилась, одела самое нарядное платье, расчесала свои завитушки, снова вспомнив мои локоны и бабушкины руки, и торжественно направилась в церковь.

Это был православный храм с иконами и крестами. Никогда прежде я не видела столько красок и такого великолепия. Со всех сторон на меня смотрели лики святых, да так, что аж дух захватывало. По бокам у входа сидели люди и просили милостыню. Я прошла внутрь и стала вглядываться в толпу, ища у кого спросить: «Кто такой Бог? Что такое смерть? И есть ли жизнь после смерти? Встречусь ли я еще раз с бабушкой?»

Прокручивая в голове вопросы, чтобы ничего не забыть, я увидела как в мою сторону сквозь толпу пробивается бабулечка. Худенькая, сгорбленная, она шла и мило улыбалась мне. Я улыбнулась в ответ и направилась к ней на встречу. Вот этот миг ожидания! Моё сердце, казалось, выпрыгнет из груди.

Но не успела я открыть рот, чтобы что-то спросить, как услышала:

– А ты, жидовское отродье, что здесь делаешь? Пошла вон отсюда! – проговорив это, старуха затерялась в толпе.

Я стояла растерянная и опустошенная. В сердце зашли сумерки. «Нет никакого Бога», решила я, и со слезами на глазах выскочила из храма.

«Больше никто меня не посмеет обидеть! А когда я вырасту, то убью Ларису! Нет Бога! Я буду судить её!»

С этими злыми мыслями я вернулась домой. Папа сидел на диване и читал газету. Посмотрев на него зло, я сказала:

– Дай мне вырасти, а потом женись на ком хочешь. Иначе ты меня никогда не увидишь!

Я хлопнула дверью и выскочила во двор. Всегда, когда мне было грустно, я пряталась в будке Алкана, а он, как верный пёс никого не подпускал. Но когда я вернулась из Алма-Аты, мне сказали, что пес скучал, ничего не ел, а потом сорвался и убежал. И так и не вернулся домой. Сжавшись в комочек, влезла в опустевшую будку. Мне там уже было тесно. За эти два года я выросла, вытянулась, но мне так хотелось спрятаться от всего этого жестокого мира...

Глава восьмая

Шло время. Мы ходили в школу, папа разъезжал по командировкам, его сестра приносила нам еду, и мы были предоставлены сами себе. Бабушкино желание исполнилось. Папа действительно подружился с Эсфирь, и её сыну он тоже понравился. Но при этом он боялся рассказать мне об этом.

Он помнил, что я когда-то говорила. Но уже прошло два года с того времени. Может она одумалась.

Позвав меня, он

попробовал поговорить со мной о ней. Но я только озлобленно на него посмотрела и показала на поезд.

– В день когда ты женишься, я под него брошусь. Вот будет подарок. Да? – я скривилась в злобной усмешке.

– Алла, но она другая, – защищался папа, – дай ей шанс.

– Нет! – взорвалась я. – Ты меня услышал!

И я выскочила, как ошпаренная. Прошло ещё несколько лет. Папа уговорил меня пойти к ней в

гости, чтобы пообщаться. Я видела как ему нелегко. Боль утраты по бабушке начала затихать, и я сменила гнев на милость. Мы пришли к ней в гости. Эсфирь накрыла стол. Чего только там не было. Много разных блюд, салатов, деликатесов. Но я всё равно смотрела на неё волчком. Затем она предложила мне искупаться в ванной. Я с радостью согласилась. Она меня везде намылила, потеряла спинку, и это меня сломило. Я дала согласие на их брак. Вскоре они поженились, и мы переехали к ней в квартиру. Эсфирь действительно оказалась доброй, милой женщиной. Но мы были не те.

К тому времени мне было 13 лет, а Леону 15. Что мы только в её доме не вытворяли. Били посуду, играли в футбол у неё дома, воровали деньги, чтобы пойти в кино. Ни в чем её не слушали. Ей было очень нелегко, но она ни разу не повысила на нас голос. Папе на нас она ни разу не пожаловалась. И он был доволен. Наконец-то дети пристроены, и можно продолжать разъезжать по командировкам.

Вскоре новая беда пришла в нашу семью. У папы на работе в столе обнаружили наркотик. Он пытался доказать, что его подставили, что он не занимается этим, но всё было бесполезно. Ему присудили семь лет и отправили далеко в другой город. Все соседи, знакомые советовали Эсфирь отправить нас в интернат, зная какие мы неуправляемые. Но она не слушала их, и спросив нашего разрешения, взяла над нами опеку. Это был героический поступок, и я его оценила.

Леон как вёл себя, так и продолжал вести, но мое поведение изменилось. Я стала её слушаться, во всем помогать, даже в учебе подтянулась, чтобы ей не было стыдно за меня.

Я очень тосковала по бабушке Тубе. Хотя прошло немало лет, рана от потери всё также кровоточила. Я лелеяла мечту, что вырасту и

отомщу за её смерть.

Меня согревала мысль, что где-то в далёком Семипалатинске есть ещё одна бабушка. В том городе я родилась. Там жила и умерла моя мама. Я очень хотела поехать туда, и провести там какое-то время. Я надеялась, что бабушка Фаина станет моим утешением, и в её объятиях боль утраты утихнет.

И вот этот день настал. На шестнадцатилетие брата нас бабушка пригласила в гости и оплатила

билеты. Я была в восторге. Мы летели через Москву, и там на неделю остановились у дяди Анатолия, родного брата мамы.

То было замечательное время. Дядя составил план на каждый день, и мы осматривали достопримечательности столицы. А затем вылетели в Семипалатинск. В аэропорту нас встретила бабушка. Я лепетала без умолку, заглядывала в глаза, задавала кучу вопросов. Я так нуждалась в её любви. Но она, казалось, не обращала на меня никакого внимания. Обнимая Леона, она с пренебрежением смотрела на меня, и не реагировала на мои вопросы. Эмоции так переполняли меня, что я этого не замечала.

И вот мы дома. Я с благоговением зашла в мамину комнату. Диван, портреты, шкафы. Я вглядывалась в лица, пытаюсь вспомнить маму. Но у меня это плохо получалось. Мне было интересно, чем мама увлекалась, чем занималась, я про неё ничего не знала. Но ничего, мы здесь на два месяца, есть время расспросить.

С этими мыслями я зашла на кухню, где бабушка накрывала стол, а Леон ей помогал. Они что-то бурно обсуждали, но когда я зашла наступила неловкая пауза. Я села за стол и пристально посмотрела на бабушку.

И та заговорила:

– Послушай меня сюда.... Ты здесь нежеланный гость, я терплю тебя только из-за брата. Поэтому веди себя тише воды. Ты меня поняла? – бабушка говорила чётко, с расстановкой, пытаюсь

донести до моего ошарашенного сознания смысл сказанного.

Я сидела, как ошпаренная. Леон потупившись, молчал. «Ладно, мачеха ко мне так относилась, я ей не родная, но это-то родная бабушка! За что!? Почему!? Чем я хуже брата!?!»

Я выскочила из-за стола и вбежала в мамину комнату. Бросилась на её кровать и горько расплакалась. «Наверное, я какая-то не такая, что брата любят, а меня нет». Я смотрела на мамин портрет и пробовала излить боль своего сердца. Мама смотрела на меня и мило улыбалась. От этого боль становилась ещё больнее. «Зачем ты меня родила, в чём смысл моей никчемной жизни, когда это все закончится?»

В комнату вошёл Леон и потупив взор сказал:

– Ты бабушку не расстраивай, как она скажет, так и поступай. Она всё-таки немолодая.

Я сокрушенно вздохнула. Что будет, то будет....

Так проходили дни. Я сидела взаперти дома, убирала, мыла полы, готовила. А они уходили утром и приходили вечером, и брат с упоением рассказывал, где они были, что ели, какие достопримечательности посещали. Я им завидовала, я так мечтала выйти просто подышать свежим воздухом, стены дома меня душили.

Так прошёл месяц. Я выполняла любые приказы бабушки, надеясь завоевать её любовь. Но всё было тщетно. Я была для неё пустым местом. Тогда я решила попробовать через брата надавить

на неё. Леон собирался встретиться с друзьями в парке и провести с ними время. И я настоятельно потребовала от него, что бы он взял меня с собой. Уговорив бабушку меня отпустить, мы вышли на улицу. Я наслаждалась свободой, дышала полной грудью и была благодарна брату, что вытащил меня из дому. Мы сидели в прекрасном зеленом парке, рассказывали анекдоты, к нам присоединились ещё ребята. Леон вырос здесь, у него было много друзей, а я никого не знала. Но мне было приятно с ними время проводить, лучше чем под замком, в четырех стенах. Постепенно начало смеркаться. Дороги домой я не знала.

– Леон, пошли домой, – сказала я, – а то бабушка будет волноваться.

Но он отмахнулся от меня как от назойливой мухи, и продолжать болтать с друзьями. Всё темнело и темнело. Я встревоженно повторила попытку уговорить брата пойти домой, но он не обращал внимание на мои просьбы. Тут мы увидели соседскую девочку, которая бежала к нам.

– Вас бабушка везде ищет, идите домой! – крикнула она и убежала.

Не успели мы зайти в дом, как бабушка подлетела ко мне, и больно толкнула меня о стенку.

– Ты, дрянь такая, решила брата с пути сбить. Ты на него дурно влияешь. Чтобы мои глаза тебя не видели. Чтоб ты сдохла! – её проклятья так и вылетали из её уст, и я в шоке наблюдала эту картину. Мой брат гладил бабушку и утешал:

– Прости её, она больше не будет.

«Что я не буду, что я натворила? Здесь нет моей вины». Я злобно смотрела на брата, и понимала, как их обоих начинаю ненавидеть. Я всегда гордилась тем, что у меня есть старший брат, но при этом он ни разу не заступался за меня. И мне было обидно. После того, как посадили папу, моё поведение изменилось, по отношению к маме Эсфирь, но брат несколько не изменился, и когда он пакостил, и мама спрашивала пока не признаетесь кто это сделал, не пойдете гулять. Я выжидала какое-то время, а потом брала вину на себя. Выдать брата я не могла, но так жаждала, чтобы он за меня заступился. Он, счастливый, шел гулять, а я, наказанная, сидела дома. И сейчас то, что произошло меня вывело из себя.

– Немедленно отправляй меня домой! – закричала я в бешенстве. – И дня с тобой под одной крышей не буду! И не смей на меня поднимать руку! Убью! Я уже не та маленькая девочка, которую можно безнаказанно бить!

Зайдя в мамину комнату, я села на кровать, и уставилась в одну точку. Во мне что-то треснуло и умерло. Так просидела всю ночь, а утром мы поехали в аэропорт, и бабушка купила мне билет в Украину. Её испугала моя выходка, и она была рада от меня избавиться. С невеселыми думами я возвращалась домой. Мне было так больно в душе, я понимала, что бабушка Фаина и брат Леон для меня перестали существовать. И все мои чаяния и надежды рухнули в одночасье.

У меня никого нет и мне никто не нужен.

Я отомщу за бабушку Тубу и сяду. Вот смысл моей никчемной жизни. Вернувшись домой я застала маму Эсфирь в больнице. Она перенесла сложную глазную операцию, потому что резко начала терять зрение. Найдя её в палате, я нежно, как умела обнимала и целовала её. Это было моё первое проявление любви к неродному человеку, который стал родным. Родная бабушка сделала меня изгоем, а Эсфирь приняла меня, и полюбила.

На глазах была повязка, и она не сразу осознала, кто проявляет к ней такие чувства. Не зная, что я раньше времени приехала, она пыталась меня ощупать, угадать кто же это, а я плача, обнимала её и просила за всё прощение.

Глава девятая

В моей душе что-то надломилось. Мало того, что бабушка не оправдала надежды, так и брат оказался предателем. С горем пополам я закончила восьмилетку, и поступила в ПТУ. Учёба мне не приносила удовольствия, но при училище были спортивные секции, которые меня заинтересовали. Настольный теннис и стрельба.

Теннис для души, а стрельба для цели.

Мысль отомстить за бабушку Тубу ни на мгновение меня не покидала. Пережив предательство, казалось родных людей, я с неприязнью смотрела на своих сверстников, не желая ни с кем дружить.

Однажды я проснулась от песни студента в голове. Я вскочила, в страхе заперлась в туалете и долго не могла успокоиться.

Мне исполнилось пятнадцать лет. Я была рослой, крепкой девочкой, с карими глазами, глядящими исподлобья, с короткой стрижкой кудряшек, как их не расчешешь, через пять минут они снова взъерошивались и торчали во все стороны. Белоснежная кожа, красиво выделяющаяся грудь, чуть-чуть полноватая, но не толстая, я не замечала взгляды мужчин, сопровождающие мою походку.

Однажды в училище первого апреля был конкурс юмора. Меня попросили что-то спеть или рассказать. Я знала одну веселую песенку про близнецов и решила её спеть. Никогда раньше не выступав на публике, я конечно очень волновалась.

Пересилив себя, спела:

*«Нас в семье всего лишь двое,
Различить не могут нас,
Родились мы с Колей вместе
В один день и в один час,
Мама вскрикнула: – О Боже,
Как похожи, просто жуть,
Папа буркнул: – Ну и что же,*

Разберемся как-нибудь.»

*Папа, а за папой мама, а за мамой Коля, а за
Колей я, да, да, да.*

*Нас уж различить не могут,
Нас не могут двадцать лет,
Рожа Коли абсолютно,
Абсолютно мой портрет.
Николай дразнил собаку,
Укусил бульдог меня,
Николай порезал ногу,
А лежал в больнице я.*

*Папа, а за папой мама, а за мамой Коля, а за
Колей я да, да, да, да.*

*Но однажды я влюбился,
Объяснялся целый год,
Николай на ней женился,
Тёща у меня живет.
Николай с женой гуляет,
Я о детях хлопочу,
Николай с женой развёлся,
Алименты я плачу.*

*Папа, а за папой мама, а за мамой Коля, а за
Колей я, да, да, да.*

*Но однажды будто счастье улыбнулося и мне,
Николай работал месяц, а зарплату дали мне.
Но еще быть может хуже, Николай ужасный
плут,*

*Он умрет, меня наверно хоронить поволокут.
Папа, а за папой мама, а за мамой Коля, а за
Колей я, да, да, да.*

Я имела успех. Меня заметили, аплодировали. Не привыкнув к такому вниманию, я робела и краснела.

И тут подошли две мои одноклассницы Люда и Тася.

– Аллочка, ты великолепна, – проворковала Люда. – Пойдём с нами на вечеринку.

– А это куда, и в честь чего вечеринка? – заинтересовалась я.

– Мой брат в армию уходит, хочет потусить с друзьями и нас приглашает, – ответила Люда и подмигнула Тасе. Тася подхватила разговор:

– Ну же, идём, ты не пожалеешь.

Я радостно согласилась. Мы вышли из училища. Нас встретили трое ребят восемнадцати лет, и мы пошли. Ребята весело балагурили и подшучивали над нами и девочки вторили им в ответ. Я шла робко оглядываясь по сторонам. Мне эта затея перестала нравиться, но подводить девочек я не решилась. По дороге парни купили спиртное, и мы пошли дальше. Наконец-то мы попали на какую-то поляну в лесу. Вдруг девочки как

по команде вскочили и крикнув: «Мы сейчас придём». – убежали.

Я села на траву растерянная и встревоженная. Явно на вечеринку это не похоже. Ком подкатил к горлу. Тут ко мне подошел один из парней.

– Привет, выпьешь за меня? – В руках он держал бутылку “хереса”.

– Нет, я не пью. – испуганно ответила я.

– Ты пьешь, только не знаешь об этом. – ухмыльнулся он и грубо взял меня за шиворот.

Остальные ребята подошли с интересом наблюдая за этой сценой.

– Я не буду пить! – крикнула я, и рванулась от него.

Тут двое других схватили меня и повалив на землю начали с остервенением срывать с меня одежду. Пытаясь сопротивляться и кричать, я не сдавалась, пока не получила сильный удар по голове.

Остальное происходило как в тумане. Ни боли, ни стыда я не чувствовала. Когда они надругались над моим телом, и отрезвели, поняли, что влипли. Я несовершеннолетняя, и это статья.

Недалеко от той полянки была железная дорога. И они посоветовавшись решили бросить меня на рельсы. Сказано, сделано. Положив меня на рельсы, они убежали. Я отчетливо слышала как приближался поезд, но у меня не было силы пошевелить даже рукой. Я так часто сталкивалась со смертью, что почти подружилась с ней. Чувствуя, что

пришло её время, я мысленно обратилась к маме Эсфирь, попросилась с ней, и зажмурилась от страха.

И в тот момент, когда я ожидала смерти, сильные руки схватили меня и стянули с насыпи. Поезд пронёсся возле головы, грохоча колесами, оглушая нас.

Я глянула на того, кто меня спас. Это был один из трёх насильников. В последний момент он испугался взять ещё больший грех на душу и вернулся за мной.

– Прости меня, – прошептал он, – я не хотел, чтобы так получилось. – Я помогу тебе дойти домой.

Он попробовал меня поднять, но я его толкнула, и сама встала. Болело всё тело, кружилась голова, но я не хотела, чтобы он мне помогал.

– Убирайся вон! – крикнула я, и пошла в сторону дома.

Дома мама места себе не находила. Дочка давно должна была вернуться из училища. А её всё нет и нет. Предчувствие чего-то плохого её не покидало. И тут открылась дверь, и вошла я. Окровавленная, обессиленная, опустошённая.

– Алла, ты где была, что случилось!? – подбежала мама с тревогой разглядывая меня.

Ничего не говоря, я села и зарыдала.

«Я так устала страдать! Сколько можно!? Когда это всё кончится? Почему столько несправедливости и зла на земле? Смысл моей

жизни в чём? Страдать и сдохнуть как собака? Я так устала, так устала!» Я лежала на полу и истерила.

Мама вызвала скорую помощь и милицию. Тех парней сразу схватили. Им присудили по восемь лет строгого режима, и вместо армии они оказались на нарах. Бердичев маленький городишко. Все как-то узнали эту историю, и мне было стыдно ходить по улицам, казалось все смеются надо мной. Я еще больше стала замкнутой и одинокой. Поскорей бы доучиться и уехать отсюда.

Жизнь шла своим чередом. Леон уехал в армию, и связь с братом окончательно разорвалась.

Я на своё восемнадцатилетие получила письмо от бабы Фаины, в котором говорилось, что у меня есть наследство, которое мне завещала мама Роза. И я должна приехать и вступить в права на наследство.

И тут меня как осенило!

Вот причина
ненависти бабушки
Фаины ко мне!

Разозливши
сь я села и написала
ей письмо:

«Фаина

Марковна, не
называю вас
бабушкой, потому
что вы не
заслужили
называться ЭТИМ

высоким званием. Ради этого наследства вы возненавидели меня. Оно вам дороже родной внучки. Будьте же вы прокляты, и заберите это наследство себе. Оно мне не нужно. Я отрекаюсь от него в вашу пользу. И подписываюсь под своими словами. Сдохните и заберите его с собой в могилу. Алла». Я отправила это письмо и мне полегчало.

Глава десятая

Прошло время, я с отличием закончила ПТУ и по направлению поехала в Харьков работать на кожзаводе лаборантом. При этом заводе было общежитие строгого режима. Первый этаж занимали молодые девушки, второй этаж семейные пары, а третий этаж одинокие парни. Общежитие закрывалось в 23.00, и вахтёрша строгойше следила, чтобы с первого на третий никто не бегал.

Часто на заработки приезжали ребята из Казахстана, Узбекистана, и других стран. Они после работы пытались общаться, подружиться с девушками с первого этажа. И как правило, это заканчивалось плачевно. За аморальное поведение их выгоняли, девушки беременели, а парни возвращались к себе домой. Репутация была та ещё. Но меня это не волновало. Ни с кем дружить я не собиралась.

Я приближалась к своей цели. Стрелять научилась, имела второй юношеский разряд. Осталось заработать денег побольше, поехать в Алма-Ату и убить ту женщину.

Своё девятнадцатилетие я встретила с шиком. Впервые зашла в забегаловку, заказала спиртное, и залпом выпила.

– За тебя, моя родная бабушка! Скоро ты будешь отомщена.

Я ходила на работу как зомби. В моей комнате были ещё две девочки чуть постарше меня. Симпатичные блондинки, за которыми бегали мальчики. Каждый вечер к ним в окошко стучались и звали на свидание. И они счастливые, умудряясь перехитрить вахтершу, проскакивали мимо неё и бежали наверх к своим кавалерам. А затем всю ночь шушукались, рассказывая интимные подробности. Они и меня звали в свою компанию, но я вежливо отшучивалась.

Но вот однажды возвращаясь с работы, я заметила в вестибюле парня. Он сидел на стуле бледный, едва сдерживая слезы от дикой боли. Его правая нога была в гипсе и лежала на стуле. Через гипс просачивалась кровь. Я уже встречала его по дороге на работу. Он две недели назад приехал на заработки из Узбекистана.

Симпатичный мальчик с чёрными как смоль глазами, смуглый, с шевелюрой чёрных волос, и улыбкой от которой таяли девичьи сердца. Его заметил женский коллектив и проходу не давал. Но он ни на кого не реагировал. И вот сейчас он явно нуждался в помощи. Я несмело к нему подошла.

– Привет, меня зовут Алла, тебе нужна помощь, что с тобой случилось? – я с состраданием посмотрела на него.

От его взгляда у меня сжалось сердце.

– Плита бетонная упала на ногу, – прошептал он, – все пальцы вдребезги, кость в ступне поломана. Мне в больнице наложили гипс и привезли сюда. Уже два часа здесь сижу. Ни

костылей, ни обезболивающих. Не могу подняться к себе в комнату. – Он это выпалил на одном дыхании.

Я чувствовала что не могу его здесь бросить, ему нужно помочь. Я ещё не догадывалась, как эта встреча полностью изменит мою жизнь.

– Давай я тебе помогу подняться наверх.

Я помогла ему привстать, перекинула его правую руку через моё плечо. И так, одной рукой держась за стену, другой повиснув на мне, прыгая, он доковылял на третий этаж. Я его уложила на кровать, пожелала скорейшего выздоровления и ушла.

«В его комнате стоят ещё три кровати, так что не пропадёт», – подумала я и с опаской спустилась. Сюда строго настрого запрещалось подниматься одиноким девушкам. «Но я же доброе дело сделала и никакой пошлости», – рассуждала я, спускаясь вниз. Но это надо ещё доказать, если что...

Слава Богу, никто не видел меня, и я успокоилась. Прошло три дня. Воскресное утро выдалось прохладным, и я решила прогуляться по парку. Я открыла дверь своей комнаты и ужаснулась. Напротив нашей двери лестница, ведущая на верхние этажи. И по этой лестнице не спускался, а скорее полз тот юноша с окровавленной ногой. Он весь дрожал, бледный, он тащил безжизненно висящую ногу, пот стекал ручьём с его лица. Было видно, как тяжело давался каждый шаг.

Я к нему подскочила.

– Ты ненормальный, ты куда направился? – Мне и жалко его было, и злилась на него. Свалился тут на мою голову.

– Я три дня ничего не ел. Мне нужно в магазин, или я умру голодной смертью. – Прошептал парень и повис на перилах.

Я его подхватила и поволокла наверх. Никого не было рядом чтобы мне помочь. Я уложила его на кровать. Он весь горел и дрожал. Ему явно было очень плохо.

Позже я узнала, что в его комнату никого не заселили. И он сам ни с кем не подружился. Он был одинок, и я понимала что не могу его бросить немощного.

Я сходила в магазин, купила продукты, фрукты, приготовила суп, и начала за ним ухаживать. Я сильно рисковала испортить репутацию. Но по-другому не могла поступить. У него деньги были, и то что он хотел, я ему покупала, на такси его возила на перевязки, и с моей помощью он начал поправляться. Раны уже не кровоточили, но кости тяжело срастались. На меня бросали взгляды полные негодования, угрожали, что выгонят и его и меня, но на тот момент я поняла, что не могу его бросить.

В сердце была пустота. Я его не любила, он мне даже не нравился, но и не помочь ему я не могла. Я пробовала объяснить своё поведение администратору. И на время меня оставили в покое.

Так прошло три месяца. За это время раны затянулись, гипс сняли, но были наложены тугие

повязки. Боли ещё были, особенно в пальцах, но когда я сидела возле него, боль отступала на второй план, и он мог расслабиться.

Жумабой, так звали парня, не мог и дня прожить, не увидев меня. Он за это время так ко мне привык, что страдал, если меня долго не было. Поняв, что влюблен безумно, принял решение, сделать всё возможное, чтобы завоевать меня.

«У неё такие грустные глаза и печальная улыбка, они влекут меня. Я без них уже не смогу жить», – так размышлял он, задумчиво глядя на свою ногу.

Он уже полностью был восстановлен. Врачи переживали, что может начаться гангрена, и придётся отрезать пальцы на ногах, но каким-то чудом косточки правильно срослись и операцию не пришлось делать. Он был счастлив. И тут в комнату зашла я, несчастная и заплаканная.

– Меня уволили и выгнали из общежития! – выпалила я. – И всё из-за тебя! Я пришла попрощаться.

Я развернулась, чтобы уйти, но не успела дойти до двери, как Жумабой оказался возле меня. Не дав мне выйти, он притянул меня к себе, обнял и впился в мои губы горячим поцелуем. Я застыла в шоке, не сразу поняв что произошло.

– Алла, прошу тебя, дай мне помочь тебе, – Жумабой крепко держал меня за талию. – Я найду квартиру, и буду сам оплачивать её. Только не отвергай меня, пожалуйста.

Он снова меня поцеловал. Я стояла ошарашенная, не зная, как на это реагировать.

В Бердичев я возвращаться не хотела. Брат после армии уехал в Москву. Папа вышел из тюрьмы раньше срока, по амнистии, и жил с мамой Эсфирь. Но там я все равно чувствовала себя чужой. Деваться мне было некуда.

– Хорошо, – прошептала я, – найди мне квартиру. Мне дали неделю сроку, чтобы съехать.

С этими словами я развернулась и вышла. Моё лицо горело, сердце, казалось, выпрыгнет из груди. Любовь явно не входила в мои планы.

Я и не любила. Этот поцелуй меня взбудоражил и вскружил голову. Ладно, посмотрим, что будет дальше. Я пришла в комнату, села на кровать и застыла. Давно по общежитию ходили сплетни про нас, и даже до интимных подробностей. Мне было противно, что-либо опровергать, зная что всё это ложь. И тем не менее, за аморальное поведение меня выгнали и с работы, и из общежития. Друзей я так и не нажила, и некому было вставить за меня словечко.

Так что, вся надежда была на Жумабоя, что он реально поможет с жильём и работой. И действительно, он не подвел. Ещё до травмы, что произошла с ним, Жумабой познакомился с одинокой бабушкой, у которой много что было неисправно. Умея ремонтировать всё, что попадает в его поле зрения, они друг другу пришлось по сердцу. Он ремонтировал у неё утюги, выключатели, электропроводку, и многое другое, а она его

обхаживала, как сына и вкусно кормила. И первым делом он побежал к ней просить за меня. Баба Клара скучала за ним не зная, что произошло. И увидев его, очень обрадовалась, и с радостью согласилась принять меня.

Я пошла на курсы штукатурка-маляра и работала на стройке. Коллектив был отменный. Меня приняли, как родную, и я влилась в новую работу. Мама Эсфирь прислала мне письмо, где говорилось, что я работаю полгода, а затем мы все репатрируемся в Израиль. Они готовят документы и меня вписывают туда. Меня эта новость поразила, но и обрадовала. Ладно, успею я её убить, решила я. А Израиль это интересно.

А тем временем Жумабой во всю развивал цветочно-конфетный период. Он уже восстановился на работе. Незаметно прихрамывал. И каждый день вечером приходил к нам. Баба Клара места себе не находила. Куда посадить, чем накормить, как бабочка порхала возле него и нарадоваться не могла. А когда он уходил все уши прожужжала мне:

– Ах, какой парень, как тебе повезло. Приглядишься к нему. Ты с ним не пропадёшь.

– Я слушала её снисходительно, но была себе на уме. Я всё равно скоро уеду. Пусть ухаживает, мне даже приятно. Между нами ничего нет и быть не может. Но вот однажды баба Клара объявила что у неё день рождения, юбилей. Я помогла подготовить праздничный стол, украшение, угощение. Жумабой она тоже пригласила. Было примерно десять человек. Семейные пары, дальние

родственники, и просто друзья. Весело сидели, песни пели, выпивали, не без этого. Я обычно не пью, поэтому быстро опьянела, и в разговоре сказала, что собираюсь скоро уехать в Израиль. Если бы я была повнимательнее, я бы заметила перегляды бабы Клары с Жумабоем. Но мне было весело и вольготно. Где-то к двенадцати ночи все начали расходиться. Я также начала гнать Жумабая, что бы он шёл домой, но баба Клара возмутилась.

– Ты чего, ведь общежитие уже закрыто, не на улице же ему ночевать. Я ему постелю на раскладушке, – с этими словами она пошла в кладовку.

Мне уже было всё равно. От алкоголя кружилась голова и подташнивало. Я пошла к себе и легла. Сквозь полудрему я почувствовала как кто-то меня гладит и нежно раздевает. Я пыталась сопротивляться, но безуспешно. Его жаркие поцелуи и нежные руки сломили девичье сопротивление, и я сдалась. Не осознавая всю серьезность происходящего, я отдалась порыву естественного желания. На утро, когда весь хмель развеялся, я осознала, что произошло.

– Ах ты, сволочь! – кричала я в ярости и негодовании, – что между нами было!? Что ты натворил!? Использовал момент! Убирайся, чтобы я тебя не видела! – Я была вне себя. Рвала и метала.

– Алла, я люблю тебя, выходи за меня замуж – он стоял растерянный, и виновато поглядывал на меня.

– Ни за что не выйду! – кричала я, – убирайся!

Он опустил голову и вышел, а я села и заплакала.

Да, я осознаю, что играла с ним. Позволяла ему ухаживать за мной, уверенная, что ничего между нами не допущу. Использовала его в своих интересах. И вот доигралась. В моих планах вовсе не было выходить замуж.

И на бабу Клару была зла. Скорее всего, здесь не обошлось без её участия. Я пошла в свою контору и попросила для себя общежитие. Больше не хотела и часа там оставаться. Слава Богу, были свободные комнаты, и меня поселили в женское общежитие. Жумабой пытался меня там навещать, но я к нему не выходила, и вахтерше сказала, чтоб его ко мне не впускали. В том общежитие не было строгих правил. Можно встречаться с кем хочешь.

Так прошло два месяца. Я работала, считала дни, недели, когда можно будет уволиться и уехать в далекий Израиль.

Глава одиннадцатая

И вот однажды, штукатуря стену на высотном этаже, я почувствовала себя плохо. Подошла мой мастер Нина Ивановна.

– Алла, у тебя всё хорошо? – она с интересом смотрела на меня. – Сходи-ка ты ко врачу. И принеси справку, что тебя можно допускать до работ на высоте.

Я действительно себя чувствовала не очень хорошо, может отравилась чем. Пошла к участковому терапевту. Та, ничего особенного не обнаружив, отправила меня к гинекологу. Придя к гинекологу, увидела мужика в белом халате и недоверчиво на него посмотрела.

– Заходите, раздевайтесь и ложитесь на кресло, – вежливо сказал он.

– Сейчас, разбежалась! – разгневалась я. – А женщины врача нет что-ли?

– Нет, к вашему сожалению, – улыбнулся доктор, – кто-то в отпуске, кто-то болеет. Я к вашим услугам.

Я развернулась и вышла. «Приду, когда будут женщины», – подумала я. Но мастер меня к работе не допустил без справки, справку терапевт не дает без заключения гинеколога, и мне пришлось к нему вернуться. Он снисходительно на меня посмотрел и указал на кресло. Скрепя сердце, я разделась и

легла. Хоть мне было девятнадцать лет на тот момент, я впервые попала к гинекологу.

Пока я примерялась, как сюда залезают, он задавал вопросы: сколько мне лет, с кем я живу, с какого возраста?

Такая бестактность меня возмутила.

– Как вы смеете задавать такие вопросы? Я порядочная, ни с кем не живу!

– Хорошо, порядочная, давай я тебя посмотрю, – усмехнулся доктор и начал осмотр. Я только ждала, когда это всё закончится. После осмотра он пристально посмотрел на меня и сказал:

– Надеюсь, ты не Дева Мария? Ты беременна. Десять недель. Одевайся.

Он сел на свой стул и начал что-то заполнять. А я лежала на этом кресле, как пришибленная. Что значит беременна? Во мне растёт новая жизнь, но как это может быть? У меня дрожали коленки. Я покрылась потом. К такому повороту событий я не была готова.

От врача я шла, еле волоча ноги. Что мне делать, как я без мужа поеду в Израиль с пузом? Как сказать родителям? Они на меня рассчитывали. Подойдя к общежитию я увидела Жумабая, который как всегда меня ждал у дверей с цветами. Я со злостью на него посмотрела:

– Что ты со мной сделал? Я беременна, что теперь со мной будет?

Я села на скамейку и заплакала.

– Это мой ребенок. Выходи за меня замуж. Вместе будем его растить, – Он нежно гладил меня по голове и утешал.

– Я поговорю с родителями и дальше видно будет, – буркнула я, – а теперь уходи. Я хочу побыть одна.

Он встал и посмотрел на меня умоляюще.

– Пожалуйста, ничего не делай с этим ребенком. Мне надо поехать к себе на родину просить благословения от родителей на наш брак. А затем я вернусь за тобой, и увезу к себе. Я люблю тебя и сделаю всё возможное, чтобы ты была счастлива.

Он развернулся и ушёл, а я еще долго сидела на скамейке и плакала. На следующий день я решила позвонить родителям. К телефону подошла мама. Услышав мой голос она обрадовалась.

– Хорошо, что ты позвонила. Все документы готовы. Увольняйся и приезжай. Через три недели уезжаем в Израиль.

– Мама, у меня проблемы.... – прошептала я и закрыла глаза от страха.

– Только не говори мне, что ты беременна!

Мама всегда была проницательна и чувствовала меня. В ответ на мое молчание она крикнула:

– Немедленно приезжай, что-нибудь придумаем! – и положила трубку. Я понимала, что сильно подвела их. И радостной встречи не ожидала. Я никогда не видела маму в такой ярости.

– Ах ты, узбекская подстилка, проститутка, ты что натворила!? – она так и брызгала слюной, яростно шагая из стороны в сторону.

– Я договорилась за большие деньги с врачом. Он сделает тебе аборт, и мы уедем. Я эти деньги приготовила туда, а приходится ими прикрывать твой поступок!

Она вне себя была. Такой я её никогда не видела. И тут пришел папа. Он нежно погладил меня и спросил о самочувствии. Не успела я ответить, как мама взорвалась на него.

– Если ты так будешь её приветствовать, то она каждый год будет тебе в пузе приносить! Что ты за отец такой!?

Мама себе места не находила. На следующий день мы пошли в больницу. Врачи обследовали меня и не решились сделать аборт. В то время аборт были нелегальны. Я приехала из Харькова, и они не решились прервать беременность, чтобы не попасть под уголовную ответственность, если что-то пойдет не так. Как только мама не уговаривала их, какие только суммы не предлагала. Всё было без толку. Их репутация была дороже любых денег.

Так, ни с чем мы вернулись домой. Мама немного поостыла и более спокойно заговорила:

– Возвращайся в Харьков. Найди врачей, чтобы сделали тебе искусственные роды. Имей ввиду, ни тебе, ни тем более, нам, этот ребенок не нужен. Не порти себе жизнь. Избавься от него, мы уедем и всё забудем. Будь умничкой.

Я молча соглашалась, понимала что она права, что сама я не справлюсь. Вернувшись в Харьков, я нашла гинеколога- женщину и обратилась к ней за помощью. Она в начале согласилась мне помочь, и уже дала направление в больницу, как вдруг резко передумала. У неё была родная сестра, которая была бесплодна. Она была замужем, счастлива в браке, но огорчало, что они не могли иметь детей. Я на тот период была спортивного телосложения, занималась и стрельбой, и теннисом, не пила, не курила. Стало быть и ребенок во мне рос здоровенький. И врач, пообещав много денег, уговорила меня сохранить младенца и родить для сестры. Поговорив с мамой, убедила и её.

Круто же с большими деньгами приехать в Израиль!

В стройтресте мне тяжёлую работу не давали. Работала там же курьером. Познакомившись с новой семьёй для моего ребенка, я утихомирила свою совесть. Что такое быть мамой я не понимала. Я не была к этому готова, и ждала время, чтобы поскорее разрешиться и забыться.

Жумабой, как уехал, так и не появлялся. Все смеялись надо мной: мол, поматросил, да и бросил. Но я знала, что это не так. Он очень любил меня, а я его – нет. Но это всё было не важно. Рожу, уеду, забуду. Вот мой девиз.

Беременность проходила тяжело. Ничего есть не могла, постоянно мутило. Время двигалось очень медленно. И вот оно пришло.

С сильными болями меня положили в больницу. Мне казалось, что в меня вселился монстр и рвет меня на части. Такие боли и спазмы душили меня, что думала умру. А вокруг меня люди в белых халатах ходили, не обращая на меня внимание. Я кричала, звала на помощь, но всё было без толку. Время от времени меня осматривал врач, всплёскивая руками. Схватки есть, но матка не открывается. Будем ждать. Так прошел день, два, три, четыре. У меня уже не было сил кричать, я вся выдохлась. Снова очередная проверка.

– Так. Матка всё также. Будем оперировать, рожать естественно ты не сможешь. – Врач снял перчатки и вытер лоб.

– Нет! – крикнула я, – Не дам себя резать! – крикнула я и разрыдалась.

– Хорошо, подождём ещё. – Ответил доктор и ушёл.

Прошло ещё три дня. Уже кричать не было сил. Я лежала на кушетке мокрая от пота, задыхаясь от боли. И вдруг такой спазм меня схватил, как будто в туалет захотела по-большому. Встать не было сил, но я догадалась, что рожаю. Я крикнула акушера. Меня едва перенесли на кресло, и ребенок пулей вылетел оттуда, порвав всё на своем пути. У меня открылось кровотечение и прежде, чем потерять сознание я услышала крик младенца, и голос:

– Поздравляем, у тебя девочка, да такая милая.

Почувствовав мягкие руки у себя на лице, я открыла глаза. Пожилая медсестра наклонилась надо мной вытирая от пота моё лицо.

– Ну, наконец-то милая. Ты нас напугала. Теперь все позади. Как ты себя чувствуешь?

– Меня как будто поезд переехал. Все тело болит. Особенно там, – прошептала я, пытаюсь поменять позу.

– Ничего, поправишься. С девочкой всё хорошо. Скоро ты её увидишь. Набирайся сил.

Медсестра ушла. Я лежала и задумчиво смотрела в потолок. Мне мама строго на строго приказала – ни в коем случае не смотреть на ребёнка и не давать ему грудь, а то появится молоко. «Но я чуть не умерла, пока родила её! Хоть бы мельком посмотреть, что из меня вышло».

Любопытство взяло вверх, и через три дня, когда всем в палате приносили детей я попросила чтобы и мне принесли. Все знали, что я отказываюсь от ребёнка в пользу другой семьи. У меня не было ничего купленного для ребенка. И в женское общежитие я с ребенком не могу пойти, и родители меня не примут с ребенком, потому что он не от еврея рожден. Я была прижата к стене. У меня не было другого выбора.

Кто-то осуждал, кто-то понимал, но я пока не отказалась и имею право на неё посмотреть. Когда младенцев принесли, и каждому дали на руки, я с трепетом взяла на руки свою дочь. Это было ощущение блаженства, которого я раньше не испытывала. Такое было ощущение, что не только я

её разглядываю, но и она меня тоже. Её глазки прекрасного голубого цвета не моргая смотрели на меня. Рот во всю открывался требуя материнской груди. Все остальные младенцы спали и мамы не могли их разбудить, чтобы покормить. И все обступили меня разглядывая малышку.

– Ну, дай же ей грудь, или мы дадим, – наперебой кричали они.

Я нарушила один запрет, не смотреть, нарушу и другой, не кормить. Мне терять нечего. Максимум грудь перетяну, как меня научили. Подумала я и аккуратно, как могла, дала ей грудь. Она жадно её схватила и начала сосать. В этот момент я осознала что такое материнство. Я смотрела на малышку и плакала. Просила прощения, что бросаю её, что не смогу принять участие в её жизни. Что не увижу её первые шаги. Я сама ничего не получила в своей жизни и ничего не смогу дать своему ребенку.

Если до этого мне было всё равно, мол рожу и брошу, не я одна такая, то теперь я понимала, не всё так просто. Это знакомство с ребенком и кормление останется со мной на всю жизнь, смогу ли я себя простить за то, что бросила её. У меня уже забрали малышку, а я продолжала плакать, уткнувшись в подушку.

Весь день я плакала и ничего не ела. предупредив, чтобы больше не приносили ребенка, я настраивала себя на то, что скоро придёт новая семья и заберёт её. Но закрывая глаза, передо мной стояла картина кормления младенца. Я поняла, почему нельзя было смотреть на ребенка.

Материнское чувство, которое во мне проснулось, не давало мне дышать.

Так, со слезами на глазах я уснула.

И вот приснился мне сон, или было то виденье. Ко мне в палату зашла моя родная мама Роза. И сев на кровать обняла меня. Я тоже крепко обняла маму и начала плакать.

– Мамуля, родная, зачем ты меня бросила, мне так тяжело было без тебя, и сейчас тяжело. Что мне делать? Как мне жить с этим грузом вины? – я изливала боль своего сердца.

А она обнимала и гладила меня.

– Родная моя, не бойся принять её. Она станет для тебя великим благословением. Где бы ты ни была, она всегда будет рядом с тобой. Всегда поддержит тебя и не предаст.

– Но мама, как я могу? От меня все отвернутся! Я не смогу её одна поставить на ноги. Мне некуда идти. Мне некому помочь.

Я обнимала маму и вдыхала аромат её тела. Она была живая, естественная, осязаемая, я не хотела просыпаться.

– Ты не одна милая, мы с тобой. Тебе предстоит нелегкий жизненный путь, но ты пройдешь его с честью и устоишь. Мы с бабушкой на небесах за тебя молимся. Крепись родная, теперь ты в ответе не только за себя, но и за эту девочку.

– Не уходи мама, не уходи, будь со мной, – я чувствовала как кто-то меня толкал. Открыв глаза, я увидела девочек, соседок по палате, которые разбудили меня.

– Алла, всё в порядке? Ты так кричала во сне...

Я глубоко вздохнула.

– Не надо было меня будить. Я с мамой не успела попрощаться.

Закрыв глаза, я легла и обняла подушку. У подушки был тот самый запах, который я вдыхала, обнимая маму. Я не знаю, что это было, но я как

будто проснулась другим человеком.

Я не отказываюсь от своей дочери и даже знаю как её назову. Имя моей девочки Роза, и мне есть ради кого жить. Я не буду мстить Ларисе за смерть бабушки. Бог ей судья. С этими мыслями я провалилась в глубокий сон.

Глава двенадцатая

Я проснулась мамой. Я ждала время, когда детей будут разносить, чтобы взять на руки свою дочь. Это удивительное чувство, которого я никогда не испытывала. Я с нежностью её разглядывала, прикладывала к груди и пела колыбельные песни. Не представляя, куда я с ней пойду, где буду жить, на какие средства, сейчас держа малышку на руках я была счастлива.

Многие меня поддерживали в правильно принятом решении, некоторые качали головой. Но я пребывала в эйфории.

– Алла, к тебе пришли, – услышала я голос медсестры.

Я вышла в коридор. Там стояла пара, которая ждала моего ребёнка, чтобы удочерить. Ей уже сказали, что я передумала отказываться от ребёнка в их пользу, и женщина смотрела на меня глазами, полными слез. Я тоже заплакала.

– Простите меня, – проговорила я. – Когда я обещала, что отдам вам ребёнка, я не знала, что это такое. Я не смогу без неё жить. Поймите меня...

Я заломила руки, слезы душили меня. Женщина меня обняла, и мы ещё долго так стояли и плакали. Все тихо обходили нас стороной, понимая что происходит. Так прошла неделя. Всех мамаш, рожавших со мной, выписали домой. А меня не выписывали и не выписывали. И тут пришел заведующий родильного отделения.

– Так, дорогая моя, – начал он, – ты пока поживешь в больнице. Мы тебе выделили палату, где ты будешь одна с ребенком, пока не решится вопрос, куда тебе идти.

Я подпрыгнула от счастья. Ко мне постоянно кто-то приходил. Учили как правильно пеленать, прикладывать к груди, купать малышку, сцеживать грудь. Весь медперсонал взял надо мной шефство. Я понимала, что так вечно продолжаться не будет, но я научилась жить сегодняшним днем.

Прошёл месяц. И этот день настал. Ко мне пришли и сказали, что сегодня пойду домой. Я внутренне напряглась. Куда домой? Где мой дом? У меня забрали малышку, чтобы переодеть, но у меня ничего не было. Ни одежды для малышки, ни соски, ничего. Во что её переоденут. Я сама переоделась и вышла на улицу. Я не сразу заметила двух женщин,

которые стояли рядом. Они подбежали и обняли меня. То были мой мастер Нина Ивановна и управляющая стройтрестом, где я работала курьером.

– Ну здравствуй дорогая, пошли, нам есть, что тебе показать, – Нина Ивановна взяла на руки малышку, которая была завернута в красивый комплект, и мы пошли.

Мне казалось от волнения, сердце выпрыгнет наружу. Я боялась задавать вопросы, во рту всё пересохло, куда я иду и что со мной будет. Пока я жила в больнице, я ни о чём не переживала. Всё приносили на подносе. Но сейчас ответственность ложилось полностью на меня.

С замиранием сердца мы прошли мимо женского общежития, и зашли в малосемейку. Так называлось общежитие для молодых семейных пар. Мы поднялись на пятый этаж и мастер открыла ключом одну из комнат.

– Добро пожаловать к себе домой, – Нина Ивановна слегка подтолкнула меня и улыбнулась.

Я с трепетом зашла в комнату. Она была просторная, с высокими потолками, с отдельным санузлом. Вся меблированная, и готовая для жизни. Но больше всего меня поразило великолепие вещей, что лежали на столе. Ползуночки, распашонки, тряпочки, пелёночки, соски, бутылочки, любая мелочь, что нужна для младенца. Рядом стояла коляска, ванночка и детская кроватка. Я смотрела на всё это великолепие с умилением, на глазах

выступили слёзы. Управляющая на меня посмотрела и нежно обняла.

– Ты правильное решение приняла, – сказала она. – Мы все, с миру по нитке, собрали всё, что может понадобиться для ребёнка. И деньги собрали на первое время.

С этими словами она достала пачку банкнот и положила на стол.

– Мы также оформим тебе декретные и всё будет хорошо. Не переживай.

Мы крепко обнялись на прощанье, и они ушли. Малышка мирно посапывала, лёжа в своей кроватке. Я села на стул и снова разревелась. Но это были слезы радости. Всё обошлось, мир не без добрых людей, мне не придётся жить на улице с

ребёнком. Взяв себя в руки, я разложила вещи, искупала малышку и пошла в магазин за продуктами.

Вроде жизнь налаживается подумала я, и если моя судьба растить одной ребенка, значит так тому и быть. Прошёл месяц. Малышка была беспокойная. Постоянно плакала, отказалась от грудного кормления. Иногда я в растерянности садилась на стул, не зная как её успокоить. Мы в два голоса сидели и плакали.

Больше всего Розочке нравилось лежать голышом на солнышке. И вот, я её распеленала, обложила подушками, чтобы не скатилась с кровати, и пошла к холодильнику за мёдом. Я очень сильно не любила мёд из-за своего детства, когда мачеха Лариса заставляла меня сквозь рвоту его есть.

Но сейчас у меня болело горло и я вынуждена была его купить, чтобы лечиться. Набрав в чайную ложку мёда я зажмурилась и сунула в рот. Поняв, что не смогу проглотить, я хотела выйти на кухню, чтобы выплюнуть и промыть рот, но неожиданно открылась дверь, и вошёл мужчина. В какие-то доли секунды я оказалась в его объятиях, и он обезоружил меня уже знакомым, горячим поцелуем.

Мне пришлось проглотить этот злополучный мёд. Только после я посмотрела на мужчину, который меня не отпускал, крепко прижимая к себе. Ещё не оправившись от шока, я оттолкнула его. Передо мной стоял Жумабой. Я уставилась на него с негодованием и презрением. Ни разу за всё время я не вспомнила о нём. Когда он сказал, что уедет просить благословения у родителей, я всё равно не

собиралась за него замуж. Ведь в моих планах было родить, оставить и уехать. Он исчез, а я не бросила ребенка и никуда не уехала. И вот он стоял передо мной счастливый и глупо улыбался. Восемь месяцев от него не было вестей. И вот он тут, как ни в чём не бывало.

– Ты чего пришёл? Кто тебе сказал, где меня найти? Не нагулялся еще? Мало тебе, что ты мне натворил, всю жизнь испортил? – Я с негодованием на него смотрела. От мёда во рту было противно и от поцелуя тоже.

– Милая, дай я тебе все объясню, пожалуйста.

Я нахмурилась, но решила выслушать, сурово глядя на него. Он подошёл к малышке, поцеловал её и нежно улыбнулся мне.

– Она прекрасна. И мне кажется похожа на меня. Я не отреагировала на это и ждала объяснений. Он сел на стул напротив меня, и начал свой рассказ:

– Когда я узнал, что ты беременна, очень обрадовался. Я сильно люблю тебя и не хочу потерять. Но по нашему обычаю, надо обязательно просить благословение на брак у родителей. Поэтому я поехал в Узген, Киргизию, разговаривать с родителями. Они сильно возмутились, узнав что ты еврейка. Мусульмане враждуют с евреями. Поэтому они не только не дали благословение на наш брак, но и забрали у меня документы, деньги, чтобы я сам не мог к тебе вернуться. Как только я их не убеждал, они меня не хотели слушать, и устроили мне

домашний арест. Я постоянно думал о тебе, переживал за нашего ребёнка, но был бессилён что-либо делать. Так проходили месяцы, я понимал, что, ты меня ещё больше возненавидишь за то, что оставил тебя в такое время. Много способов я перепробовал чтобы сбежать, но всё было тщетно. И вот однажды пришла моя мама и сказала, что я женюсь. Есть невестка узбечка, и мы скоро сыграем свадьбу. Я слёзно умолял не делать этого, но всё было бесполезно. Я был зажат в угол. Подготовка к свадьбе шла полным ходом. Я был в отчаянии, но не мог повлиять на ситуацию. По нашим законам сказанное родителями не обсуждается. Так проходили дни за днями. Я знал, что ты родила, подсчитывал сроки и очень сильно к вам рвался. И вот день свадьбы был назначен, всё было приготовлено, но в ночь перед свадьбой произошла страшная трагедия. Киргизы спустились с гор и вырезали пол города. Они не входили только в те дома, где жили русские или киргизы. Врывались в дома узбеков и не щадили никого, ни женщин ни детей, ни стариков. Беременным вспарывали животы, детей кидали в печки. Никто не мог остановить эти зверства. На рассвете они все вернулись в горы и ушли безнаказанными. Не было семьи, которая не потеряла близкого человека. У нас тоже дядя и его семья погибли. Объявили 1990 – годом траура¹. Отменили все свадьбы, и другие

¹ Речь идёт о событиях киргизо-узбекского конфликта в июне 1990 года, когда остановить дальнейшее кровопролитие удалось только с помощью армии. (Примечание редактора).

праздники. И меня оставили в покое. Перестали за мной следить, и я, воспользовавшись ситуацией, смог вернуть себе документы и деньги и при первой возможности приехал к тебе. Не выгоняй меня пожалуйста, стань моей женой, и вместе будем растить нашу дочь.

Жумабой окончил свой рассказ, опустил передо мной на колени и заплакал. Я уже смотрела на него с сожалением. То, что я услышала, повергло меня в шок, и заставило задуматься.

Мне терять было нечего, в Израиль меня родители не брали с собой, помощи мне ждать было неоткуда. Растить ребенка одной было страшно, а так у малышки будет полноценная семья. Проблема была в том, что я его не любила, но как говорят стерпится – слюбится.

– Хорошо, приходи, навещай нас. А я подумую, – снисходительно ответила я.

Надо же немного повыделываться. Набить себе цену. Прошло три месяца. Жумабой работал и каждый день приходил ко мне в гости, иногда я разрешала ему оставаться, администрации объяснила, что это отец ребенка, и я наверное выйду за него замуж.

Однажды ко мне постучались в дверь, я открыла. Передо мной стоял высокий молодой человек. Я опешила:

– Вам кого? – спросила и отошла в сторону.

– О даёт! – услышала знакомый голос, – родного брата не узнаёт.

Я в изумлении присмотрелась к нему. Последний раз я его видела перед армией. После того, как мы съездили в Семипалатинск, мы не общались и стали как чужие. Но его приезд меня обрадовал. Мы же родные как ни как. Я его обняла и пригласила войти. Розочка, обложенная подушками, сидела на кровати и гугукала. Леон подошел к ней и улыбнулся.

– Такая хорошенькая, моя племяшка. Но я к тебе по делу. Меня попросила приехать к тебе бабушка Фаина. Она сильно болеет, ей осталось не долго. Её последняя воля, она хочет увидеть тебя и покаяться. Чувствует свою вину перед тобой. Я полностью расходы на поездку беру на себя. Надо поторопиться, а то не успеем.

Брат на одном дыхании это проговорил и затих. В один миг передо мной пронеслись события того злополучного лета. Как я ждала этой встречи, как тяжело пережила потерю бабушки Тубы, и искала утешения у другой бабушки. И какое же разочарование меня постигло, увидев её истинное лицо.

Во мне снова вспыхнула ярость.

– Если ты ради этого приехал, то зря время и деньги потратил. Она для меня давно умерла. И не будет от меня никакого прощения!

Я развернулась и отошла к окну. Меня душили слезы. Мне так было больно, как будто снова оказалась там, в квартире моей мамы, запертая, и несчастная.

– Уезжай, и забудь про меня. – прошептала я брату и расплакалась. Он на меня посмотрел с печалью и вышел.

Не прошло и месяца, как новая встреча потрясла меня. Приехали мама Эсфирь и папа. У них все было готово для выезда в Израиль. Мама решила дать мне последний шанс, поехать с ними. Когда они зашли ко мне, Жумабой сидел и играл с доченькой. Они познакомились, и Жумабой вышел чтобы не мешать нашему общению.

– Алла, – обратилась мама ко мне, – ты не передумала насчет поездки в Израиль? Если этот согласен, – она кивнула в сторону двери, куда вышел Жумабой, – оставь ему ребенка и поехали с нами. Всё равно он тебя в жены не возьмет. Нагуляет еще одного и бросит. А в Израиле тебя ждет другая жизнь, подумай об этом.

– Мама, он меня любит. И я до сих пор не вышла замуж, только потому что сама не уверена, чего я хочу. Но дочку я точно не оставлю.

– Ну как знаешь, это твоё решение, – мама резко встала. – Ты от него ещё наплачешься, не сделает он тебя счастливой, но и нам с ребёнком ты не нужна.

Они уехали. А я стояла и смотрела им вслед, не зная встретимся ли ещё когда-нибудь. Все мосты сожжены. Ко мне подошел Жумабой и нежно сзади обнял.

– Я выйду за тебя замуж, – проговорила я шепотом, и расплакалась.

Мы подали заявление в загс и через месяц нас расписали. Теперь я понимала, быть замужем, это следовать за мужем. Я рассчиталась с работой, Решила все свои дела, и мы выехали в Киргизский город Узген. Жумабою было важно, что бы его родные приняли меня и нашу малышку.

Я радовалась поездке как ребенок, не представляя, что меня может ждать в этой чужой культуре. И с открытым сердцем неслась навстречу новой судьбе.

Глава тринадцатая

И вот мы на месте. Видимо, недавно выпал снег и растаял, поэтому образовалась грязная жижа. И я в туфлях, проваливаясь в эту грязь, прошагала за мужем, который нёс наше барахло. Ребенка пришлось нести на руках, так как коляска здесь явно не смогла бы проехать. Мимо проносились ребятишки в длинных узбекских халатах – чапанах, так их называли. Туда-сюда сновали люди, слышалась незнакомая речь. А я, прижимая к себе покрепче малышку, бежала за мужем, боясь упустить его из вида. Шли переулками достаточно долго, Я вся намочла и продрогла. Мечтала поскорее о горячем чае, теплом душе и мягкой постели.

И вот, мы подошли к калитке и вошли внутрь. Девочка лет пяти играла во дворе и подняв глаза удивленно посмотрела на нас.

– Акя! Акя! – крикнула она, подбежала и обняла Жумабая. Он с ней заговорил на узбекском, и она побежала домой.

– Это моя младшая сестра Матлюба, – сказал он. – Я попросил маму позвать.

Я в ожидании и с трепетом смотрела на дверь. Сейчас познакомлюсь со своей свекровью. Я всеми силами постараюсь ей понравиться, буду делать всё, что скажет. Так я размышляла, пока не открылась дверь и вышла женщина.

Жумабой подошёл к ней для приветствия, но она не отреагировала на него и пронзительно уставилась на меня, рассматривая как рентген.

Я невольно поежилась от её взгляда и оглянулась. Через калитку заглядывало много любопытных глаз и посмеивались.

– Ты позоришь миня и моя симья, – Заговорила она на ломаном русском, – идите дом, чтобы сосед не смотрел.

Мы молча зашли, и я оглянулась. Вся комната была устлана коврами и стены, и полы. Вкруговую лежали курпачи (специальные матрасики шитые вручную для того, чтобы отдыхать и трапезничать на них). Как я потом узнала, здесь на стульях и за столом не сидят. У них, так сказать, половая жизнь. Все дела делаются на полу. И кушают, и спят, и просто отдышают. Убранство квартиры было простенькое. В углу стоял камин, на котором варилась какая-то похлебка. Мы разделись и сели на матрасик. Напротив нас села его мама и уставилась на нас. Я явно ей не нравилась. Желваки так и ходили туда-сюда. Я не выдержала её взгляда и опустила глаза. Она заговорила по-узбекски со своим сыном. Было видно, что ему не нравился этот разговор. Вначале спокойно, а затем всё громче и громче, пока не перерос на крик.

Я сидела прижимая ребёнка, ничего не понимая о чем говорят, но чувствуя угрозу со стороны мамы. Моё сердце сжалось в тиски, выступил холодный пот, несмотря на то, что было прохладно. Теперь мне было страшно не только за

себя, но и за дочь. Но в самый горячий момент открылась дверь и зашел его папа с сыновьями. Они поздоровались, и снова все сели кругом и заговорили. Я себя чувствовала белой вороной, ничего не понимая, но по выражению лиц догадывалась что этот разговор ничего хорошего не сулил. У Жумабая, кроме него было ещё шесть братьев и сестер. Он был старшим, и на нём была ответственность за остальных. Не спросив благословения от родителей, тайно женившись на еврейке и привезя её сюда, он навлек на себя гнев всего мусульманского рода.

Наконец-то все затихли и Жумабай встал и дал мне знак подняться. Не привыкшая долго сидеть на полу, поджав ноги, я еле-еле встала, вся дрожа. Ног я не чувствовала, они как будто уснули. Жумабай взяв ребенка, поддержал меня, и мы вышли во двор. Он молча завел меня в маленькую, как сарай хижину.

– Ну вот, это наш дом, – проговорил он и выдохнул. Я оглянулась. Никакого убранства там не было. Стоял маленький шифоньер, рядом стопкой лежали матрасы-курпачи, не первой свежести, пахнущие сыростью. Ни стульев, ни столов, ни кроватей, как я привыкла.

Я стояла растерянная, не зная куда себя девать. Жумабай положил ребенка на матрас, подошел ко мне, и нежно обнял:

– Всё будет хорошо, родная.... Вот увидишь. Только пока мы не сыграем свадьбу, тебе выходить на улицу нельзя. Тебе всё будут сюда приносить,

еду, питьё и всё что нужно, а когда тебе надо будет в туалет, ты платком будешь закрывать лицо, чтобы соседи тебя не видели. Только моя мама знает русский и братья чуть-чуть. Мне нельзя будет к тебе приходить, пока ты не примешь ислам и мы поженимся по нашим законам. Мама всё подготовит. Договорились?

Жумабой это проговорил скороговоркой и вздохнул.

– Ладно, как скажешь, – я покачала головой, – у меня нет выбора.

Жумабой вышел, а я села и обхватила голову руками. «Что я натворила? Зачем сюда приехала? Мне здесь не рады».

Пока я так размышляла, зашла мама, принесла узбекскую одежду, и ни слова не сказав, вышла. Я переоделась и мне даже понравилось длинное платье с рукавами, шаровары под низ, и халат. Приятный материал и удобен, когда сидишь на полу. Розочка проснулась и ей явно нравилось ползать по матрасам. Ну что же, нужно взять себя в руки и продолжать жить. Постараться понравиться новой семье. Я, как смогла, прибралась, вытерла пыль, подмела и решила выглянуть на улицу, чтобы найти туалет. Младшая сестренка Матлюба, игравшая во дворе, увидела меня и приветливо улыбнулась.

– Где здесь туалет? – спросила я и улыбнулась в ответ. Она кивнула и побежала в дом.

– Что ты хочешь? – услышала я и оглянулась.

Мама Жумабая пронзительно меня разглядывала, и я растерялась.

– Мне хочется в туалет, – сказала я виновато, как будто совершила нехороший поступок. Она меня повела в глубь двора и показала на кибитку. Я заглянула внутрь. Бумаги там не было, но стояли два ведра с камнями. Я вопросительно взглянула на маму. Она поняла мой молчаливый вопрос и объяснила:

– Эти камни для вытирания попы. Из одного ведра берёшь и использованные в другое ведро кидаешь. Главное, не перепутать вёдра.

Я удивленно на неё посмотрела, думая, что она шутит, но её лицо было невозмутимо. Я кивнула головой и зашла внутрь. Да, мне многому придётся здесь научиться, то ли ещё будет. Я глянула на камни и рассмеялась.

Глава четырнадцатая

Так прошло два месяца. Выходила я только в туалет и обратно. Жумабой иногда заскакивал и рассказывал как проходит подготовка к обряду перехода в ислам и к обряду бракосочетания. Муфтий – руководитель духовного управления мусульман, назначил дату, когда это произойдёт. Я с нетерпением ждала этого дня, прежде всего, чтобы получить свободу от домашнего ареста.

И вот этот долгожданный момент настал. Меня нарядили в красивый узбекский наряд. Собрались гости, родственники. Меня подвели к Жумабою, и мы вместе зашли в салон, где произошла наша первая встреча и знакомство. Там лежали красивые курпачи, на которых сидели Муфтий и его команда аксакалов.

Мы подошли к ним, встали перед ними на колени и началась молитва. Естественно я ничего не понимала, но Жумабой меня предупредил, что когда он меня толкнет легонько в бок, я должна буду говорить “да” по узбекски. Но так как он был слегка неуклюж, то слишком часто меня случайно толкал. И я где надо, где не надо, говорила “да” как попугай. И когда он пытался меня остановить, я это расценивала как то, что надо сказать “да”. В толпе был слышен смешок, но а я вся покрасневшая, ждала, когда это всё закончится.

Ноги начали затекать от неудобной позы, и наконец-то все встали и начали поздравлять нас. Женщины отделились от мужчин и повели меня на

женскую половину. Некоторые знали русский язык и я немного успокоилась, общаясь и знакомясь. Моя дочка пошла по рукам. Ей к тому времени было десять месяцев и она очень была похожа на своего отца. Чёрные волнистые волосы, карие глаза, нежная улыбка притягивали к ней людей. А Жумабой гордый ходил среди толпы, хвалясь дочкой, жемчужиной.

Вечер прошёл весело и непринужденно. И наконец-то моему мужу было разрешено войти в мои покои. Его мама нас неделю не трогала, мы гуляли по Узгену, знакомились с достопримечательностями города и просто вместе время проводили. Он был нежен со мной, и я подумала, наверно правильное решения я приняла. Но однажды утром наша медовая неделя закончилась. Мы зашли как всегда на завтрак, где сидела, сложив ноги по-турецки его мама и пристально нас разглядывала. Я уже привыкла к её взгляду, и не опускала глаза, и было видно, что ей это не нравилось.

– Значит так, – проговорила она, – с сегодняшнего дня твой муж идет на работу, а ты как старшая невестка будешь всю работу делать по дому. Лентяев и лежебок мы не кормим. Все ясно?

Она строго посмотрела на меня и на сына. Мы молча кивнули и переглянулись. Жумабой быстро позавтракал и вышел, а я осталась наедине с его мамой. Я с радостью к ней обратилась. Какое счастье что она знает русский язык, хоть с акцентом, но вполне понятно.

– Что нужно делать, скажите, я с удовольствием сделаю, – я вскочила с энтузиазмом и прошагала за ней.

И вот начались тяжелые будни. В пять утра надо было встать, чтобы подмести огромный двор, затем подоить корову и выпустить пастись. Затем приготовить завтрак, накрыть дастархан², накормить всю семью: это мама, папа, шестеро детей, Жумабой и я с малышкой. Затем за ними убрать всю посуду. Пойти далеко за водой, нанести воды, чтобы хватило на целый день, постирать, погладить, приготовить ужин, намесить огромный тазик теста, и в тандыре³ испечь лепешки.

Моего энтузиазма хватило на неделю. Моя дочь ходила в мокрых штанах, и у меня не было ни сил ни времени ею заняться.

Но больше всего мне было обидно, что его мама продолжала на меня смотреть волком. Хотя я во всю пыталась ей понравиться. Муж, приходя с работы, вечером выслушивал от мамы, какая я непутёвая, неумёха и всё у меня валится из рук.

Я старалась научиться узбекским блюдам, таким как плов, шурпа, манты, лагман, и всеми силами показывала маме, мол, прими меня, и я буду тебе лучшей невесткой. Но соседи смеялись над ней, что мол хоть я и приняла ислам, я по-прежнему остаюсь еврейкой, частью народа, который они ненавидят.

² Специальная скатерть для еды, которая стелится на пол.

³ Азиатская печь-жаровня кувшинообразного вида.

Заряжаясь этой ненавистью, поговорив с соседями, она приходила и срывалась на мне. Так продолжалось месяцами. Я очень уставала, даже мой муж начал меня ругать: «Почему, мол, не слушаюсь маму, она же нас приютила».

Я пробовала объяснить, что происходит, спрашивала, можно ли отсюда уехать, но он и слушать не хотел. Мама, это святое и она всегда права, и мы будем жить здесь, пока не заработаем на новую землю, где построим новый дом.

Что же, приходилось смиряться и работать не покладая рук, не ожидая благодарности и какой-либо помощи. Очень часто мама жаловалась, что я целыми днями ничего не делаю, а только валяюсь и жру. Это была наглая ложь, но оправдываться я не хотела.

Она всеми силами пыталась объяснить сыну, что я ему не пара, и меня надо выгнать, а ребенка забрать. По мусульманским законам при разводе дети остаются с отцом. Но он отмахивался от неё и говорил, что любит меня, и никогда не разведётся. Его любовь давала мне силы каждый день вставать и работать.

Но вот однажды никому не сказав, Жумабой остался дома, чтобы отремонтировать электроприборы, которые приносили соседи. Он видел как я целый день носилась, готовила, убирала, стирала, таскала воду, прибегая на минутку его поцеловать, что-то принести ему покушать, и снова убегала. И вечером, как всегда, за ужином мама

снова завела свою пластинку, не зная, что он был дома.

И тут он всё понял. Он встал и объявил:

– Мы завтра же уедем в Фергану. Ты не можешь принять мою жену, а я не хочу её терять. Она добрая, терпеливая, и я её люблю.

Мама растерянно замолчала, а я в душе ликовала и благодарила его за то, что он заступился за меня. На следующий день мы собрали вещи и выехали в Фергану.

Глава пятнадцатая

Жизнь в Узгене была не напрасной. Я научилась вкусно готовить, немного понимала узбекскую речь и была в ожидании новых приключений. Розочке было чуть больше года, она уже во всю топала ножками и за ней нужен был глаз да глаз.

В Фергане нас на время приютила одна семья, и мы начали думать, что делать дальше. Я знала, что мой брат женился на москвичке и живет в Химках, Московской области. Я смогла найти его номер телефона и позвонила ему. Вкратце рассказав о наших проблемах я попросила деньги на покупку квартиры. Каково было моё удивление, когда он спокойно ответил:

– Пусть твой муж приедет, и я ему дам деньги.

Долго уговаривать не пришлось. Мы уже присмотрели одну двухкомнатную квартирку и попросили хозяина подождать. И вот мечта сбылась. Жумабой деньги привез, и мы въехали в наш новый дом. Ну всё, теперь заживём, я ликовала от счастья и прыгала как кузнечик, как вдруг почувствовала, что мне не хорошо.

Сходив к врачу я узнала, что беременна. Меня новость обрадовала, и я побежала порадовать мужа. Но он отнесся к этому не так как я.

– Дорогая, я пока не полностью устроен, мы не можем себе позволить много детей.

Я растерялась:

– Но двое, это не много, – на глазах выступили слезы. Он подошел и обнял меня.

– Давай сделаем так: узнаем пол ребенка. Если это мальчик, оставим беременность, родишь, а если девочка сделаешь аборт. И это не обсуждается.

Он развернулся и вышел. Я села на стул и заплакала.

Снова испытание, надеюсь, что это всё-таки мальчик. Для узбеков рождение сына в семье это почет и признание. А девочки, это так – рабочая сила. После проверок выяснилось, что я беременна девочкой. Признаться было не легко, но и соврать я не могла.

В то время аборт были легальными, врачу говоришь, что хочешь прервать беременность, и всё, пожалуйста, твоего ребёнка убивают на законных основаниях.

Я пробовала поговорить с мужем, но всё было бесполезно. Он был не умолим, и я пошла на аборт. В больнице долго не держали, и я уже вечером была дома. Состояние опустошенности заполнило моё сердце.

Я две недели не могла смотреть на мужа и разговаривать с ним. А он не знал как ко мне подойти. Но в конце концов я отошла и снова приняла его.

Мне очень нравилось его доброе сердце к окружающим. Все узнали, что он телемастер и может

ремонттировать абсолютно всё. И к нам домой начали приходить заказы. Телевизоры, магнитофоны, утюги и другие электроприборы. На дом вызывали, если холодильники, стиральные машины ломались. Дом оказался завален всякими деталями, аппаратурой и другим хламом. Я только следила, что бы малая в рот не тащила винты и гайки. Понимая, что это его работа, я смирялась. О чистоте и комфорте можно даже не мечтать. Для меня было важно, что муж был нежен со мной и покупал то, что я просила. И мне казалось вот оно счастье, наконец-то пришло.

Прошло немного времени, как я снова почувствовала себя неважно и обратилась к врачу. Приговор не заставил себя долго ждать. Беременна. Жумабой был непреклонен. Если девочка, идёшь на аборт. Пошла на обследование. УЗИ показало – мальчик. Радости не было предела. Мальчик, мужчина, наконец-то желание мужа будет исполнено. Жумабой разделял эту радость со мной, но какие-то сомнения подвигли его сделать еще одну проверку, но в другой клинике. Со страхом и трепетом я шла на очередную проверку. Очень сильно не хотелось идти на аборт, но жена мусульманина должна во всём подчиняться мужу, и если выяснится, что это девочка, то у меня не будет выбора и придётся послушаться мужа. Сердце казалось выпрыгнет из груди. Жумабой сидел рядом и гладил меня, чтобы успокоить. Но врач улыбнулся и сказал:

– Поздравляю, у вас мальчик.

Мы вздохнули с облегчением, муж обнял меня и страстно поцеловал.

– Всё хорошо родная, ты умничка. Скоро у нас будет сын.

И мы обнявшись пошли домой. Время шло. Мы нашего сына решили назвать Равшан, и каждый вечер укладывая малышку спать, я пела им колыбельные и разговаривала с сыночком. У мужа было много заказов. Я заранее хотела купить всё для младенцев мужского пола, но муж отговорил. Типа примета плохая.

– Роди, и пока ты будешь в больнице, я всё куплю, – успокаивал он меня.

А тем временем вся страна готовилась праздновать годовщину независимости Узбекистана. Так как это была первая годовщина, то президент страны объявил, что тот, кто в этот день родит, получит ценные призы и денежные вознаграждения. И что только женщины не придумывали, чтобы подвести свою беременность под эту дату первого сентября. На такие уловки шли, что это врачей вгоняло в ступор. Но я на все это смотрела снисходительно. Мне поставили дату родов 25.08. И все прикалывались, дотерпи пять дней и будешь богата, но мне было всё равно. Когда рожу, тогда рожу. Последний месяц был самый тяжелый, всё что ни кушала, возвращалось обратно. Я так похудела, что от меня остался один живот. И врачи испугавшись положили меня на сохранение. Я отказывалась от всяких уколов которые вызывают роды, и просто доверилась природе.

И вот этот день настал. 31 августа отошли воды, меня перевели в родовую и схватки были не большими, я даже уснула, во время схваток, и когда я почувствовала, что рожаю позвала акушерку и совсем безболезненно родила.

В час ночи, в родильном отделении было невероятно тихо, и даже я не кричала. Помня свои первые роды, я была в восторге. Акушерка меня похвалила:

– Какая ты умничка, все бы так рожали. А кто у тебя дома мальчик или девочка? – поинтересовалась она.

– Доченька у меня – ответила я.

– Поздравляю, у тебя ещё одна доченька. – сказала акушерка и показала малышку.

Мне стало страшно.

– Что значит девочка!? Мне обещали мальчика! Не может этого быть! Засуньте её обратно! Мне нужен мальчик! Этого не может быть!

Я начала плакать, что подумает муж про меня.

– Ты родила первого сентября. Тебя наградят. И вообще, пол ребенка биологически зависит от семени отца. – Пыталась утешить меня акушерка, но я только мотала головой и плакала.

– Мне ничего не надо, только бы мой муж гордился бы мной. Ведь я ему обещала!

Акушерка недоумевала, что со мной, и пошла заниматься своими делами. Она не могла поверить, что до сих пор в деревнях сохранились настолько дикие суеверия.

Позже меня перевели в палату. Но вдруг резкий голод напал на меня. Я почти месяц ничего не ела, и тут родив, мне казалось, что я умираю с голоду. Была глубокая ночь, и мне нужно было дождаться до утра, чтобы у кого-то что-то попросить. Первый стресс у меня прошёл, и я со страхом ждала, что скажет муж, по поводу рождения девочки.

Мне казалось, что часы остановились. Я смотрела на небо и мысленно молилась, чтобы поскорее рассвело. И вот, в семь утра я встала и пошла по палатам посмотреть у кого чего можно покланчить. Кто-то спал, кто то умывался, я всё шла и шла держась за живот и глотая слюну.

И вдруг навстречу плывёт нянечка держа в руках поднос наполненный всякими вкусными пирожными. Я со слезами на глазах подползла к ней.

– Дайте мне маленький кусочек, пожалуйста, или я умру.

Она высокомерно на меня посмотрела:

– Как я могу тебе дать? Иди со мной. И кому это передали у того и попроси. Я безропотно пошла следом. Няня прошествовала мимо всех палат и завернула в мою палату. Я последовала за ней радуясь, у своих легче просить.

– Кто здесь Алла Хурулбаева? – спросила она, а я стояла в шоке, не зная что сказать. Девочки показали на меня. – Ну тогда это всё тебе. Наслаждайся.

Она поставила поднос на тумбочку и вышла.

– Да, выгляни, к тебе пришли, – успела крикнуть няня. Я побежала к тем окнам, откуда

можно общаться с посетителями. Там стояли мой муж, его мама с сестренкой Матлюбой. В коляске сидела Розочка.

– Поздравляем милая, как ты себя чувствуешь? – крикнул Жумабой, весело улыбаясь.

– Спасибо хорошо, – улыбнулась я, – ты не сердись, что снова девочка родилась? Я смущенно смотрела на его маму.

– Нет, что ты! Мама хочет назвать её Рано, в честь редкого цветка, который когда распускается, становится особенно прекрасным.

Я облегченно вздохнула. Самое страшное позади. Я признательно посмотрела на маму и поклонилась показывая ей уважение. И счастливая побежала есть свои пирожные. Через три дня приехали министры и устроили целый праздник с подарками и денежными призами всем родившим первого сентября. Я была счастлива, две дочки хорошо! И муж мною гордится.

Глава шестнадцатая

Казалось, мечта сбылась. Счастливая семья. Муж, жена, две дочки, конечно мечта о сыне не ушла, но я молодая, и у нас всё впереди. Жумабой большую часть работал дома и требовал от детей полной тишины, и в такие моменты я их брала на улицу. Пусть там шумят. А пока они спали, я успевала всё делать. Его мама часто к нам приезжала, но то была наша территория, и поэтому она не сильно командовала.

Однажды, Розочка играя, упала мне на живот. Почувствовав резкую боль, я остановила игру и уложила детей спать. Ночью почувствовав, что мне не хорошо, я хотела было встать, но ноги меня не слушались, хотела крикнуть, но голоса не было. Я сползла с кровати и подползла к ближайшей кроватке Розочки.

– Доча, мне плохо, разбуди папу, – я сама собственного голоса не слышала, это был еле слышный шёпот.

Но девочка как по команде вскочила и побежала к папе.

– Папа, папа вставай! Мама умирает! – Розочка плакала и трясла отца.

Он вскочил, как ошпаренный и побежал вызывать скорую. Скорая приехала через пять минут.

Всё происходило в таком темпе, как будто пленку фильма очень быстро крутили. И с сиреной на огромной скорости мы ехали в дежурную больницу.

Там тоже всё происходило в ускоренном темпе. Очень быстро взяли анализы и сделали результат. И не успела я оглянуться, как оказалась в операционной, заполненной студентами мединститута.

– Доктор, что со мной произошло? – прошептала я.

– Не знаем. Гной вместо крови. Разрежем, увидим, – ответил доктор, а я начала проваливаться в сон.

Когда я открыла глаза, сначала была шокирована, я стояла возле своего тела и смотрела, как врачи суетились. «Мы её теряем... Массаж... Кубики...»

А я смотрела на всё это с таким интересом. Наверное это мне снится, сейчас проснусь и буду дома, решила я. Но тут картинка поменялась, и я оказалась в каком-то ярком пространстве. Вроде яркая комната, но без стен. Мне так понравилось там быть, ни боли, ни переживаний, легко и свободно. И тут передо мной появился ангел в белых одеждах.

– Идем со мной, дорогая, я проведу тебя, где тебе будет хорошо.

Он манил меня и мне хотелось последовать за ним, и тут до меня дошло, что это не сон. Если я приму приглашение, то мои дети на земле останутся сиротами. Я покачала головой:

– Отпусти меня домой к детям. Я не хочу, чтобы они были сиротами, как я.

Ангел улыбнулся:

– Ну что ты, о них позаботятся. Идем, тебе здесь понравится.

Я снова замотала головой, настаивая на своём.

– Если у меня есть выбор, я хочу вернуться к детям.

Ангел посмотрел на меня и сказал:

– Хорошо, возвращайся, но ты не раз об этом пожалеешь, что не приняла моё приглашение.

И тут я открыла глаза, и увидела как надо мной склонился мужчина в белом халате.

– Ну здравствуй девушка, ты нас напугала. Мы чуть тебя не потеряли. Как ты себя чувствуешь?

– доктор участливо на меня смотрел и улыбался. Не привыкшая лежать на спине, я хотела повернуться, чтобы поменять позу и вскрикнула от боли.

– Лежи, лежи. Мы тебя прооперировали, тебе нужно время на восстановление.

– Что со мной произошло? – я скривилась от боли.

– У тебя была киста левого яичника с прорывом в брюшную полость. Мы едва тебя откачали. Пришлось с левой стороны всё удалить, а с правой мы всё зашили.

Врач замер, наблюдая за мной. Не увидев никакой реакции на моем лице объяснил.

– У тебя же есть дети, правильно? – Я кивнула, – ты больше не сможешь рожать. Поэтому рад за тебя, что ты не бесплодна.

Мне нужно было время переварить информацию. Мечта подарить мужу сына, с треском провалилась. На глаза навернулись слезы. Я отвернулась к стене, чтобы доктор их не видел.

– Всё хорошо, девушка. Главное, вы живы. И у вас есть дети. А теперь отдыхайте и набирайтесь сил.

На этом доктор оставил меня наедине с моими мыслями. Я со страхом ждала когда Жумабой меня навестит. Что он скажет об этом?

Дни проходили за днями очень медленно, меня никто не навещал. Я очень скучала за детьми и хотела знать всё ли у них в порядке.

И вот наконец-то Жумабой пришёл, и шатаясь стоял у дверей.

– Привет дорогая, ну как ты? – заплетающимся языком проговорил он. Я в ужасе на него уставилась.

– Я не поняла, ты что, пьян? А где дети? И вообще, что происходит? Почему тебя так долго не было?

Он криво усмехнулся и прошипел:

– А ну рот свой закрой. Помни свое место женщина. Детей я отвез к родителям. Раз ты не в состоянии о них заботиться. И не способна родить мне сына.

Он зло посмотрел на меня и от этого взгляда я вздрогнула.

– Ладно, выздоравливай и возвращайся поскорей.

Он развернулся и вышел, а я еще долго смотрела на дверь, не веря своим ушам и глазам. Куда делся мой добрый, заботливый и верный муж?

Я расплакалась, вспоминая слова ангела. Ну уже назад дороги нет, надо как-то жить, хотя бы ради девочек. И обязательно вернуть расположение мужа, не всем дано иметь сыновей, как-нибудь смирится и переживёт. Я была настроена бороться за свою семью, но не всё так просто.

Когда я вернулась из больницы домой, то увидела сарай вместо дома. У нас никогда не было идеальной чистоты и уюта из-за его работы. Все заказы он принимал на дом, и был просто проходной дом, но я, как могла, пыталась сохранить мало

мальскую чистоту, но пролежав больше месяца в больнице, я нашла свою квартиру еще больше запущенной и не приспособленной для житья.

Впридачу к этому кругом валялись пустые водочные бутылки. Муж поехал за детьми, а я как могла прибралась, чтобы хотя бы был проход. Жумабоя как будто подменили. Не было дня, чтобы он не напивался, постоянно грубил, и начал поднимать руку на меня и детей.

Его родственники твердили, что на нём проклятие аллаха. Мало того, что он еврейку взял в жену, тем самым навел ярость аллаха на весь их род, так еще она и сына родить не может. И чтобы об этом не думать, он заливал свое горе алкоголем. И нашел удовольствие в том, чтобы избивать тех кого увидит. У детей появился страх перед отцом, и когда они слышали его шаги, то прятались.

Розочке на тот момент исполнилось шесть лет, а Раношке четыре. Они ходили в садик и делали успехи. Я нарадоваться на них не могла.

Розочка очень была похожа на отца и Жумабой старался её брать на всякие посиделки, чтобы похвастаться. Она не погодом была взрослая и рассудительная. И выделялась среди своих сверстников фигурой, красотой и грацией. Люди оборачивались, глядя ей вслед. На всех утренниках она пела и танцевала, а я, глядя на неё, проливала слёзы умиления и сожаления, что не в моих силах сделать её счастливой.

Раношка же была ей полная противоположность. Она, как пацан в юбке, всех

задирали, со всеми дралась и была неуправляема. Внешне она была красивой девочкой, с большими выразительными глазами. И я пыталась научить её женственности. Если у Розочки были длинные шелковистые волосы, то Рано требовала, чтобы её стригли налысо, или она стригла себя сама. И одевалась она как мальчик, и именно поэтому все во дворе принимали её за пацана.

Но я понимала, что возможно из-за того, что мы так рьяно хотели мальчика, родилась девчонка с мальчишеским характером. И я любила её такой, какая она есть. Задорная, веселая, вспыльчивая, и немного дерзкая.

Однажды Роза пришла расстроенная, с очередных папиных посиделок. Я аккуратно подошла и спросила:

– Как дела, доченька. У тебя все хорошо?

Она съёжилась и промолчала. Я ненавязчиво обняла её:

– Всё хорошо, милая, ты мне можешь всё рассказать.

Ребёнок обнял меня и заплакал.

– Мама, это правильно, что папа меня с собой таскает, и при этом целует чужих тёток, а мне говорит отвернись, не смотри? А затем говорит расскажешь маме, убью. Я боюсь его, мама, давай уедем отсюда.

Девочка крепко прижалась ко мне и всхлипывала, вся дрожа.

– Всё хорошо, родная, мы уйдем от него.

Я, как могла, утешала малышку, хотя и мне было страшно. Дождавшись, когда он пришёл я встала в позу, хотя коленки дрожали и громко заявила:

– Значит так, мы собираем вещи и уходим отсюда! Ты пьёшь, хоть и мусульманин, ходишь по бабам, мы живем в страхе перед тобой. Нам это надоело!

Моя бравада длилась не долго. Не успела я окончить, как сильным ударом была отброшена к стене. Снова закружилась голова, из носа потекла кровь.

– Теперь ты слушай меня, вздумаеть от меня уйти, по нашим законам, ты голая уйдешь от меня, без вещей и без детей. Знаешь правду, тем лучше. Я больше не буду это скрывать. Ты не можешь подарить мне сына, может какая-то проститутка подарит мне его.

Он презрительно посмотрел на меня, сплюнул и вышел, покачиваясь из стороны в сторону.

А я сидела на полу оглушённая и растерянная. Ко мне подошла дочка.

– Мама, пообещай, что ты меня никогда не бросишь, не оставишь папе.

Худенькие плечики так и вздрагивали.

– Никогда милая, я тебя не брошу. Ты моё счастье, мое утешение.

Я её крепко обняла и заплакала от отчаяния. Выбора нет, уйти от него нереально, придётся терпеть все его выходки.

Глава семнадцатая

Недели тянулись за неделями. Жумабой совсем распоясался. Почувствовав свободу творить все что захочешь, он напивался вдребезги, приглашал в дом таких же алкашей-друзей, а также девушек лёгкого поведения, и мой дом превратился в притон. Когда я пыталась остановить это безобразие, напоминая, что у него есть дети, то в ответ я получала побои и угрозы. Жизнь была не мила, но изменить обстоятельства я была не в силах. Единственная была цель, хоть как-то защитить девочек. Прякала по соседям, или отправляла на улицу погулять, и предупреждала не возвращаться пока всё не закончится.

И вот однажды во время таких попок дети вернулись с прогулки и не захотели уходить, они были голодные и уставшие. Я их быстро провела мимо пьяных мужиков на кухню.

Рано очень хотела пить, и увидев на столе полный стакан, залпом выпила. Вдруг у неё глаза округлились и она начала задыхаться. Я тут же к ней подскочила и выхватила стакан. Это была водка. Я быстро начала давать ту закуску, что попадалась под руку, огурцы, помидор, колбасу.

Потихоньку она пришла в себя от первого шока, но алкоголь начал действовать. Урезонить её было невозможно. Она залезала на стол, кричала,

била посуду, потеряла всякий страх и вела себя как пьяный ребенок.

Всем этот спектакль нравился, ей предлагали ещё выпить и смеялись над её смешными, пьяными выходками, но Жумабою это явно не нравилось. Он зыркал на меня давая понять, чтобы я это безобразия как-то остановила, Но малышка вышла из-под контроля, я насильно её схватила и увела в комнату, чтобы уложить спать.

Я понимала, что ей нужно проспаться, и всё будет хорошо. Хотя в четыре года такое отравление может быть опасно. Я знала много колыбельных песен, но дети почему то выбрали песню “ Темная ночь”, и я её напевала им каждый раз, когда их укладывала. И вот сейчас укладывая мою пьяную малышку спать, я запела. Услышав знакомый мотив, она затихла наконец-то и закрыла глаза. Допев до конца песню я тихо вышла на улицу и заплакала. Ко мне подошла соседка и заговорила. В том доме где мы жили, были добрые соседи, в основном русские. Они жалели меня и моих детей, и каждый раз приносили что-нибудь вкусненькое. У нас зачастую не было чего покушать, всё что зарабатывал Жумабой уходило на его гулянки и выпивку. А мне на работу он не разрешал выходить. Я сидела на скамейке, склонив голову на соседку и плакала. Мне не у кого было искать защиты, я на его территории, и здесь его законы.

И тут из окна моей квартиры раздался дикий вопль. Меня охватила паника и я бросилась домой, предчувствуя, что случилось, что-то ужасное. Когда я

вбежала в дом, я не сразу поняла, что происходит. Моим глазам предстала такая картина: пара мужиков держит Жумабая, почти висая на нем, а он кого-то лупит ногами по голове и орет

– Сдохни, зараза!

Я опустила взгляд вниз и ужаснулась. Там в конвульсиях, в блевотине лежала моя дочь. А её родной отец ничего не соображая, наносил удары тяжелыми башмаками, куда получалось. Как мне потом рассказали, что Рано вышла из спальни попить воды. Схватив банку с водой она пошатнулась и банка упала и разбилась. И это вывело Жумабая из себя. И никто не мог остановить его ярость. Я упала вниз пытаясь собой укрыть ребенка, но он меня отпихнул, схватил её и бросил в ванную, и закрыл дверь на ключ, выключив при этом свет. Я упала на колени:

– Прошу тебя, дай мне войти к ней! Я не слышу её голоса, она хоть жива? Остановись, она же твоя дочь!

Я вся дрожала, страшась последствий этих действий. Наконец мужики схватили его и оттащили от дверей. Я вбежала и наклонилась над ребёнком. У неё были открыты широко глаза но она не реагировала на меня.

– Доченька, доченька, ты меня слышишь? – кричала я, крепко прижимая её к себе.

Слёзы градом катились из моих глаз. Я вышла из ванны и с ненавистью посмотрела на мужа.

– Убийца, я тебе этого никогда не прощу. Ты зверь, а не человек.

Жумабой немного остыл и протрезвел. Он с ужасом смотрел на дело своих рук. Ко мне подошел один из гостей.

– Её надо везти в больницу, но не говори что её избил отец, скажи, что упала с качели. Я кивнула, и крепче прижала малышку.

«Что я натворила? Как я попала в эту среду, что ни у меня, ни у детей нет защиты от монстра, только потому, что я жена мусульманина?»

В больнице дочку обследовали, мозг был сильно поврежден. Отёчность не давала возможность увидеть масштаб разрушения. Нужны были время и деньги.

Я вернулась домой, так как её забрали в реанимацию и меня к ней не пускали. Время казалось остановилось на месте. Каждый день чуть свет я прибегала в больницу, но ответы меня не радовали. Отечность спала, но тяжесть поражения ещё не известна, девочка пришла в себя, но не реагирует на людей и не отвечает, когда её о чём-то спрашивают. Иногда она начинает агрессивно орать и пытаться встать, и ей тут же колют успокоительное средство.

Меня очень долго к ней не пускали, и наконец-то разрешили войти к ней в палату. Она лежала бледная, исхудавшая, и смотрела в одну точку на стене. Я присела рядом и взяла её за руку.

– Привет родная, я мама, ты меня узнаешь? – я вглядывалась в родное лицо и по моим щекам

текли слёзы. – Отреагируй, посмотри на меня, скажи что-нибудь.

Я была в отчаянии, это не могло со мной произойти. И тут её взгляд с потолка переместился на меня. Она на меня смотрела так, как будто никогда не видела.

Я её крепко обняла и зарыдала.

– Дочка, борись, ты слышишь, не сдавайся, вернись к нам, прости меня, я буду за тебя бороться, только ты не сдавайся.

Я плакала, прижимая её к себе, пока не пришел доктор.

– Мамаша, нам надо с вами поговорить, – сказал он и повел меня за руку. Мы пришли в его кабинет, там сидели еще два врача. Он предложил мне стул и успокоительное. Я села, но от успокоительного отказалась. Хочу трезво рассуждать, что происходит.

– У вашей дочки поврежден мозг. Отёчность спала, но теперь мы видим последствия ушиба. – Доктор замаялся, – видите ли, у вашей дочери развилась болезнь дебилность, то есть умственная отсталость. Это уже не та девочка, которую вы знаете. У неё также поврежден слух, поэтому она не реагирует, когда к ней обращаются. Речь тоже заторможенная и невнятная, в любой момент может вспыхнуть агрессия и тогда сразу нужно ввести препарат внутривенно, чтобы успокоить её. Понимаете, мы не можем вернуть её домой, так как она не может отвечать за свои действия. Её нужно оставить под наблюдением врачей в психлечебнице.

Врач наблюдал за моей реакцией, пока всё это говорил. А до меня с трудом доходил смысл сказанного. Я встала, поблагодарила врачей и вышла. Какая-то пустота вошла внутрь. Я вышла из больницы и пошла, куда глаза глядят. Мне было ненавистно возвращаться в тот дом, где хозяйничает мой ненавистный враг, но при этом там ждала меня моя старшая дочь. Я взяла себя в руки и направилась к дому.

Жумабой ремонтировал очередной телевизор, а Роза сидела рядом и смотрела, как он работает. Увидев меня она вскочила и подбежав крепко обняла меня.

– Ну что сказали в больнице, как Рано? – безучастно спросил он, продолжая ковыряться в деталях.

– Плохо, – ответила я, – я требую развода. Хватит портить нам жизнь.

Я встала и вышла на улицу. Сев на скамейку, обняв Розочку я заплакала. Через какое-то время вышел и он. Я знала, что вернётся он пьяным и злым, и с ужасом ждала вечера. Как и ожидалось он вернулся пьяным и с яростью набросился на меня.

– Слышишь ты, дрянь, куда ты от меня не денешься, развод я тебе не дам. А если сама уйдёшь, я тебе такую жизнь покажу, что мало не покажется!

С этими словами он начал рвать на мне одежду и грубо стягивать с меня. Я давно по доброй воле его к себе не допускала, мне было противно с ним ложиться в одну постель, и поэтому я спала с

девочками. И он даже не помышлял меня насиловать, у него и так было достаточно женщин, которые его удовлетворяли. Но теперь у него снесло башню, и он как голодный лев с рычанием и остервенением напал на меня. У меня не хватало физических сил остановить его, и я перестала сопротивляться. Надругавшись вдоволь надо мной он сел и закурил.

– Оставь эти мысли, чтобы уйти от меня. Без денег, без документов, без детей и вещей. Ты проиграешь эту войну, учти это.

Он встал и вышел. А я лежала, опустошенная, униженная и глубоко несчастная. Да, я слишком слаба, чтобы бороться с ним на его территории. Мне не выиграть эту войну. Я свернулась калачиком на полу и так и уснула.

Шло время. Я по возможности каждый день навещала Рано в больнице. Она меня уже узнавала и прибегала, когда видела меня идущей. При этом это был уже не тот ребенок. Глаза дико озирались по сторонам, вместо нормальной речи у неё вырывался какой то рев. Она не реагировала, когда к ней обращались, и была сильно замкнута.

Мне так хотелось взять её домой, но врачи строго настрого запретили. Это всё равно, что волчонка выпустить на свободу. С тяжелым сердцем я возвращалась домой. Я каждый раз себя винила, что ушла и оставила её наедине с папой. Если бы можно было всё вернуть назад, но кто знал, что алкоголь затуманит ему разум. И теперь всё кончено. Врачи сказали, что это не лечится, и с

таким нарушением мозговой активности, люди долго не живут.

Плюс ко всему этому у неё обнаружилась бронхиальная астма, приступы её душили чуть ли не каждый день.

Врачи советовали отказаться от неё в пользу медицины. Чтобы проводить на ней опыты с экспериментальным лекарствами. Но я отказалась от этого предложения. Это мой крест, мне его и нести.

Глава восемнадцатая

С тяжелым грузом вины и пустоты в сердце я как зомби выполняла всю женскую работу по дому, уже не реагируя, на то как мой муж гуляет. Розочка пыталась каждый раз подбодрить меня, рассмешить, увидеть улыбку на моем лице, но я как будто забыла как это делается. Прошел мучительный год. Со временем мне разрешили Рано на выходные забирать домой, и дали психотропные лекарства, которые тормозят агрессию. При этом я подписывалась, что если я не досмотрю, и по вине Рано пострадает кто либо, то меня посадят в тюрьму и лишат материнства. Я шла на это, потому что надеялась, что в домашних условиях она быстрее поправится.

Только я смирилась с этой бедой, как новая беда не заставила себя ждать.

Однажды, когда Роза игралась во дворе, она вдруг крикнула и начала приседать на землю. Я к ней подбежала:

– Доча, что случилось?

– Больно, мама, очень больно – прошептала она держась за бок.

Я подняла её на руки и закричала в небо:

– Хватит меня мучить, убей меня!!!

Я кричала и кричала, пока соседи не подбежали. Они взяли у меня малышку и положили на скамейку. Розочка тяжело дышала, держась за

бок. Они вызвали скорую, и мы очень быстро оказались в больнице. Сделали полное обследование и обнаружили, что почки у ребенка сильно воспаленные, одна почка едва справлялась со своей функцией, и её нужно было удалить. Но врачи решили попробовать спасти почку и оставили Розу в больнице под капельницей. Я вернулась в пустую квартиру, села на табурет и разрыдалась.

Сколько можно одному человеку выдержать столько боли и страданий? Когда это всё закончится? Я устала бороться. Что я за мать, что не могу защитить детей своих? Если я в детстве оплакивала только свою судьбу, то сейчас я оплакивала судьбу своих детей.

Розочка месяц пролежала в больнице. К счастью лечение дало результат. Операцию отменили, но предупредили, чтобы следила, чем питается ребенок. Обильное питье и строгая диета.

Вот назначение врача и плюс лекарства которые нужно принимать пожизненно. Вернувшись домой, я обнаружила мужа, который спокойно работал над каким то прибором.

– Значит так, – осмелела я, – пей сколько хочешь, гуляй сколько хочешь, но чтобы у меня всегда были деньги на лекарство для Розы. Одного ребенка ты погубил, и если и с ней что то случится, мне терять нечего, я тебя убью.

Я повернулась и вышла. Меня трясло от страха, я очень его боялась, и когда он ко мне приближался, у меня от страха немели ноги, и плыло перед глазами. Я не могла сама побороть этот страх.

Правда, после того как он избил Рано, он побаивался меня, и всё реже и реже поднимал руки на нас. Но мне от этого не становилось легче. Я смотрела на мужа и не могла понять, куда делся тот мальчик, который безумно любил меня и завоёвывал, которому я доверила свою жизнь. И вот во что он превратился и превратил мою жизнь. Казалось, что может быть хуже, чем есть?

Но жизнь продолжала меня удивлять. Как-то вечером он заявился счастливый, слегка подвыпивший и заявил:

– Одна женщина беременная от меня. Если она родит сына, то станет мне второй женой. А если дочку, то с позором вернется домой. Хватит с меня девчонок.

Он ухмыльнулся довольный собой, а я на него посмотрела с негодованием.

– Делай, что хочешь, только нас оставь в покое. Бедная та женщина, которую ты используешь. Но пусть твоя мечта сбудется, и у тебя родится сын, о котором ты мечтаешь. Может тогда ты остепенишься и перестанешь пить и мучить всех, тех, кто тебя окружает.

Он улыбнулся, кивнул и вышел.

Все соседи жалели меня и негодовали на поведение моего мужа, но я уже была безучастна. Жумабой привел эту женщину домой и представил:

– Пока не родит, она будет жить здесь, знакомься, Зира.

– Добро пожаловать в ад, – съязвила я и пошла на кухню. У меня не было злости или ревности по отношению к ней. Просто пусто и всё.

По выходным я ходила навещала дочь в психдиспансере, иногда под расписку брала её домой, но мужу это не нравилось. Она много шума производила, и мешала ему работать. С Розочкой тоже были проблемы. Постоянно надо было следить, чем питается ребенок. Заваривать траву пол пала, и пить вместо чая, чтобы погасить воспаление почек. Роза не была в восторге от этого напитка, он слегка горчил и имел невкусный запах. Она всячески пыталась меня перехитрить, чтобы не выпить.

И так в этих заботах я не обращала внимания на то, что у нас живет ещё одна личность. Ей пришло время рожать, и они поехали в больницу. На утро Жумабой прибежал радостный и схватив меня закружил по салону:

– Мальчик, мальчик, у меня родился сын! – ликовал он. – Теперь всё будет по-другому, обещаю. Как ты его назовешь, так и будет, ведь это и твой сын тоже.

Я так давно не видела его таким счастливым и трезвым.

«Может действительно всё наладится», – подумала я.

– Давай назовем его Равшан, – сказала я вслух, растрогавшись.

Так мы хотели назвать своего второго ребёнка, думая, что у нас мальчик. А родилась Рано. На глазах у Жумабая стояли слезы.

– Да, милая, так и будет. Равшан -- это прекрасное имя. И я верю, что ты с твоим добрым сердцем полюбишь его как родного.

Я кивнула. На ребёнке я точно отыгрываться не буду.

Через неделю Зира достойно переступила порог нашего дома с ребёнком на руках. Объявили её второй женой и она счастливая величаво шагала по квартире устанавливая свои порядки. Мысль о разводе меня не покидала. Я еврейка оказалась в этой стране, в этой среде враждебно настроенных людей, ещё ко всему прочему и в гареме. Понимая, что муж меня не отпустит, и не даст забрать детей, я прижала хвост и решила смириться со своей участью. Жумабой для меня как муж перестал существовать, но как от отца, я требовала от него финансы, чтобы мы ни в чём не нуждались. Он старался меньше пить, и больше работать, иметь две жены и троих детей – это ответственность.

Мальчуган был славный, и я его полюбила как родного. И только на моих руках он успокаивался. А я в нём находила утешение. Мои девочки тоже приняли Равшанчика, как родного. И даже Рано, когда на выходные приезжала домой, ухаживала за

младшим братом как мамочка, она рядом с ним находила какую-то отдушину, была спокойна и мила. Часто вызванная болезнью агрессия, утихала, когда Равшанчик оказывался рядом. Это меня радовало и давало силы жить, хотя бы ради детей. Зире пацан явно был не нужен. Её раздражали его вопли, она не хотела его вскармливать грудью, поэтому мы перешли на смесь, и вообще никаких материнских чувств она к нему не испытывала.

Всё своё внимание она направляла на Жумабая. Она была стройной, с шикарными чёрными, как смоль, волосами. И тем не менее, она явно меня ревновала к мужу, чему я очень

удивлялась. На тот период я была стопроцентная мать, и нольпроцентная жена. Меня он не интересовал, я даже была рада, что он перестал требовать от меня исполнения супружеского долга, а переключился на вторую жену. Но ей и побоев больше доставалось. В этом было моё маленькое злорадство. А что? На чужом горе своё счастье не построишь.

Глава девятнадцатая

Время шло. Розочку перестали мучать приступы, я строго следила за всем, что входит в её рацион. Ранюшечка, хоть и продолжала невнятно кричать, и вести себя неадекватно, мы научились её понимать и принимать такую, какая она есть. Равшанчик тоже подрастал, уже начал говорить, ходить, самостоятельно кушать и очень сильно радовал нас. Он был единственный, кого Рано воспринимала и могла часами с ним играть. Меня он называл мама, а свою родную маму называл ая⁴. Но всегда тянулся ко мне и плакал, когда я должна была куда-то уйти.

Примерно два года Жумабой сдерживал себя в выпивках и гулянках, но старые связи потянули за собой, и он снова сорвался. Снова начал пить и гулять по проституткам. От этого всем было плохо. Снова страх видеть его пьяным и пытаться от его пьяного гнева защитить детей.

В такие моменты я прятала детей, а Зира, как тигрица нападала на него, и они дрались до тех пор, пока оба окровавленные и обессиленные затихали на полу. Я к тому времени так устала бояться за свою жизнь и детей, что тоже начала выпивать, что находила. И Роза, возвращаясь со школы, укоризненно смотрела на мать, которая лыка не вязала.

⁴ Ая – по-узбекски «мама».

– Мама, ладно папа пьёт, ну а если ещё и ты запьёшь, что с нами будет? Кому мы будем нужны?

Роза выхватила из моих рук бутылку и выкинула в мусорную корзину.

– Эй ты, малявка! Ты будешь меня учить как жить!? Убирайся! – крикнула я и полезла за бутылкой.

– Нет, мама! – дочка встала на моем пути, – ты не будешь пить! Только не ты! Ты нам нужна, пойми.

Я не соображая, ударив её по щеке, откинула её от себя. Роза отлетела в сторону и со слезами на глазах уставилась на меня.

Мою руку как обожгло. Мои дети и так натерпелись, ещё не хватало, чтобы мама их била. Я подскочила к ребёнку и крепко её обняла

– Прости, родная, прости, я так устала жить и бороться за существование, а пьяному море по колено.... Но ты права, у меня есть вы, я не буду больше пить, я буду бороться.

Я обнимала, целовала Розочку, просила прощения, и мы сидели на полу в обнимку и плакали. Я решила снова повторить попытку поговорить с мужем о разводе. Но так, чтобы дети остались со мной.

Это было нелёгкое решение, мне было до жути страшно даже думать об этом. Я вспоминала, к чему такие разговоры приводили, и как он жестоко избивал меня, но может сейчас будет всё по-другому. У него есть ещё жена и сын. Хотя я и любила Равшанчика и воспитывала его, к тому

времени малышу исполнилось три года, но мне всё-таки он не принадлежал.

Я лелеяла надежду, что Жумабой смягчится и отпустит меня. Я выждала момент, когда он был в хорошем расположении духа и самое главное трезвым, и робко подошла к нему и заговорила.

– Послушай Жумабой, твоя мечта сбылась, у тебя есть сын, и есть ещё одна жена. Давай мы разведемся, ты всегда останешься отцом моим детям, и всегда сможешь с ними общаться, но ты же меня не любишь, дай мне свободу, я устала так жить, устала бояться.

Я присела на корточки и прижалась к стене. Мне было страшно и одиноко. Когда он поднял взор на меня, я была шокирована.

В его глазах стояли слёзы и он с мольбой произнес.

– Ты ошибаешься, если думаешь, что я тебя не люблю. Я знаю, что загубил твою жизнь, но остановиться не могу. Меня все упрекали, что взял в жёны еврейку, которая сына подарить не может. И на почве этого у меня снесло крышу, но я не хочу тебя потерять. – Он затих, и мы какое-то время просидели молча. Потом он снова заговорил: – Хоть у меня родился сын, но меня он не радует. Мне нужен сын от тебя.

Я опешила:

– Но это нереально, я не виновата, что прошла через такую операцию и осталась бесплодной. Ты будешь меня всю жизнь за это наказывать?

Еле сдерживая слезы я отвернулась. Жумабой встал, подошел ко мне и поднял с корточек.

– Ответь мне серьезно на один вопрос, – он замялся. – Как ты думаешь Бог есть?

Я задумалась, вспоминая бабушку, её смерть, мои попытки найти Бога, моё разочарование в поиске.

– Я не знаю, скорее всего, его нет. Если бы был, столько зла со мной не произошло бы. А почему ты это спрашиваешь?

Я удивленно посмотрела на него, таким спокойным, уравновешенным я его давно не видела. На столе лежала лепешка и стоял стакан воды. Он подошел к столу и взял это в руки. Я наблюдала за ним, не понимая, что происходит. Наконец он заговорил:

– Я клянусь небом и Богом, если Он есть, и вот святые дары, хлеб и вода. Без этих даров человек не проживет, так вот, если ты мне даруешь сына, я брошу пить, гулять и сделаю тебя самым счастливым человеком.

Он поставил всё на стол, подошёл ко мне и впился в мои губы. У меня очень давно не было с ним никакого интима, после его гулянок мне было противно допускать его к себе, но сейчас мне не хотелось сопротивляться. Я как женщина соскучилась за любовью, и еще впридачу эта клятва, как проверить Бог есть или нет.

Забыв о своих принципах, я отдалась страсти, накопленной за многие годы. Через пару месяцев

меня стошнило и закружилась голова. Когда я пришла к гинекологу, она на меня посмотрела сострадательно

– Наверняка ты что-то не то съела. Я конечно тебя проверю, раз ты пришла, но это нереально. Ты меня понимаешь. После таких операций не беременеют.

Кивком головы она показала на кресло. Я залезла и замерла, кружилась голова и от страха и волнения. Врач долго меня осматривала и в шоке посмотрела на меня.

– Не может этого быть! Ты беременная, примерно восемь недель. Но я тебя отправлю на УЗИ. Это может быть опасно, тебе нельзя рожать. После таких операций не рожают.

Врач была взволнована и не скрывала этого.

– Если это беременность я буду рожать. Мне терять нечего.

Я взяла направление на УЗИ и вышла. Беременность подтвердилась, приехал профессор, который меня оперировал, и в изумлении подтвердил диагноз. С левой стороны как удалили трубу и яичник, ничего не изменилось, они не появились, но зато, с другой стороны всё, что было прошито прочными нитками на всю жизнь, расплзлось, и благодаря этому оплодотворение произошло. Но врач положила меня в больницу с угрозой кровотечения и предложила подумать о том, чтобы прервать беременность. Матка была на грани, а это только начало, мол типа она не вынесет

полноценный плод. И что я могу умереть. Я обещала подумать, а пока наслаждалась отдыхом в палате.

Дети были пристроены, за них я не волновалась.

Глава двадцатая

Муж узнав про мою беременность чуть не на руках меня носил, таким милым давно не был. И я потеплела к нему, может удастся спасти семью.

В палате я познакомилась с Сабиной, милой девочкой, которая тоже была беременной на восьмой неделе, как и я. У неё тоже была какая-то проблема, и ей нужно было быть постоянно под присмотром. Мы сразу полюбили друг друга, она была весёлая, забавная и её настроение передавалось и мне. Я давно так не веселилась, она была классным рассказчиком и с юмором преподносила мне истории. Про себя я ничего не говорила, не хотела портить эйфорию счастья. Но и она не выпытывала обо мне, а просто уважала, когда я замыкалась в себе. Больше всего меня поражала её уверенность в завтрашнем дне. Когда очередной раз мне предложили прервать беременность, Сабина подошла ко мне и обняла:

– Ты знаешь, я верующая. Я верю, что Иисус умер за меня и воскрес. Тебе этого не понять, но за тебя молится вся моя церковь, куда я хожу. Они молятся за меня и моего малыша, и за тебя и твоего малыша. Не слушай врачей, ты не умрёшь, если Бог дал тебе дитя, то Он знает, что ты в состоянии выносить его. Не бойся.

Я слушала её и восхищалась твёрдостью её характера. У неё это первая беременность, и организм дал сбой. Ей также говорили, что есть

опасность, и предлагали прервать беременность. Но её вера давала ей силы.

Я конечно не верила во все эти сказки про Бога, и даже жалела её, что она попала в лапы сектантов, но мне она была симпатичной, и я на эти мелочи, как молитва, не обращала внимание. Почти всю беременность мы провели в больнице на сохранении.

Врачи от нас были в шоке. Несмотря на боли и неприятные ощущения внутри, мы были жизнерадостными. Вначале отказались от аборта, затем в семимесячный срок отказались от преждевременных родов.

Когда подошло время рожать врачи хотели сделать кесарево сечение, но и здесь услышали отказ. Глядя на Сабину и её решимость всё довести до конца, я следовала её примеру. К тому же она всегда говорила, чтобы я не переживала, мол за меня вся церковь молится.

Меня это удивляло, кому надо, за меня молиться? Они меня не знают, кому какое дело до меня? И тем не менее, мне было приятно. Пришлось нам обоим написать расписку, что в случае несчастного исхода, врачи ответственности не несут. И вот это время настало.

У меня начались схватки и меня перевели в родильное отделение. Через полчаса туда же перевели Сабину. Увидев её я засмеялась:

– Девушка, вы меня что преследуете?

Не смотря на то, что ей было больно, она улыбнулась и подмигнула:

– А что, теперь мы повязаны с тобой одной беременностью. Это на всю жизнь.

Мы обнялись и одновременно застонали от боли.

– Не повторяй за мной. – прошептала она, улыбаясь.

– Это ты повторяешь, я первая сюда попала.

– Ответила я в унисон, и застонала. Почувствовав потуги, я позвала акушерку, и мы пошли рожать. Сабина мне крикнула вслед:

– С Богом, родная, всё будет хорошо!

Врачи и акушеры решили перестраховаться на случай кровотечения или какой-то другой проблемы. Вызвали главврача родильного отделения. Но, как ни странно, мне даже больно не было. Я внимательно прислушивалась к указаниям акушеров, была сосредоточена на их выполнении, и тут долгожданный крик ребёнка. Я даже опешила от неожиданности, когда услышала этот волнующий крик.

– Поздравляем, мамаша, у вас мальчик родился, – произнесла врач, вздохнув с облегчением.

Всё прошло хорошо. Без всяких патологий. Малыша проверили, взвесили -- 3100. И отправив его в детское отделение, проверив и почистив меня оставили меня прямо на том кресле отдыхать. Не прошло и полчаса, как привели Сабину и положили на соседнее кресло, для принятия родов. Увидев её, я ободряюще улыбнулась.

– Я же говорю, что ты за мной повторяешь. – попыталась пошутить я, но увидев её измученный взгляд притихла. Её кресло стояло так, что передо мной разворачивалась вся картина родов. Другой бы человек возможно бы отвернулся, но меня как магнитом притягивало всё что там происходило.

До знакомства с Сабиной, у меня не было ни подруг, ни друзей, я была как одинокий волчонок, которого много предавали. И за время беременности мы так сильно подружились, нам было хорошо вместе, мы понимали друг друга с полуслова, я ей рассказала о своей нелегкой судьбе, о тех бедах, что выпали на мою долю. Она молча с сочувствием выслушала меня, и после крепко обняла, сказав такие слова:

– Ты сильная, Аллочка, ты не представляешь, какой потенциал в тебе заложен. Я буду за тебя молиться.

Меня уже от этих слов не дёргало, а вселяло уверенность , что всё наладится. И теперь я, глядя как Сабине было плохо, сама не заметила, как начала за неё молиться. И вот процесс пошёл. Передо мной раскрывалась вся картина родов. Я увидела головку малыша, и как руки акушера, взяв головку начали крутить, как будто лампу закручивают. Мне стало не по себе, казалось они ему сейчас голову открутят. Так хотелось закричать, «вы что творите, остановите это безобразие», как вдруг неожиданно для меня, ребенок весь оказался в руках акушера.

Он был синий, весь сморщенный, без каких либо признаков жизни. Акушер перевернула его вниз головой, пошлепала по попе, открыла ему ротик, чтобы достать язычек, а мы с замиранием и страхом наблюдали за этой картиной.

– Ну малыш, дыши, пожалуйста, – шептала я со слезами на глазах, – не подводи мамочку, которая так сильно верит в Бога.

Казалось прошла целая вечность, как вдруг малыш развернулся на руках врача и закричал. У нас вырвался вздох облегчения, и я заплакала.

Это были слёзы радости, что всё позади. У меня есть долгожданный сын, теперь мы заживем большой дружной семьей.

Глава двадцать первая

Жумабой обещал, что жизнь изменится, что перестанет пить, гулять, возьмет ответственность за всех нас, и я наконец-то почувствую себя женщиной нужной и любимой. То, что я не единственная жена, меня это уже не смущало.

Знакомство и дружба с Сабиной изменили моё мышление. Её любовь к Тому, Кого она не видит, но всем сердцем любит, заставила меня задуматься. К тому же, рождение моего сына – подтверждение того, что что-то всё-таки есть.

Ну ладно, не будем об этом, время покажет, подумала я, и счастливая, задремала прямо на каталке. Когда Жумабой узнал о рождении сына, то устроил праздник на весь район. Мы с Сабиной попрощались, сомневаясь, что когда-нибудь увидимся, поздравили друг друга и разошлись.

Меня встречали все родственники Жумабая, как царицу. Позор с семьи снят. Аллах помиловал и простил меня, и дал в награду сына. Муж ликовал, как павлин гордо расхаживал среди гостей и принимал поздравления. Сына называли Рустамчик, и он не догадываясь, какая шумиха вокруг него разыгралась, мирно посапывал у меня на руках.

Казалось, я была счастлива. Зира с завистью поглядывала на меня, видя как Жумабой меня обхаживает, а в её сторону даже не смотрит. Я внутренне ликовала, это моя победа, и тебе в ней нет места.

Но вот праздничные дни закончились, начались будни. Муж был паинькой. Работал, не пил, по бабам не гулял, даже на Зиру не смотрел, хотя по закону она считалась его второй женой. Он всем своим существом показывал и доказывал, что очень сильно любит меня и попытается вернуть к себе мою любовь.

Но не смотря на то, что у нас родился сын, мне трудно было ему простить все те измены, страхи, что я пережила, избиение младшей дочки, из-за чего она стала инвалидом. Много зла было совершено, и вот так всё перечеркнуть и забыть своими силами я не могла.

Я была холодна в постели, во мне как будто умерла женщина, осталась только мама. Так прошло два месяца. Я для себя решила стерпится, слюбится.

Малыш рос и радовал всех нас, очень хорошо набирал в весе. У меня было много молока, и Рустамчик с наслаждением хватал мою грудь и аж закатывал глаза от счастья. Я умилялась, глядя на него, и благодарила небо за его чудо рождения. При этом вспоминала Сабину, и то, что она мне говорила. Я за ней скучала, но мы даже адресами не обменялись, решив, что нет в этом смысла. Она живет в христианском мире, а я в мусульманском. Мы на разных планетах обитаем, и вряд ли когда-нибудь пересечемся.

Но сейчас это было не важно. Я мама большого семейства и от этого испытывала гордость. Розочка училась на «отлично», во всём

мне помогала и при этом чувствовала себя получше, приступы прекратились. Ранюшка по-прежнему жила в интернате, но на выходные я брала её домой, и пыталась создать все условия, чтобы у неё не было причины входить в агрессию. Равшанчик тоже подрос, четырехлетний бутуз, крепыш, носился счастливый, гремя всем, что попадалось ему в руки, создавая невероятный шум. Но на него мы смотрели с умилением и восторгом. Рустамчик на эти шумы не реагировал, спокойно кушал и спал. Ему ничто не мешало наслаждаться жизнью.

Я вся целиком ушла в воспитание детей и ни муж, ни Зира меня не интересовали. И вот Жумабою надоело мое равнодушие, и он снова начал по долгу пропадать. Старая жизнь снова начала его тянуть на свою сторону, проститутки, любители выпивки, как говорили алкаши о себе, снова затянули его в свое болото. Но меня это не трогало, пока я не заметила, что с Рустамчиком что-то не в порядке. У него начали гноиться глазки, и никакое лечение не помогало. При этом я заметила такую тенденцию. Когда Жумабой был только по работе и не пил и не гулял, то приходя домой он замечал, что у Рустамчика все зажило. Не было и следа от инфекции на глазах. Но достаточно ему сорваться, как тут же всё возвращалось, глаза набухали и стреляли гноем, и я точно знала, что он не на работе.

Вспомнив обещание, которое муж сказал в небо, меня передернуло. Если есть Бог, то со своей стороны Он выполнил обещание, и я родила сына,

но Жумабой свое обещание не выполняет, мне стало не по себе. Дождавшись, когда он вечером пришёл, слегка на хмеле, я попробовала с ним поговорить.

– Жумабой, что ты творишь? Посмотри на свою жизнь и на нашу. – Я с негодованием смотрела на него, – ты поклялся, что оставишь такую свою жизнь, и что? Твои слова пустой звук!

Он от меня отмахнулся, как от назойливой мухи.

– Отвали жена, мне нравится моя жизнь – буркнул он и пошел в свою комнату спать. Я пошла в детскую комнату, Рустамчик горел, и очень сильно опухли глазки. Я прижала его к себе и заплакала. Мне стало так страшно, я чувствовала надвигающуюся беду и понимала, что я ничего изменить не в силах.

Но прошло несколько дней и глазки зажили и болезнь больше не возвращалась. И я успокоилась, решив, что сама себе накрутила. Прошло ещё две недели, муж как гулял, так и продолжал гулять. Я на это уже не реагировала, только Зира временами кричала и набрасывалась на него. Я забирала детей и выходила на улицу переждать драку.

Глава двадцать вторая

Но вот однажды ночью, почувствовав что меня кто-то трясет за плечи, я еле открыла глаза. Ранюшка испуганно стояла возле моей кровати и смотрела в сторону окна. Я услышала как разбилось окно, и что-то упало на пол. По комнате стал распространяться едкий дым. Я вскочила, как ошпаренная и побежала будить малышей. Не понимая, что происходит, но догадываясь, что наша жизнь в опасности, я закричала, чтобы меня услышали Жумабой и Зира. Мы подняли детей и выскочили на улицу. У меня на руках мирно спал Рустамчик, Равшанчик на руках у папы уже проснулся и испуганно озирался по сторонам. Рядом стояла Ранюшка, крепко обнимая меня за ногу. Посмотрев по сторонам, нигде не увидев Розу, я отдала Рустамчика Зире, и вбежала в квартиру.

Все было в дыму, застилало глаза, на ощупь, зная каждую деталь в своей квартире, я дошла до детской кровати и нащупала голову ребенка.

– Розочка, доченька, вставай! – Я её трясла, пытаюсь привести в чувства.

Поднять на руки восьмилетнюю девочку было не просто. Она хоть и была худенькая, но высокая, и достаточно тяжелая. Я пожалела, что Жумабая не было рядом. Скрипя зубами, я подняла её и понесла к выходу. Глаза слезились, платок который закрывал рот от дыма упал, и я закашлявшись и спотыкаясь тащила мою дочь к выходу.

Там нас встретили соседи и помогли Розочку уложить на скамейку. Вызвали скорую помощь и милицию. Дальше всё происходило, как в тумане. За что? Кому мы дорогу перешли? Кто желал нашей смерти? Я с гневом смотрела на мужа, который бегал среди милиционеров, заискивая перед ними, пытаюсь им доказать, что детвора мол игралась, найдя дымовую шашку.

Розочка уже пришла в себя, немного надышавшись дыма, она сидела в машине скорой помощи, еле сдерживая слезы. Я сидела на скамейке, крепко обняв Рустамчика, который даже не проснулся. Рядом сидел Равшанчик, прижимаясь ко мне и никого не подпуская к себе. Ему уже исполнилось четыре года, но он не очень любил, когда к нему подходили чужие люди. Даже его мама не всегда могла уговорить его пойти к ней на руки. Он лип ко мне и ревновал, когда я брала Рустамчика. Но в конце концов все утихомирилось, все разъехались, дым развеялся и мы вошли в дом.

– Что это значит? Кому мы мешаем?

Я смотрела на Жумабая и проклинала в душе за всё, что происходит, по его милости.

– Нам надо уехать отсюда. Они не оставят нас в покое, – пробурчал муж не глядя в глаза. – Нас пригласили к себе пожить моя бабушка и дядя с женой.

– Почему я должна отсюда съезжать. И кто нас не оставит в покое?

Было много вопросов на которые хотелось получить ответы. Но он зло посмотрел на меня и

пошёл собирать вещи. Позже я узнала, что он проигрался и на кон поставил нашу квартиру. И его предупреждали, чтобы он со своей семьей съехал или они нас убьют, но он не отреагировал на угрозу и нам ничего не сказал.

Так мы оказались на улице и пришлось вернуться в город Узген. Где нам предоставили сарай без всяких удобств. Спали на тонком матрасике и укрывались порванным одеялом. Трое взрослых и четверо детей, на нас смотрели как на нищих, и при этом мы так себя и чувствовали. И вот однажды ночью покормив малыша, я уснула прижимая маленьких к себе. Так мы телом согревали друг друга, потому что было холодно, но у мужа не было денег купить уголь, чтобы топить печь.

Мысль, что когда-нибудь всё наладится согревала моё измученное сердце.

Утром, как всегда, пораньше проснувшись, сходя в уборную на улице и набрав в ковшик водичку, умылась и вернулась в сарай покормить Рустамчика и обнаружила, что у меня нет молока.

Я не поверила своим рукам. Такого просто не может быть!

Раношка до двух лет не отпускала груди, потому что они были полные, а тут малышу всего три месяца и пусто. Мальчик уже во всю требовал еду, а мне нечем было удовлетворить его желание. Я растерянно прислонилась к стене и заплакала, и тут в мыслях я отчетливо услышала голос:

– Я забрал еду, заберу и жизнь.

Вздвогнув я повернулась, ища кто это сказал, но никого не найдя я испугалась. Поняв, что речь идёт о ребенке, о долгожданном сыне, я схватила его и крепко прижала к себе.

– Нет, нет, не забирай его, он этого не заслужил!

Закричала я в небо, понимая, что голос исходил оттуда. На шум пришёл Жумабой, уже успевший опохмелиться, и глупо уставился на меня. Проснулась остальная детвора, тоже не понимая, что происходит. А я сидела на корточках, прижимая ребенка и плакала.

– Нет, нет, он этого не заслужил...

Зашла кельная⁵, жена дяди, во дворе которого мы жили.

– Эй, чё такое? Зачем плакать? Малыш хорошо.

С сильным акцентом сказав, она взяла у меня из рук ребенка и посмотрев на него сказала:

– Малыш кушать, понимать, он здоров, зачем плакать?

Она вернула мне ребенка и меня немного отпустило.

Она многодетная мамаша, знает толк в детях. Правда она рожала двенадцать раз, но выжило только шестеро девочек. Среди них был только один пацан, и тот во время родов умер.

Я ей показала, что грудь пуста, она кивнула головой и вышла. Вскоре вернулась с какой-то

⁵ Кельная – по-узбекски Тётя.

смесью и научила меня как её приготовить для малыша.

Рустамчик с удовольствием съел то, что я предложила, и довольный уснул. Но тем не менее тревога не покидала меня. Решив ещё раз поговорить с мужем, я собрала хворост и приготовила плов на огне. Он был бедненький, без мяса, но вкусный.

Глава двадцать третья

Двор, в котором мы жили, был большой, больше чем у его родителей. И не смотря на то, что мы жили в сарае, я себя чувствовала свободной. Никто надо мной не стоял, не контролировал мои действия.

Если раньше, в доме свекрови, она мне прохода не давала, и я должна была бегать перед ней и выполнять её поручения, то здесь я полностью время посвятила детям. Дядя тоже любил выпивать и для него племянник стал находкой. Я поражаюсь, как спокойно к этому относилась тётя, его жена. Она им подливала и всячески обслуживала. Шестеро дочек визжа прыгали по папе, и он ласково их ругал, чтобы не мешали.

С ними жила ещё бабушка Тамара. Родом она была с Украины, но во время войны, будучи ребёнком, она попала в Киргизию, и вышла замуж за узбека. Жумабая воспитывала она, и он для неё был самый любимый внук. Именно поэтому её веское слово решило судьбу, куда нам ехать жить.

Так как у них семья большая и плюс мы нарисовались, хлебные запасы и холодильник закрывались на замок. Вместе мы собирались только вечером во время трапезы и каждому выделялся небольшой треугольник лепешки. Она была очень вкусная, но её было настолько мало, что дети плакали и требовали ещё. Но бабушка была

непреклонна. Так полуголодные они засыпали под колыбельную песенку, которую я пела им каждую ночь. Единственное время когда мы все наедались вдоволь, когда была у кого-то свадьба. Там было принято готовить на огне плов, и раздавать соседям.

В казан помещалось 20 килограммов риса и половина барашка. Все соседи приходили помогать в готовке, и когда было готово, раздавали огромными тазиками. Тогда мы все, счастливые лопали до отвала.

Во дворе у них стоял кран-водокачка. Нужно было приложить массу усилий, чтобы оттуда пошла вода. Вода была холоднющая, руки и лицо обдавало таким холодом, что возвращаясь в дом мы друг другом согревались, засовывая руки под кофту ближнему. И от этой игры мы все визжали и убегали друг от друга.

Затем позавтракав слегка, чтобы не умереть с голоду старшие Роза и Рано пошли в школу, а я с мальчиками оставалась по хозяйству. Зира слонялась по двору, не зная чем себя занять, а я с удовольствием искала хворост, топила печь, и пыталась создать хоть какой-то уют. Жумабой приносил маломальские продукты и я пыталась приготовить что-то особенное

И вот, встретив детей со школы, приготовив плов и покормив их, я с нетерпением ждала возвращения мужа. Тревога не покидала меня, не смотря на то, что Рустамчик чувствовал себя относительно неплохо. Жумабой пришел довольный

с продуктами и увидев плов, счастливый сел за дастархан. Я насыпала ему плов и подсела рядом.

– Послушай, Жумабой, – я с замиранием сердца подбирала слова, чтобы избежать скандала – наша жизнь, она какая-то неправильная. Возможно моя вина здесь есть, я не дала тебе то, в чём ты нуждался. И я сожалею об этом. Но сейчас у нас есть сын, дарованный небом, и я хочу сохранить его. Ты меня понимаешь?

Он посмотрел на меня как Ленин на буржуазию. Ему явно этот разговор не нравился.

– Чё ты хочешь от меня, женщина? С сыном же все в порядке? А развод ты от меня всё равно не получишь. Или останешься одна, так что, не зли меня.

Не доев плов, он встал и вышел. Разговора не получилось. Я расстроено посмотрела на сына, авось да всё обойдется.

Не обошлось...

Не прошло и недели после моей попытки поговорить с мужем, как у Рустамчика поднялась высокая температура, и он начал резко терять в весе. Врачи отправили его в реанимацию, не понимая что с ним происходит.

Детская реанимация отличалась от других тем, что родители могли быть с детьми. Только на ночь забирали малышей под капельницы, чтобы родители нормально отдохнули и набрались сил на новый день. Так и мне выделили палату, и лечили малыша при мне. Я видела как он худеет не по дням, а по минутам, видела растерянность врачей.

Анализы в норме, а ребенку всё хуже и хуже. Вёл он себя прекрасно, не плакал, кушал хорошо, но в весе не набирал. Но вот лекарство вроде помогло, и врачи радостно сообщили, что всё обошлось. Кризис миновал и ребёнок идёт на поправку.

Я радостно вздохнула и впервые, наверное за две недели, смогла спокойно уснуть. Но спала я не долго, услышав своё имя я открыла глаза, пытаюсь понять откуда кричат. Выглянув в окно я увидела Жумабая, который стоял, шатаясь, держась за дерево, и пьяно выкрикивал:

– Жена, я требую, чтобы ты пришла, немедленно, иначе я всю больницу разнесу! Я пулей выскочила к нему.

– Ты что, ненормальный? Иди проспись. Не позорься перед людьми.

Я повернулась, чтобы уйти, но он схватил меня за запястье и чуть руку не выдернул.

– Ты моя жена, идем выполнять супружеский долг, ты должна мне очень много.

Он ухмыльнулся и потащил меня в кусты. Что было сил я выдернула руку и крикнула:

– Ты человек или животное бесчувственное!? Здесь борются за жизнь твоего сына! И я не проститутка, а его мать! Остановись, пока не поздно! Иди домой, прошу тебя.

Я с гневом смотрела на него, и понимала, что меня он не услышал.

– Если ты не пойдёшь со мной, я найду с кем пойти. Слышишь меня.

Он развернулся и пьяной походкой пошел в сторону больницы. В больнице работала медсестра мать-одиночка. И чтобы выжить, как она говорила, ей приходилось торговать телом. Жумабой вызвал её на улицу, договорился о цене и они пошли.

Я смотрела вслед уходящей пары, и почувствовав боль в сердце, села на корточки и заплакала. И тут я отчетливо услышала голос:

– Иди, попрощайся с сыном, через полчаса он умрет.

Я вскочила и побежала в больницу. Нисколько не сомневаясь, что именно так и произойдет. Войдя в реанимационное отделение я застала врачей за разными занятиями. Кто-то телевизор смотрит, кто-то газету читает, кто-то подрёмывает. Было два часа ночи, и все были спокойны. Туда родителям запрещалось заходить, и увидев меня они начали ругаться.

– Прошу вас, дайте мне повидаться с сыном. Это очень важно!

Я заламывала руки и молила прислушаться ко мне.

– Мамаша, завтра целый день будешь с ним. Идите спать, набирайтесь сил.

Меня силком начали выталкивать от туда.

– Мой сын умирает, мне нужно с ним попрощаться. У нас с ним мало времени, прошу вас!

Я перешла на дикий вопль, требуя, чтобы ко мне прислушались. Уже из палат люди повыскакивали, недоумевая, что происходит. Тут вышел главврач и кивнул головой.

– Ладно, оденьте её во всё необходимое и пусть зайдет. А то всю больницу на уши поставит. Мне дали белый халат, на ноги белые чулки, и пока меня готовили чтобы пройти внутрь, я машинально смотрела на часы.

Прошло двадцать минут, надо торопиться. Все происходило как в тумане, меня провели до кровати где лежал сын, я перед ним встала на колени:

– Прости Рустамчик, что не сохранила тебя. Что тебя у меня забирают. Я люблю тебя и никогда не забуду.

Я взяла руку ребенка и поцеловала. Он посмотрел на меня, застонал, и взгляд остановился неподвижно на мне. Тут врачи забежали, отвели меня в палату, и пытались реанимировать ребенка, но я знала точно, что это конец, и не только жизни малыша, но и нашим отношениям с мужем.

Этого я никогда ему не прощу и если не удастся от него уйти, уйду из жизни. Но больше терпеть его я не намерена. Наутро муж пришёл навеселе и принес лекарство для малыша. Я зло на него посмотрела:

– Нас выписывают, уже лекарства не нужны.

– О, здорово, уже всё хорошо? – спросил Жумабой и пошёл к врачу.

– Это правда, что нас выписывают, я могу забрать сына? – Он весело смотрел на врача, ожидая ответа.

– Да, вас выписываем, – хмуро ответил врач, – ваш сын умер сегодня ночью, но вашей жене мы

ничего не говорили. Как она знала, что ваш сын умрёт, не понятно. Я подготовлю соответствующие бумаги.

Жумабой так и замер. Он не ожидал такого поворота событий. Муж вызвал такси, я села на заднее сиденье, мне принесли ребенка и дали на руки. Я смотрела на Рустамчика и не могла поверить, что его уже нет. Он как будто бы спал. Глазки так и не смогли ему закрыть, и глядя в его потухший взор я понимала, что что-то надломилось во мне.

Глава двадцать четвертая

Дома меня ждали дочери, но меня это не подбадривало. Я не хотела жить, у меня умерла душа и умерла всякая надежда на счастливое будущее. Мысли о самоубийстве не покидали меня, я искала безболезненный способ уйти из жизни. Но видимо это чувствовала дядина жена. И она старалась не оставлять меня наедине.

– Послушай, зачем плакать, я шестерых похоронила. Э, Бог дал, Бог взял. Нельзя так убиваться.

Она пыталась меня утешить и подбодрить. А я сидела уставившись в одну точку и никого не слушала. В моих мыслях проносились способы уйти из жизни.

Нашла прочную веревку, решила повеситься, но плохо замотав конец, я больно шлепнулась на пол. Попытка не удалась. Я вышла на улицу, дошла до дороги, решив, кто быстро будет ехать, брошусь под машину. То, что может пострадать водитель меня не волновало. И вот издали я увидела БМВ, которая неслась на огромной скорости. Выждав момент я бросилась под машину. Но реакция водителя спасла мне жизнь. Он резко вывернул руль, объехал меня и врезался в столб. Если бы не крутая тачка, то водитель мог погибнуть.

Пока водитель приходил в себя, я быстро прибежала домой и переоделась. Я была в зеленом

комбинезоне и догадывалась, что меня будут искать. Комбинезон я выкинула, и меня не нашли. Снова попытка провалилась.

Розочка чувствовала, что с мамой что-то происходит. Я была безучастна к детям, меня не интересовали их успехи в школе, в основном готовила еду Зира, а я как зомби сидела, не проявляя ни к чему интереса. Время от времени дочка ко мне подходила и нежно обнимала.

– Мамулечка, я так тебя люблю, ты нам очень нужна, вернись к нам, – она обнимала и целовала меня, а я безучастно сидела, никак не реагируя на неё.

Меня как будто перемкнуло. Так сильно хотелось прижать её к себе, им было тоже страшно, и они во мне искали утешения, но мне нечего было им дать. Я продолжала искать способы уйти из этой жизни, и нашла крысиный яд. Вот верное средство, теперь уж наверняка всё получится. Отправив девочек в школу, я с ними мысленно попрощалась.

Ни капли сожаления не было, я так жить больше не хочу. Но Розочка была не спокойна, предчувствие беды не покидало её. И в школе она ёрзала на стуле и нервничала. В это время я готовила себе яд. И тут дочка как начала плакать и просить учителей отпустить её домой.

Она очень хорошо училась и была на хорошем счету, и учителя растрогавшись её слезами отпустили, недоумевая, что произошло. И Роза бросилась бежать, она не стала ждать автобуса, зная укороченный маршрут, она неслась на всех

парусах. Влетев домой, она увидела, как я подношу ко рту чашу.

– Мама, не пей всё, оставь мне немного. Я так пить хочу! – она подбежала и обняла меня.

У меня на глазах навернулись слезы. С тех пор как похоронили Рустамчика, я не проронила и слезинки. А сейчас меня как прорвало. Мы сели на пол и обнявшись дали волю слезам.

– Почему ты не в школе? Зачем бежала домой? – Дочь обнимала меня и дрожала.

– Мамуль, ты нам нужна, что с нами будет без тебя? Обещай что не оставишь нас, не покинешь. – Она плакала, прижимаясь ко мне, и я поняла, что я вернулась. Надо жить, хотя бы ради них.

Глава двадцать пятая

Несмотря на то, что я решила взять себя в руки, хотя бы ради девочек, мне трудно было жить с мужем, видеть его каждый день, перед моими глазами проносилась та злосчастная ночь, когда всё это произошло. Я винила его в смерти сына и понимала, что никогда не смогу его простить. Он пытался как-то наладить отношения, но я его встречала ненавидящим взглядом и яростью. И он тут же ретировался, боясь меня в таком состоянии. Я поняла, что настало хорошее время уйти от него.

Документы мои пропали, когда мы бежали из нашей квартиры. Денег собственных у меня не было. Жумабой не разрешал выходить на работу, боясь, что я заработаю и уйду от него. Но сейчас, назло всем обстоятельствам, я решила искать работу. И пошла по городу Узген, заходя в разные ресторанчики, забегаловки, ища и моля о работе. Но от того, что у меня не было документов мне отказывали в предоставлении рабочего места. И так не солоно хлебавши, я ни с чем возвращалась домой, но на следующий день с утра я снова вставала и искала работу.

И вот однажды я увидела маленький красивый ресторанчик на окраине города. Не имея никакой надежды, я решила заглянуть туда. Там очень вкусно пахло разными блюдами, не было ни

одного пустого топчана⁶. Посетители либо возлежат, либо сидят по-турецки и трапезничают. И не спеша ведут беседы.

От избытка блюд у меня потекли слюнки, и под ребрами защемило. Там в основном сидели аксакалы высоких рангов, а обслуживали их женщины.

Поняв, что я здесь лишняя, я хотела незаметно улизнуть, но неожиданно передо мной появился мужчина, солидного роста, с бородой и очень добрыми глазами. Он был одет в шикарный национальный узбекский костюм и чувствовалось, что он здесь не последний по статусу.

– Девушка, девушка, зачем уходишь, садись, покушать – он подвёл меня к маленькому столику и посадил. Я его не боялась, чувствуя, что он не причинит мне вреда.

– Ты что будешь кушать, плов, манты, шурпа, лагман, шашлык может хочешь? – он с улыбкой посмотрел на меня, и я расплакалась. Здесь в Киргизии я не ожидала теплого приёма от мужчин. Так как на женщину смотрят как на вещь, которую можно использовать.

– Простите, но у меня нет денег заплатить за еду. Я ищу работу и жильё. У меня две маленькие дочки, и я хочу уйти от мужа. – Я это выпалила на одном дыхании, сквозь прорывающиеся рыдания, ни на что не надеясь.

⁶ Дощатый настил, на который стелют ковры и дастархан.

Он на меня с сочувствием посмотрел и похлопал по руке.

– Давай сначала ты покушай, а после поговорим.

Он подошёл к одной женщине и показав в мою сторону, что-то ей сказал. Она кивнула головой и скрылась за дверь. Затем он подсел к старейшинам аксакалам, и они начали что-то обсуждать. Время от времени кто-то из них поворачивался в мою сторону и пристально меня разглядывал. Под этим взглядом я себя чувствовала как на сковородке. Я понимала, что решается моя судьба, и не могла остановить слёзы.

Тут мне принесли пиалу шурпы – это суп, где целиком плавают картошка, морковка и кусок баранины. Запах от него был такой аппетитный, что закружилась голова, и я по настоящему ощутила нечеловеческий голод. После смерти сына у меня полностью пропал аппетит.

Я очень сильно похудела, была как дистрофик, когда в зеркало смотрела, там ужасы показывали. И если я что-то ела, то просто без всякого удовольствия. А сейчас я вдруг поняла, как долго я голодала. Я с жадностью набросилась на суп и наверно не прожёвывая проглотила всё целиком. Затем эта женщина принесла манты⁷ и села рядом.

– Дорогуша, их у тебя никто не заберёт. Посиди немного, отдохни, а затем покушай манты, не торопясь. Чтобы не пришлось тебя откачивать.

⁷ Манты – разновидность азиатских пельменей.

Она похлопала меня по спине и вышла. Мне стало стыдно за своё поведение, и я затихла, глядя на тарелку перед собой и наслаждаясь видом. Когда я закончила есть, ко мне подсел тот мужчина и представился:

– Меня зовут Ибрагим. Я хозяин этого ресторана. Тебе понравилось как мои люди готовят? – Я улыбнулась и кивнула. – Итак, я приглашаю тебя работать у меня посудомойщицей. Также я могу тебе предоставить жильё. У меня во дворе есть маленький домик со всеми удобствами. Я женат, у меня четверо детей, и я не буду претендовать на тебя. Я беру тебя под свою защиту.

Когда он закончил говорить, я с восторгом смотрела на него, не веря своему счастью.

– Я согласна, спасибо большое. – проговорила я и снова заплакала. Мир не без добрых людей, даже в мусульманской стране.

Вернувшись домой я собрала вещи, одела дочек. У Равшанчика была родная мама, поэтому, несмотря на то, что я его любила как родного, взять я его не могла. Жумабая как всегда не было дома и это был удобный момент, чтобы улизнуть без лишнего скандала.

Глава двадцать шестая

Дорога до этого ресторанчика была долгой, но радостной. Я впервые переступив через свой страх, набравшись храбрости ушла из дома, забрав детей. Он не раз говорил, хочешь уходи, но Розу я тебе не отдам. Рано, как инвалид не была ему нужна, но за старшую он готов был в горло вцепиться. Дочка, слыша этот разговор, прижимаясь ко мне, шептала:

– Мамуля, не отдавай меня ему.

А я, прижимая её крепко к своему сердцу, шептала со слезами на глазах:

– Не отдам, милая, не бойся. И вот мы, смелые шли навстречу новым переживаниям. Возле ресторанчика, нас встретил Ибрагим и повел к себе домой. Открыв ворота, я приятно поразилась чистоте, не броско и уютно. Вышла его жена, милая узбечка с приятной улыбкой. Нас пригласили в дом и напоили чаем. Затем показали домик, где мы могли устроиться. Домик тоже был аккуратным и теплым. Как нам объяснили этот домик для сына, когда он вырастет и захочет жить один. А ему было двенадцать лет и об этом думать ещё рано.

Хозяйка обещала приглядывать за детишками, когда я буду работать. Мы с детками сели на тушак⁸ и обнялись. Ура! Свобода! Мы это сделали!

⁸ Тушак – узбекский матрасик.

На следующий день я вышла на работу. Нужно было убирать со стола и мыть посуду. Я так была благодарна хозяину за его милость по отношению ко мне, что не просто работала, а летала с места на место, очень быстро справлялась со своими обязанностями, выражая тем самым ему благодарность. Дети на тот период в школу не ходили, боясь, что папа, зная, где они учатся, похитит их. И мы были счастливы, хозяйка хорошо к ним относилась, кормила их без всяких запретов, и я приносила домой еду и иногда честно заработанные чаевые. Пыталась их отдать хозяину, но он морщился и не брал.

– Ты их заработала, они твои. – Говорил он похлопывая по руке.

И я решила копить деньги, чтобы связаться с Москвой и поговорить с братом. Совершенно случайно, собирая вещи я нашла блокнот, где был записан его номер телефона. И впервые я загорелась в надежде вырваться отсюда на свободу. Так прошёл месяц, я работала, а дети дома занимались с хозяйкой, как вдруг неожиданно к нам в ресторан завалился Жумабой, едва держась на ногах, с криком «Убью!» бросился на меня. Я успела отскочить в сторону, и тут к нему подбежали мужики и завалили на пол.

– Она моя жена, вы не имеете права держать её у себя. У неё есть дом. Она забрала моих детей, да я на вас в суд подам. Она непослушная стерва и должна быть наказана.

Он вне себя изрыгал на меня проклятия и плевался, а мужики его крепко держали, поглядывая по сторонам, ища хозяина. Тут на шум пришёл Ибрагим и уставился на него.

– Отпустите его. Но если он рыпнется, порежьте случайно.

Жумабой немного остыл и спокойно встал с пола. Порезанным ему явно не хотелось быть.

– Я знаю, что она твоя жена, но она сама ко мне пришла, и вернётся к тебе когда сама пожелает. Можешь с ней поговорить, если она захочет, только мирно, без угроз. Ты готов?

Жумабой хмуро кивнул. Ибрагим обратился ко мне:

– А ты хочешь с ним поговорить?

Я замотала головой и убежала в подсобку. Мне было до жути страшно возвращаться к нему, понимая, что горбатого могила исправит. Через пять минут зашёл Ибрагим в подсобку.

– Всё в порядке, иди работать. Он ушёл.

Я вздохнула с облегчением, и кивком поблагодарив вернулась к своим обязанностям. Следующие пару недель прошли спокойно. Я понемногу успокоилась, и перестала вздрагивать по любому поводу.

Но однажды заработавшись допоздна, уже было очень темно и не везде были включены фонари, я пошла домой. Идти было сравнительно недалеко, но темными переулками и местами безлюдными. Я не раз проходила и всё было нормально, но сейчас интуитивно я почувствовала

угрозу и была права. Заметив мужика с капюшоном, который явно меня преследовал, и куда бы я не завернула, оглядываясь видела, как он движется за мной.

Мне стало очень страшно, я ускорила шаг, и слышала как его прерывистое дыхание было уже близко, и по тени бледной от слабого фонаря увидела в его руке нож. Но как только он приближался, как появлялись ниоткуда люди, и он слегка отступал. А затем снова приближался, я уже увидела наш дворик, и крикнув спасите рванулась, что есть сил и вбежав закрыла калитку на все замки. Меня трясло, я забежала домой, дети уже спали. Я прижалась к стене и не могла унять дрожь. Вроде недавно сама хотела умереть, но нет, жизнь боролась за меня.

На следующий день, на работе, тревога не покидала меня. И не напрасно. В окно я увидела как подъехал хозяин, и в его машине сидят мои девочки. Ибрагим подозвал меня и приказал сесть в машину.

У меня в глазах потемнело. Что случилось? Куда мы едем? Дети испуганно тоже сидели сзади и даже не игрались. Нас подвезли к старинному особняку и Ибрагим объяснил:

– Твой муж нанял человека, убить тебя. Но этот наёмник ходит подо мной. Вчера он не успел тебя убить. Он увидел, что ты зашла в мой двор, значит ты под моей защитой. Но твоего мужа это может не остановить. Мне такие проблемы не нужны. Сейчас будет суд. Все старейшины города собрались решить твою судьбу. И если они решат

тебе вернуться к мужу, значит так тому и быть. Если же нет, вернешься ко мне. Не бойся.

Ибрагим вышел из машины и помог выйти мне и детям. У меня дрожали коленки и пересохло в горле. Дети держась за мои ноги шли как на казнь. Даже Рано понимала всё, что происходит и вела себя тихо. Мы зашли внутрь. Комната была просторная и светлая. Вкруговую на матрасах сидели старейшины, главные посередке, а по бокам помощники, и отличались они также одеждой. Цветные богатые чапаны, халаты и тюбетейки говорили о статусе их хозяев. Их длинные бороды и строгий исподлобья взгляд наводил трепет и страх. Мы зашли и увидели, что напротив них уже стоял Жумабой.

Я хотела развернуться и убежать туда куда глаза глядят. Но понимала, что мне надо через это пройти. Сначала слово дали мне. Я вышла на середину, заикаясь и плача начала своё повествование о моей судьбе. Я понимала, что к женщине там предвзятое отношение, и меня могут не услышать, но тем не менее я говорила и говорила.

Когда я закончила, меня взглядом попросили отойти в сторону и вызвали Жумабая. На многое он говорил, что это женские капризы, вымысел, мол типа она преувеличивает, и во многом каялся и говорил, что так больше делать не будет, и просил дать ему ещё один шанс. Глядя на старейшин я видела, что они на его стороне, слишком красиво говорил.

Когда он закончил и подошел ко мне, там началось бурное обсуждение. Мы не разговаривали друг с другом, и даже дети к нему не подбежали, хотя не видели долгое время. После того, как старейшины посовещались самый главный неожиданно позвал Розочку и посадил к себе на коленки.

– Вот посмотри на них, – он рукой показал на нас, – это твои папа и мама. И мы решили, что ты достаточно взрослая, чтобы решить этот вопрос. Тебе сколько лет?

– Девять исполнилось, – Роза смотрела в пол, боясь поднять на нас глаза. Голос предательски дрожал. Я видела, как она боится, достаточно папе строго на неё посмотреть, как она от страха могла описаться. Всё внутри переворачивалось и опускалось. Я чувствовала всеми фибрами души её страх, но ничем помочь не могла. Это была её война.

– Так вот, милая, как ты решишь, так и будет. Если ты хочешь, чтобы мама вернулась к папе, она послушается и вернется. Что ты скажешь?

Я затаила дыхание, это всего лишь ребенок, и такая ответственность. Жумабой на неё стрелял глазами, давая понять, если чё, то пожалеешь. Все старейшины терпеливо ждали ответ ребенка. Казалось прошла целая вечность, как вдруг она подскочила, подбежала ко мне и обняв, со слезами на глазах начала кричать:

– Прошу вас, разрешите маме уйти от него! Он плохой, мы с ним страдаем! Мы его ужасно боимся! Он не любит нас, а только мучает!

Выпалив это, Роза закрыла глаза, ожидая возмездия. Она была уверена, что если не скажет, то что хочет услышать папа, то он её убьет, но решила пожертвовать своей жизнью ради меня. Я её обнимала и благодарила за то, что она заступилась за меня. Мы сидели на корточках и плакали обнявшись. Тут самый главный встал и подошел к Жумабою. Взяв его за шиворот сказал:

– Значит, слушай меня. Моли Аллаха, чтобы она случайно ногу не подвернула. Я тебя на всю жизнь посажу в тюрьму и сгною тебя там. Ты меня понял?

Я улыбнулась старейшинам и поблагодарила за всё. А Жумабой расстроенный и униженный вернулся к себе. Я оценила героический поступок моей дочери. Она готова была пожертвовать своей жизнью ради меня. И мы обнявшись, вернулись в наш домик, и я снова приступила к работе. Чувство свободы нахлынуло на меня. Можно смело ходить, не оглядываясь с испугом, можно детей в школу вернуть, он не посмеет причинить им вред. Они под защитой старейшин. Я была довольна, и теперь моя цель накопить деньги, переговорить с моим братом, и постараться выехать отсюда.

Глава двадцать седьмая

Так прошло пару месяцев. Я смогла купить маломальскую обувь теплую детям, потому что они в галошах на босу ногу ходили в школу. Что-то я вносила как оплату за квартиру, и оставалось немного. Но шаг за шагом я шла к своей цели.

И тут решив, что у меня достаточно накопилось, я дождалась ночи и взяв с собой Розочку пошла на почту. Разница во времени была такая, что у нас ночь, а там ближе к вечеру. Зная, что брат работает и по идее вечером должен быть дома, взяв для храбрости дочку, мы пошли. Дозвонились мы сразу и трубку взяла его жена.

– Ой, Аллочка, это ты! Как ты, где ты? – пропела она мелодичным голосом.

– У меня всё пучком, позови к телефону брата, пожалуйста, – я очень торопилась, догадываясь, что связь дорогая.

– А его нет дома, – пропела его жена, – может что передать? – Она явно хотела поговорить со мной, но я торопилась.

– Передай, что я перезвоню, когда он будет дома, – я положила трубку и подошла к кассе. Мне назвали сумму, и я опешила. Едва хватило моих денег, чтобы оплатить счёт. Я села на скамейку, и в отчаянии заплакала. Розочка подошла и обняла меня, вытирая мои слёзы.

– Я так и не поговорю с моим братом. Нет денег. Нет надежды. Мы встали и пошли к выходу. И тут нас окликнули.

Две девушки о чём-то бурно спорили, и когда мы подошли, они затихли и одна заговорила:

– Мы слышали вашу историю. И знаем в какое положение вы попали. Дайте нам телефон, кому вы хотите позвонить, мы по своим каналам ему позвоним, и научим как позвонить нам. Он позвонит и вы сможете разговаривать сколько захотите.

Я посмотрела на них с благодарностью, комок стоял в горле, и слезы градом катились из глаз. Я молча кивнула и села в ожидании на скамейку. Дочка легла на скамеечку, положив голову мне на колени. Была глубокая ночь, и ей очень хотелось спать. Девушка, что со мной разговаривала принесла плед и укрыла ребенка. Так мы прождали около часа и наконец, нас позвали к телефону. Взяв трубку, на другом конце провода я услышала знакомый голос брата.

– Привет, сестра, как дела, ты где? – от переизбытка чувств я несколько минут плакала, и не могла связно разговаривать. Но Леон терпеливо ждал, пока я успокоюсь. Наконец я взяла себя в руки и рассказала вкратце мою историю, попросив финансовой помощи, чтобы отсюда уехать. Когда я закончила говорить наступила долгая пауза. На том конце провода молчали, и я решила, что нас разъединили, как вдруг услышала тяжелый вздох и брат заговорил:

– Да, Алла, ты влипла в историю, но я к сожалению ничем помочь тебе не могу. У меня больная жена, стопроцентный инвалид. И всё, что я зарабатываю, уходит на её лечение. Все свои сбережения я когда-то тебе дал, чтобы ты купила квартиру. Но вы её профукали, теперь выкручивайся сама, я не могу тебе помочь. Соболезную тебе о потере сына, и обо всём остальном, но такова твоя судьба, ты сама выбрала мужа, и тебе надо к нему вернуться.

Ничего на это не ответив, я молча положила трубку и опустила на короточки. Последняя надежда рухнула в небытие. Розочка подошла ко мне и крепко обняла:

– Мамуль, всё будет хорошо, не отчаивайся. Ты у меня сильная.

Я крепко прижала её к себе, мы встали и пошли. У входа я остановилась и окликнула девушек, которые помогли мне.

– Спасибо вам большое, что не прошли мимо моего горя и помогли мне. Хоть этот разговор ничего и не дал, но ваше доброе отношение ко мне я никогда не забуду.

Мы вышли на улицу, взяли друг друга за руки и пошли. Улочки мало освещались, везде был полумрак, и одна я бы наверняка заблудилась, так как не ориентируюсь в темноте. Но Роза уверенно меня вела сквозь переулки и дворы. Вдруг неожиданно перед нами появился мужчина, сильно подвыпивший и начал ко мне приставать. Я как могла отталкивала его но силы были неравны. Его

не смущало, что рядом был ребёнок, и был настроен добиться своего. И вдруг неожиданно Розочка крикнула:

– Папа, папа мы здесь! Иди к нам!

Алкаш испугался, начал оглядываться и убежал. Я тоже оглянулась, но никого не нашла.

– Где папа? – спросила я, но дочь ничего не сказав взяла меня за руку, и мы ускорили шаг. Когда мы переступили порог нашего домика, я обняла ребенка, понимая, что она просто нашла гениальный способ мне помочь.

– Ты моё чудо, моё спасение, – шептала я, целуя её щечки. – За что мне такая награда...

На следующий день я вышла на работу, но постоянно прокручивала разговор с братом. Он был моей последней надеждой, значит единственный выход вернуться к мужу. Отсюда я не смогу уехать, нужно много денег, по закону он имеет право забрать старшую дочь, и так как она несовершеннолетняя, её слушать никто не будет. А я ни за что не хочу оставить ребенка ему, значит придётся смириться со своей судьбой. К тому же я очень соскучилась за Равшанчиком, и Ранюшка постоянно плачет и рвётся к братишке.

Но как к мужу вернуться? Это всё равно, что в логово к медведю пойти. Очень страшно. Так прошла неделя в раздумьях. Как вдруг неожиданно на работе Жумабой сам пришел, сел и заказал суп.

Когда он поел, позвал меня, чтобы я убрала. Я со страхом подошла к его столику и дрожащими руками начала убирать. Не зная, что от него

ожидать, и испытывая дикий ужас, у меня потемнело в голове, и я почувствовала, что теряю сознание. Поднос с тарелками накренился и Жумабой быстро подхватив его поставил на стол, а меня аккуратно посадил на стул. Его руки нежно меня обнимали, а он шептал слова любви. Обессиленная, ослабленная борьбой за существование, я уже даже не сопротивлялась. Положив голову ему на плечо, я просто слушала его, закрыв глаза. Мне так хотелось простого женского счастья, хотелось верить в те слова, что он шептал, надеясь на то, что он оценил мой уход и осознал потерю.

Когда я смогла встать, я поблагодарила Ибрагима, который приютил меня, и мы вернулись к Жумабою. На пороге нас встретил Равшанчик, неуклюже подбегая и прыгая на ручки. Ему на тот момент было около четырех лет, и не смотря на свой маленький возраст, он скучал за мной и постоянно плакал. Его родная мать не могла его успокоить. Он каждый день садился на пороге дома и плакал, и никто не мог его утешить.

И сейчас, держа малыша на руках, я чувствовала как учащенно бьётся его сердце. Он так крепко меня обнимал, что чуть не задушил.

– Прости малыш, что бросила тебя. Я так больше не буду.

Крепко обнимая и целуя его, пришло осознание что это мой сын. Хоть и не рожала его, он мой. Зира, его мама, смотрела на нас снисходительно. Она никогда не ревновала меня к

сыну, больше ревновала к мужу, но меня это не волновало.

Я дома, и может всё обойдется.

Больше всего обрадовалась Рано, что мы вернулись. Взяв у меня с рук братишку, она закружилась с ним, выкрикивая слова восторга. Эти слова были не понятны нам, но это было и не важно. Её сияющее лицо само за себя говорило. Затем они выскочили во двор и побежали в песочек.

Розочка подошла ко мне и тихо спросила:

– Мама, ты уверена, что правильно поступаешь? Мы точно остаёмся жить с папой?

Невооруженным глазом было видно, что ей страшно. Она пыталась унять дрожь, но у неё это плохо получалось. Помня о том, как она себя вела на судилище перед аксакалами, и боясь мести со стороны отца. Я её крепко обняла и кивком головы показала на младших детей.

– Посмотри на них. Они счастливы. Может ради них стоит дать папе ещё шанс. К тому же у нас нет выхода. Денег у меня нет, документов тоже. Надеюсь, что нам мой брат поможет, но и эта идея провалилась. Всю жизнь работать за копейки и бояться ходить по улицам, это не жизнь. Наверное наша судьба перетерпеть и надеяться на лучшее.

В этот момент зашёл Жумабой в комнату, уже слегка подвыпивший и посмотрел на нас и ухмыльнулся:

– Ну, что нагулялись стервы. Сколько раз ты ложилась под Ибрагима, что он так рьяно тебя защищал?

С этими словами он пнул меня в живот, и от неожиданности перехватило дыхание, и я согнулась пополам. Роза подбежала к папе и обняла его:

– Пожалуйста не бей маму, я все сделаю, как ты скажешь, только не бей её.

Он остановился и посмотрел на дочь.

– Иди во двор, мне с твоей мамой надо поговорить. Бить её я не буду. А ты пригляди за младшими. – вытолкал её за дверь и закрыл на замок. Его лицо выражало хищника, который нашел свою добычу.

– Итак, моя дорогая, ты за своим мужем не соскучилась, или Ибрагим достаточно тебя удовлетворял? Он начал раздеваться, а я на него смотрела с отвращением.

– У меня с Ибрагимом ничего не было, он порядочный человек, не суди по себе.

Размахнувшись, он врезал мне пощечину, и начал рвать на мне одежду.

– Ты опозорила меня, мы отсюда уедем, и если ещё раз ты уйдешь от меня, ты об этом глубоко пожалеешь.

У меня не было сил сопротивляться. Возможно я как жена мусульманина это заслужила. Надругавшись вдоволь, он сел и закурил. Потом уже поспокойнее заговорил:

– Собирай вещи, мы выезжаем через неделю. Мой хороший знакомый сдает домик в городе Ош. Здесь мне стыдно по улицам ходить, да и работы никто не предлагает. Он встал, оделся и посмотрел на меня со злобой.

– Одевайся и приведи себя в порядок. А Розе ни слова, понятно. Взрослая стала, всё понимает.

Он развернулся и вышел, а я быстро встала и пошла в так называемый душ, смыть с себя всю эту нечисть, Это была закрытая шторкой комнатка, где стоял стул, на нем тазик, и рядом бочонок с водой, и стоял кувшинчик, которым набирают воду. Вот и весь душ.

Глава двадцать восьмая

Ладно, подумала я, мы переезжаем, может это к лучшему. Если я буду паинькой, то может в нём проснется что-то человеческое. И мы наконец заживем по-человечески. Я была рада, что на Розу он руки не поднял, но как-то странно на неё смотрел. Может померещилось, решила я и одевшись вышла во двор.

– Ну что, малышня, собираем вещи к переезду.

Дети счастливые побежали домой, а я решив в очередной раз сохранить семью, хотя бы ради детей, пошла смиренно выполнять указание своего господина. И через неделю мы выехали в город Ош. Нас встретил полноватый мужчина лет сорока. И повёл показывать наши апартаменты. Это был красивый домик, в нём были три милые комнаты обставленные по Киргизским традициям. На полу лежали дорожки, сложенные матрасики для сна, встроенная печка, ни шкафов, ни тумбочек не было. Но зато были в стене углубления, где можно было разложить свои вещи. Что мы и сделали.

Соседа звали Юсуф, у него была жена и трое деток. Двор был общий. И наши дети сразу его облюбовали и вместе с его детьми играли в догонялки. Только Равшанчика в эту игру не брали, хоть он и стремился. Слишком мал и неуклюж. Но Рано всегда его защищала, и запрещала кому либо над ним смеяться. Мы с Зирой распаковались, выбрали мирно комнаты и ждали, когда придёт наш

муж с продуктами. Он, как всегда, пришел навеселе, но принес всё необходимое. Жумабой старался держать себя в руках, чтобы не ударить грязь лицом перед соседями. Часто на ужин они приглашали нас к себе и мы совместно трапезничали и общались. Мне симпатизировала жена соседа Гульнара, и мы могли долго вести какие-то беседы. Зире было не интересно, и она уходила к себе иногда забрав Равшанчика, если это было поздно. Но он тянул руки ко мне и плакал, не желая со мной расставаться. Целуя его и нежно обнимая, я обещала прийти спеть песенку перед сном, и он смиряясь уходил со своей родной мамой. Так пролетали недели, всё было спокойно. Муж, даже когда был пьяный, старался не распускать руки, и мы немного пришли в себя, перестав его бояться.

Но, как говорится, покой нам только снится.

Однажды мы все вместе сидели у соседней и пили зеленый чай. Розочка ухаживала за нами, разливая его по пиалкам. Юсуф посмотрел с нежностью на мою дочь и спросил:

– Любишь ли ты свою бабушку Тамару. Она тоже русская.

Бабушка Тамара, это мамина мама Жумабой. В основном он у неё рос и воспитывался, и боготворил. Но не смотря на это, она грубо обращалась к моим детям, всегда называя их грязными обезьянами. И Роза не задумываясь ответила:

– Она не хорошая, за что её любить? Услышав этот ответ, Жумабой рассвирепел и врезал

при всех ей по пиалке, где находился горячий чай. Она успела отскочить, но кипяток попал на платье и немного на руку. Я тут же подбежала к ней, и давай лить воду, чтобы остудить ожог, крикнув на него:

– Ты, что ненормальный!? А если бы в лицо попало?

– Мне всё равно, убирайтесь вон отсюда.

Мы быстро вышли, ребенок плакал и прижимался ко мне. Ей не так было больно, как страшно. Мы зашли в квартиру, я нашла зубную пасту и помазала ожог на руке.

Тут из комнаты вышла Зира на шум и узнав, что произошло, возмутилась, тигр, что был в клетке вышел на свободу. При этом она показала фотографию, где Жумабой обнимается с любовницей. Увидев это, рассвирепев, я разорвала фотографию в клочья и разбросала по комнате. Влетел Жумабой и желая на ком-то отыграться начал швырять вещи и орать на Розу. Но тут его взгляд упал на пол, и он увидел разорванный снимок.

– Кто посмел его порвать, – обратился он к нам, с залитыми кровью глазами.

– Это сделала я, ублюдок, ты чуть не обжог мою дочь, а я порвала твою фотографию. Мы в расчете.

В какой-то момент мне показалось, что я перестала его бояться. Сколько можно трястись за свою шкуру. Он посмотрел на меня и угрожающе зашипел:

– Или склей её, или я тебя убью. В ответ я засмеялась ему в лицо:

– Ты меня убьешь!? Кишка тонка, ты же трус, и ни на что серьезное ты не способен.

Я не заметила как у него в руках оказалась чугунная шумовка, по бокам она была острая, для того, чтобы размешивать плов, который был приготовлен в большом количестве на огне. И размахнувшись со всей силой он ударил меня по спине и вышел.

– Это все на что ты способен. – крикнула ему вслед, повернувшись спиной к Розе.

Роза закричала, смотря на мою спину.

– Мама, твоя спина, вся в крови. – заплакала дочь и отвернулась. Я сняла майку и сказала ей:

– Наверно царапина вытри.

Но Роза смотрела в ужасе и плакала. Я надела другую майку и пошла во двор стирать эту, так как она была моя любимая футболка. Услышав шум вышла Гульнара и пришла ко мне.

– Ты что так поздно стирать собралась? – спросила она с интересом.

– Да у меня по-женски дела начались, – соврала я, не глядя на неё. Она выхватила из рук майку и увидев с какой стороны кровь, повернула меня к себе спиной и задрала футболку.

– Её истошный крик разнёсся по всему поселку.

– Алла, ты видела свою спину? Она рассечена пополам. Как ты вообще ходишь? Быстро иди ложись, я принесу медикаменты.

Я послушно пошла домой и легла на матрас. Начала кружиться голова, шок отошел и я почувствовала дикую боль на спине. Пришла Гульнара и принесла всё необходимое.

Она работала медсестрой и дома держала аптечку на все случаи жизни. И вот случай представился. Главные жизненно важные органы не были задеты, но рана была глубокой и обширной. Она аккуратно раскрывала рану, обрабатывала её и заклеивала дальше.

Вызвать скорую было нельзя, иначе Жумабая посадили бы в тюрьму, а его родственники нам бы отомстили. Поэтому, без обезболивающих, так как их давали только по рецептам, без антибиотиков, я лежала на грязном матрасе и мечтала умереть.

Изменить судьбу не в моих силах. Помочь детям я тоже не могла, и мысль, что наверняка начнется заражение, и эта инфекция меня убьёт, согревала моё сердце.

Так прошёл месяц. Гульнара каждый день приходила, делала перевязки, чтобы не кричать от боли, я уткнувшись в подушку стонала, пока не теряла сознание. И на мне всё зажило как на собаке. Жумабой испугался своей выходки и приходил домой тише воды, ниже травы. Вежливо интересовался самочувствием и пытался как-то загладить свою вину, покупая что-то вкусное. Но я на это не реагировала. Во мне снова умерла жизнь, и моё существование стало пустым и никчемным.

Глава двадцать девятая

Но и сейчас смерть не захотела со мной иметь дело. И я поправилась, только шрам на спине напоминал о событиях минувших дней. Всё вошло в свое русло, дети ходили в школу, Равшанчик с нами был дома, и я слонялась по двору без дел и тосковала. Я понимала, что мне нужно чем-то заняться, чтобы не сойти с ума, и тут сосед сделал предложение, от которого я загорелась.

Работать на полях, подсолнухи собирать. Это работа была семейная. Взрослые срезали огромные подсолнухи со стеблей, дети их складывали в одну большую кучу, затем приезжал грузовик, закидывали их в машину, и шли к следующей кучке, а дети в восторге цеплялись за дверцу грузовика, и со свистом и гиканьем прокатывались несколько метров.

Это было весело и непринужденно. Глядя со стороны, как люди работая веселятся, немного им завидовала. Мне бы их беззаботность. Дождавшись вечера, когда муж пришел домой, я как можно спокойнее рассказала о своем желании, боясь его очередного взрыва, но на моё удивление, он спокойно меня выслушал и махнул головой.

– Я не против, если тебе хочется под жарким солнцем пахать, то пожалуйста.

Я удивлённо на него посмотрела и улыбнулась. На следующий день я примкнула к

группе местных женщин, они научили как резать стебли, и я с головой ушла в работу. С головой в прямом смысле, тебя не видно на поле из-за высоких стеблей. И только когда выпрямляешься, тебя можно найти. Дети после школы присоединялись к нам, и работа шла веселее и азартнее.

Несмотря на жаркое солнце, колючки, комары и другую живность, душой я отдыхала, мне было хорошо, как никогда. Спина и руки уставали, но сердце ликовало. Розочка подружилась с соседскими ребятами и с удовольствием примкнула к их бригаде.

Грузовик медленно ехал по грядке, и дети кидали в него подсолнухи. Если были большие кучи, то он тормозил. Детская дружба и сплочённость привлекли Розу, и она большую часть своего времени была с ними. И я этому была несказанно рада. Потому что борясь за мою жизнь, и защищая меня, она перестала быть ребенком. Назвать её детство беззаботным было нельзя. слишком быстро повзрослела.

И глядя на неё, как она смеётся, как визжит от восторга и запрыгивает на грузовик со всеми детками, я умиляясь, вытирала незаметно слезы. Так пролетел месяц, меня радовало, что Жумабой меня оставил в покое. Начались летние каникулы, и мы с Розой пропадали на поле, А Зира готовила кушать и смотрела за Раношкой и Равшанчиком.

Вот зачем нужны две жены. Равшан шустрый был малый и за ним глаз да глаз был нужен, и Рано на себя взяла обязанность смотреть за ним, и как ни

странно, он во всем слушался её. Несмотря на прогрессирующую болезнь и взрывы агрессии со стороны Ранюшечки, появление Равшана влияло на неё очень умиротворяюще. И так время шло. Спина очень сильно чесалась, но попробовав почесать, жутко начинала болеть. Несмотря на это, рана была чистая и добрые руки Гульнары сделали своё дело.

Чувствовала я себя хорошо и радовалась новым возможностям. Мы счастливые шли на работу, я даже получила первую зарплату и радовалась как ребенок. Пойдя на базар купила всякой всячины и радостно наблюдала за счастливыми лицами своих детей. Но такое ощущение, что кому-то не нравилось, когда я нахожусь в блаженстве, и он присылал новые проблемы.

Глава тридцатая

Однажды работая на поле, я со своей бригадой ушла далеко вперед, а дети и подростки отстали от нас, ожидая грузовика, который задерживался. Затем мы услышали, как подъехал транспорт и началась весёлая возня. И вдруг мы услышали крик ребенка, и замерли. Моё сердце дрогнуло, предчувствуя беду. Вдруг в мою сторону побежала соседская девочка, и что-то крича, размахивала руками. Подбежав и отдышавшись, она выпалила:

– Ваша дочь под грузовик попала!

Я замерла и присела на корточки, ноги просто отказывались идти. Только не это! Этого не может быть! Только не она!

Я закрыла глаза и легла на землю, меня трясло, пусть это будет сон, разбудите меня. Я в истерике плакала и боялась идти на место трагедии. Ко мне подбежали люди и начали приводить в чувства.

– Алла, Алла, всё хорошо, она не попала под машину. Она жива, её немного дверцей ударило.

Меня подняли и привели к месту, где это произошло. Розочка лежала неподвижно и слегка стонала. Я рядом присела и заплакала.

– Живая, всё будет хорошо. Я гладила её лицо, целовала ручки и умоляла больше так меня не пугать. Потом немного успокоившись, я спросила как это произошло. И мне объяснили. Каждый раз когда грузовик ехал до очередной партии подсолнухов,

половина подростков цеплялись за дверцу или за борт грузовика, а те, кто не успел, шли пешком. И в этот раз так получилось, что никто, не повис на двери, а Роза запрыгнула на борт и повисла на нём. И от того, что на дверях никого не было, во время езды, толстые стебли толкнули дверь, которая с размаху закрывшись, ударила Розу по спине. И Роза, потеряв сознание упала прямо под задние колеса машины. Поэтому подумали, что её сбил грузовик. Я немного начала успокаиваться и приводить дочку в чувства. На спине был огромный синяк.

Роза пришла в себя и села. Слава Богу, нет перелома. Я её обняла и заплакала. Это были слезы облегчения, что всё хорошо, всё позади, но этот стресс не прошёл даром.

Попытавшись встать я почувствовала головокружение, и ноги подкосились. Они явно не хотели меня слушаться. Очень сильно тошнило, и я смотрела на окружающий мир, как будто я в море без акваланга. Всё плыло перед глазами. Роза уже совсем оправилась от удара, и несмотря на ноющую боль в пояснице, начала успокаивать меня, пытаясь поднять меня с земли. Люди потихоньку начали расходиться, и я осталась с Розой наедине. Сделав несколько попыток встать, я снова села на пол. Что происходит? Всё перед глазами плывет, тошнит, ноги как ватные.

– Дочка, давай немного посидим. Я видимо сильно испугалась. Мне нужно отдохнуть.

Она села возле меня, и мы обнявшись просидели какое-то время. Перед моим взором

пронеслась вся моя жизнь. Вспомнился сон, когда я родила Розочку, и слова моей мамы в адрес дочки. Что она всегда будет моим утешением и поддержкой.

И реально, сколько невзгод пришлось пройти, через какие препятствия кидала нас судьба, именно Роза, не по годам взрослая, лишившись нормального детства, всегда верила в меня и давала силы двигаться дальше, преодолевая всё на своем пути. Сколько времени мы так просидели, не знаю, но поняла, что надо двигаться в сторону дома. Попросив дочку поддержать меня, я аккуратно встала. Все еще кружилась голова и ноги дрожали от слабости, но я встала, и держась за хрупкие плечи доченьки, медленными шагами пошла по направлению к дому. Во дворе резво кричали Ранюшечка с Равшаном и бегали друг за другом. Зира готовила ужин. Детвора увидев нас бросились ко мне с радостным криком. Но я едва устояв на подкошенных ногах их притормозила.

– Стойте, стойте, дайте мне сесть, и я вас возьму к себе.

Мне не нравилось моё самочувствие, но решив, что скоро всё пройдет, это всего лишь стресс, я успокоилась, и сидя наблюдала как играют дети. Приходили мысли, что Розу желательно повести к врачу, чтобы сделать рентген, убедиться, что со спиной всё в порядке, наблюдая как она очень аккуратно ходит, держась за спину и морщась от боли. Решила, когда мои ноги приобретут первоначальную силу, я займусь дочкиным

здоровьем. Но сила всё не возвращалась и не возвращалась.

Прошла неделя, но я по прежнему ходила держась за стену, ноги были ватные и сильно тошнило. Пропал полностью аппетит, а в глазах всё рябило и плавало. Надеюсь, что всё пройдет, я осознавала, что мне становится только хуже. Роза с тревогой наблюдала за мной и нервничала. Про свою боль она уже забыла, и с мольбой в глазах спрашивала:

– Мамуль, как ты? Может врача вызвать на дом?

– Да всё пройдет, ещё чего удумала. Врача на дом. – отмахивалась я, подозревая что это неизбежно.

И вот в одно утро я аккуратно встала, вышла на крылечко вдохнуть воздух, и вдруг всё поплыло перед глазами, казалось небо падает на меня, земля из под ног ушла, и я рухнула на пол. Очнулась я в машине скорой помощи, хотела что-то спросить, но язык не слушался. Рядом сидел Жумабой и какой-то мужчина в белом халате. Они что-то обсуждали на узбекском языке. Не смотря на то, что за эти годы я научилась понимать и отвечать по-узбекски, до меня не доходил смысл их слов. Очень сильно болела голова и хотелось пить. При этом болело все тело, как будто горело в огне.

Мужчины увидев, что я очнулась нагнулись ко мне.

– Женщина вы слышите меня? – спросил мужчина в белом халате. – Вы можете дать знак, что вы меня слышите?

Я слабо кивнула, давая понять, всё в порядке. Мужчина продолжил:

– Возьмите меня за руку и пожмите её. – попросил он и протянул руку.

Я криво усмехнулась, что за чушь, и протянула ему руку. По крайней мере, мне так показалось. Глянув на руку я поняла, что она безжизненно лежит на кушетке и даже не пытается шевелиться. Я сделала ещё усилие, но всё безрезультатно. Попробовав поднять ногу, я поняла, что я не чувствую и её и меня охватила паника. Что со мной, это какой-то кошмарный сон, разбудите меня. Я заплакала от отчаяния и пожалела об этом. Не имея возможности вытереть слёзы и высморкать нос, я себя чувствовала отвратительно противно и было стыдно, что рядом сидят мужчины и смотрят на меня. Жумабой взял меня за руку.

– Дорогая, всё будет хорошо, не переживай.

Он вытер мне лицо салфеткой и похлопал по руке. Я обнаружила, что не чувствую его прикосновения. «Что происходит, люди, скажите мне», – шептала я проваливаясь в сон.

Очнулась от яркого света, который резал глаза. Рядом люди громко о чём-то спорили и время от времени подходили ко мне, разглядывали зрачки, смотрели снимки, проверяли давление, какую-то суету вокруг меня развели и наводили ужас. Мне так хотелось встать и убежать, казалось, я гложу от

этого шума, хотелось перекричать их, заставить их замолчать, но вместо этого я тихо шептала, не слыша собственного голоса.

– Пить, пить, дайте мне пить....

Но меня никто не слышал, и не обращал на меня никакого внимания. Я попыталась пошевелиться, но кроме головы и плеч всё лежало неподвижным грузом. «Кто-нибудь объяснит что произошло, почему я не чувствую своё тело»? И снова темнота и провал в сознании. Очнулась я уже в палате, переодетая в больничную пижаму. Рядом сидела Розочка и плакала. Я тихо её позвала.

– Мама, мама, ты очнулась, так долго ты спала. Я так испугалась.

Она обняла меня и рыдала уже от счастья, что наконец то может поговорить со мной. Мне так хотелось утешить её, прижать к своей груди, но мои руки не подчинялись моим командам. Моё тело стало каким-то чужим, тяжелым, мне хотелось почесать нос, вытереть глаза, в конце концов, встать и пойти с дочкой отсюда, но это было не реально.

Я как растение прикована к кровати и без чужой помощи не обойтись. Когда дочь успокоилась, я спросила:

– Где я, и что со мной. И для начала дай мне пить. Горло горело от сухости.

Роза принесла стаканчик с трубочкой и помогла утолить жажду.

– Мамуль, ты не переживай, всё хорошо, – затараторила девочка, – вот увидишь, скоро встанешь и пойдем домой.

– Сколько я здесь уже лежу? – спросила я. – И где папа?

– Папа работает, он сказал нужно много денег, чтобы тебе помочь. А ты долго спала, почти месяц. Так долго никто не умеет спать. – Роза счастливая, отвечая на вопросы, не замечала моего взгляда ужаса.

– Как месяц? Ты шутишь! Я уже месяц так лежу? – Но не успела она ответить, зашли врачи и подошли к моей кровати. Проверив давление, пульс и температуру, что-то записав в свои дневники хотели выйти, но я их остановила.

– Прошу вас, объясните мне, что со мной.

Мне было трудно говорить и ещё было труднее сдерживать слёзы, зная, что я беспомощна. Доктор сел на краешек моей кровати.

– Скажите пожалуйста, у вас было в детстве сотрясение мозга, травма, которую вы не лечили?

Вспомнив мачеху из Алма-Аты я кивнула.

– И у вас постоянно кружилась голова? – Продолжал спрашивать доктор. – Я снова кивнула.

– Вы пережили какой-то шок и потеряли сознание. Правильно?

В третий раз кивнув, я с интересом на него посмотрела.

– Ну что я вам сказал, коллеги? – произнес он, встал с кровати и повернулся ко мне.

– От того, что вы не лечились, не обследовались раньше, у вас онкология, запущенной формы. Опухоль головного мозга левого полушария. К сожалению она так расположена, что мы не можем

её удалить. Такие операции делают за границей, мне очень жаль.

Они развернулись и вышли. А я и Роза застыли как вкопанные, не веря своим ушам. Значит это всё, мой конец. А как же дети? Что с ними будет?

Я украдкой посмотрела на дочку, она сидела, ссутулившись, уставившись в одну точку. Может она не поняла смысла сказанного, подумала я и окликнула её. Когда она на меня посмотрела, меня пробил дрожь. В глазах застыли слезы, губы крепко сжаты, брови нахмурены и всем видом едва скрывала ярость.

– Значит так, – проговорила Роза, сквозь зубы, едва сдерживая слезы, - в тот день когда ты умрёшь, я прыгну с крыши и разобьюсь. Но жить с папой я не буду. Учти это.

Никто не говорил о смерти, но ребенок всё понял. Я так злилась на своё тело, что не могу утешить дочь.

– Милая, ты знаешь, все умирают, и я не исключение. Но ты должна жить, ты моё продолжение. Понимаешь?

Я не могла подобрать слова, чтобы утешить её, поддержать, но она угрюмо уставилась в пол и молчала.

Так проходили дни, недели, месяцы, мне становилось всё хуже и хуже. Боли были такие сильные, что прежде чем меня мыть и менять постель, меня обкалывали морфием, чтобы я не так страдала. Роза всегда была со мной. И даже когда

начались учебные дни, после школы она бежала ко мне и на кровати у меня делала уроки.

Все восхищались такой нянечкой. Ночью свернувшись калачиком она спала у моих ног, и как только я пошевелю головой, она тут же подскакивала и выполняла мои пожелания. Но с другой стороны я была рада, что умираю. Ведь я к этому стремилась, попытки самоубийства ничего не дали, а тут болезнь сделает своё грязное дело. Я чувствовала дыхание смерти, это было реальное ощущение встречи с потусторонним миром, и когда я очередной раз проваливалась в забытие, то думала, что это конец. Но потом снова приходила в себя, испытывая жгучую боль по всему телу, и разочарование, что не умерла.

Иногда Жумабой приходил навещать меня, слегка подвыпивший. У него не было денег оплачивать моё лечение, поэтому мне кололи только морфий, чтобы я могла безболезненно умереть. Рано была вместе с Зирой и Равшаном, и иногда они тоже приходили навестить, и может быть попрощаться. И вот однажды, после очередного приступа, когда было особенно плохо, меня обкололи и думая, что я без сознания, не стали выходить. Рядом стоял Жумабой, Роза и лечащий персонал.

– Скорее всего, она эту ночь не переживёт. – Проговорил врач, – Мне очень жаль, готовьте место на кладбище. Документ уже готов, только внесём время смерти. И если кто-то хочет прийти попрощаться, это как раз самое время.

Сквозь полудрему я видела как Жумабой и Роза стояли склонив голову. Папа сделал движение по направлению к дочке, но Роза развернулась и убежала. Всеми фибрами души она ненавидела отца и винила его во всех бедах, обрушившихся на нашу долю. Но понимая, что она слишком маленькая, и от неё ничего не зависит, села на скамью во дворе больницы и горько заплакала. На её хрупкие плечи так много всего было взвалено, а ей хотелось быть просто ребёнком, иметь нормальное детство. И навзрыд, не обращая внимания на прохожих, малышка предалась горю.

Люди проходя мимо неё, тоже вытирали глаза и сочувственно на неё смотрели. Многие знали её, как она самоотверженно ухаживала за умирающей мамой и понимали её горе, думая, что она уже умерла.

Но вот одна женщина проходя мимо, не выдержала и под села к девочке. Она обняла её, стараясь утешить и облегчить её боль, и Роза обрадовавшись тому, что можно с кем-то поговорить и поделиться наболевшим, рассказала о своем горе. Мама умирает, а папа зверь, который жесток со всеми, кто его окружает, и что она слишком мала, чтобы принимать какие-то решения. Женщина выслушала её и спросила:

– Так твоя мама ещё жива?

Роза кивнула головой:

– Врачи сказали, она не переживёт эту ночь.

Все плохо.

Она немного успокоилась, И только время от времени всхлипывала. Женщина нежно прижала ребёнка к себе и сказала:

– Милая, не врачи решают судьбу человека, когда ему умереть или жить. Бог дает жизнь человеку, и Он же решает когда ему умереть. Твоя мама ещё жива, а ты её оплакиваешь. Молись Отцу, который на небесах, и Он обязательно тебе ответит. Ты такая искренняя, преданная, чистая, Бог любит детей и позаботится о тебе. Только верь всем сердцем своим.

Роза к тому времени совсем успокоилась и лучик надежды блеснул в её глазах. Ещё не всё потеряно! Повеюем!

С абсолютно другим настроем она вернулась в палату. Кроме меня и ещё одной девочки, которая, непонятно по каким причинам теряла сознание постоянно, никого не было. Посетители все ушли, и Роза, встав на колени перед моей кроватью помолилась:

– Боженька, мне сказали, что Ты есть, и Ты любишь меня. Если это так, то исцели мою мамочку, не забирай её у меня или меня тоже заведи к себе. Но я без неё жить не буду.

Она постояла ещё немного на коленях и встала. Я с негодованием на неё посмотрела. Её взгляд был такой умиротворенный и спокойный, что меня это вывело из себя:

– Ты чего удумала? В сектанты записалась? Выбрось эту дурь из головы! Нет никакого Бога, всё это вымысел. Ты поняла меня. Если бы Бог был, мы

бы так не страдали, Он бы не допустил. Чтобы я этого больше не слышала. Все ясно?

Розочка спокойно на меня посмотрела и ответила:

– Ты не можешь запретить мне молиться. Если это единственный шанс, то я его использую.

Поцеловав меня в щечку она вышла, а я удивленно провожала её глазами. Ну надо же, во всём, чтобы я не попросила, она выполняла с радостью, во всем была послушна, а тут такая твердость характера и уверенность, что она права, готовая послушаться меня, ради какого-то вымышленного дедушки на облачке.

Понимая, что утопающий хватается за соломинку, я перестала её трогать, мне всё равно недолго осталось, пусть молится, если ей так легче перенести утрату. Так шли дни, недели, а я всё не умирала. Сами врачи недоумевали, по всем показателям я давно должна была умереть, уже все родственники и знакомые устали приходить прощаться, а я всё живу и живу. Роза не оставляла меня надолго, даже школу часто пропускала, понимая, что быть здесь это важнее. И дожидаясь, когда все уйдут, она становилась на колени и молилась. Уже не так агрессивно настроенная на это, я просто слушала и ухмылялась. Конечно во всё это я не верила, но сомнения начали закрадываться.

Смерть явно отступила, я перестала ощущать запах серы, так по моим чувствам пахнет смерть. Лечения, как такового не делали, но я живу.

Так размышляя, я глянула на небо. В тот день оно было особенно прекрасным.

На ярко-голубом фоне, белые облака в форме сердца, так и блистали своей белизной. Они как будто пытались мне что-то сказать. Ком встал в горле, на глаза навернулись слезы.

Вспомнила, тот день, когда умерла бабушка Туба, и я в поисках Бога пошла в православную церковь, откуда меня выгнали. Тогда я и решила, что Бога нет, и сколько всего произошло со мной и моей семьей ужасного....

Может ещё раз попробовать поискать Бога, подумала я, вглядываясь в необычную красоту неба. Мне терять нечего, решила я и закрыла глаза:

– Господь, я не знаю, Ты есть или Тебя нет. Но если Ты есть, я желаю с Тобой познакомиться. Вытащи меня не только со смертного одра, но вытащи меня из всей этой ситуации, в которой я оказалась. Я хочу жить полноценно и радоваться жизни. Я устала бороться за свою жизнь и жизнь детей. Но если Тебя нет, я готова умереть.

Глава тридцать первая

Сказав это, я провалилась в глубокий и спокойный сон. Спала я на этот раз так долго, что было подозрение, что это всё. Но не смотря на прогнозы врачей, пробудившись от долгого сна, я вдруг осознала, что не умру. Я буду жить и бороться, и на этот раз есть Кто-то, Кто мне помогает, чувствуя, что моя молитва была услышана.

Первый мой шаг был, отказаться от морфия, чтобы было трезвое сознание. Это было не простое решение, так как боли иногда были такие нестерпимые, что хотелось выть, но взяв себя в руки я держалась за это решение, и боль потихоньку отступала.

Затем я просила, чтобы меня посадили. Это была невыносимая боль, когда дотрагивались до моего тела, я не чувствовала рук, а как будто горячими щипцами меня трогали и от боли я теряла сознание. Приходя в себя, я снова просила медсестер посадить меня. Они очень жалели меня и пытались отговорить от этих экспериментов, но я была непреклонна.

Когда я уставала и отдыхала, Роза делала мне массаж и молилась. Я с нежностью за ней наблюдала и не спорила. Вначале я не чувствовала её рук на своём теле, только боль, но потихоньку боль начала отступать, и вдруг в один из дней когда она дотронулась до моей стопы, я дернулась как от

щекотки. Она в шутку пощекотала меня, и я отодвинула ногу и засмеялась.

– Доча, щёкотно, перестань! Взглянув на неё, я увидела счастливые глаза, наполненные слезами.

– Мама, ты шевелишь ногой! Мама, ты меня чувствуешь! У тебя появилась чувствительность! Мама, мама, можно ещё пощекотать тебя?

Она легла на меня, крепко обняла и мы расплакались. Это были слёзы счастья, что появилась надежда. Я всю свою волю направила на правую руку, чтобы приподнять её. Мне так хотелось обнять дочь, утешить, поддержать её, и как максимум вытереть себе слезы. Но рука, чуть-чуть пошевелилась и осталась лежать. Но ничего, моё тело просыпается, и я знаю это точно. Всему своё время. Мы все продолжали бороться за мою жизнь. Когда я научилась сидеть без посторонней помощи, и при этом чувствуя ногами холодный пол, я просила поднять меня, чтобы постоять.

Первые разы были также тяжелы. Я теряла сознание, кружилась очень голова, и падая, как ни старались мои помощники, я ударялась, разбивая себе губы, набивая себе шишки. Но приходя в себя, снова звала сестёр.

У меня появилась цель, и я небольшими шагами приближалась к ней. Это был тяжёлый, кропотливый труд, заново учиться ходить, учиться чувствовать руки и подносить ложку ко рту, а не мимо. Как новорожденные дети, со временем учатся сидеть, ходить, кушать самостоятельно, так я в свои тридцать лет училась жить заново. Каждое утро,

просыпаясь, я улыбалась новому дню и говорила себе:

– Ну, что, поборемся?

Меня усаживали в кресло, приносили завтрак, и я отказываясь, чтобы меня покормили, делала большие усилия, чтобы взять в руки ложку. Руки я уже чувствовала, но точности в них не было, координация движения ещё не была восстановлена. Поэтому и ложки падали, и еда разлеталась в разные стороны, и далеко не всегда я попадала едой в рот. Но, когда это получалось, мы праздновали победу. Весь медперсонал наблюдал за нами и поддерживал нас. Уборщицы не ругались, когда видели много мусора, а похлопывая меня по плечу, говорили:

– Так держать, девочка, так держать.

Даже профессора из других городов приходили пообщаться со мной. Мне бесплатно, за счет больницы, провели заново обследование. И врачи были шокированы результатами. Опухоль значительно уменьшилась, а та часть мозга отвечающая, за работу тела, была восстановлена. Без химиотерапии и без операций. Это было чудо, и я понимала, что это работа Бога.

– Я найду Тебя, Господь, и посвящу Тебе всю жизнь, только не оставляй меня. Давай мне силы на каждый день, и выведи меня отсюда.

С этими словами я начинала новый день и работала над своим телом, приказывая ему подчиниться мне.

И этот день тоже настал.

С трудом, но самостоятельно я сделала первый шаг. Кружилась голова, сильно тошнило, был страх перед землёй, чтобы не упасть, но сказав всем отпустите меня, я самостоятельно сделала первый шаг, а потом ещё и ещё. Руки дрожали, ноги подкашивались, но в глазах были слёзы счастья, это была великая победа над смертью, над немощью, над разрушением в наших жизнях.

Пройдя примерно самостоятельно по коридору пять метров, я увидела перед собой удивленного Жумабая, ухмыльнулась и потеряла сознание. Очнулась в кровати, а вокруг стояли люди и аплодировали мне.

Муж держал меня за руку и улыбался. Врачи приняли решение выписать меня домой, так как по стеночке я могла передвигаться и могла себя обслужить. Руками я уже пользовалась хорошо, могла без промаха себя накормить, но ходить было сложнее. Мне было стыдно ходить с палочкой, и поэтому я ходила крепко держась за худенькие плечики моей дочери. И если вдруг сильный приступ головокружения начинался, я сильно сжав руками плечо Розы, давала ей понять, что могу упасть. И она тут же находила место, куда меня усаживала, и давала мне пить, обильно смачивая моё лицо, давая мне возможность отдышаться. Через какое-то время, отдохнув, мы снова отправлялись в путь.

Я понимала, что мне нужна помощь семьи и поэтому о разводе больше не заикалась. К тому же, по закону, он имел права по разводу оставить себе старшую дочь, на что я никогда не соглашусь. Да и

Жумабой, не смотря на то, что продолжал пить и гулять по проституткам, меня не трогал, а старался заботиться обо мне.

Почти пол года я провела в больнице, моё тело, как будто атрофировалось, и ему нужно было время вспомнить и вернуть былую силу. Когда я Жумабою рассказала, что после молитвы к Богу начала выздоравливать, он воскликнул:

– Слава Аллаху! Он тебя услышал. Тебе нужно в мечеть пойти и рассказать имаму⁹ об этом чуде.

Я покачала головой. Нет, не тому богу я молилась. Я не знаю, какому, но точно не этому. Моё сердце подскажет, где находится то, что я ищу. Главное, дети со мной, и если Богу я нужна, то мы найдём друг друга. Я успокоилась и перестала об этом переживать.

⁹ Имам – в исламе, наиболее опытный, уважаемый руководитель молитвы в мечети.

Глава тридцать вторая

Казалось всё налаживается, детки растут, я ходила медленно, но уверенно. Этот год был таким тяжёлым, что мне было всё равно, как учатся дети. Роза закончила третий класс, Рано первый, а Равшан счастливо бегал в садик.

24 июля в день рождения Розы, папа пришёл пьяный домой и со счастливой ухмылкой достал из кармана заколку в форме бабочки и торжественно произнес:

– Поздравляю с десятилетием мою дочку.

Зацепив её на волосы, он поцеловал её в губы и вышел.

Роза безглаголиво вытерла губы. Я тоже подошла и обняла ребёнка. Большого мне дать было нечего. Зато я обнимала её своими руками, прижимая близко к сердцу, а это было ценнее золота.

После паралича и исцеления, жизнь обрела другие краски. Я очень сильно пересмотрела свои ценности. Я любила наблюдать, как резвятся дети, как растёт трава, вдыхая полной грудью воздух, ещё не до конца окрепшая, я радовалась новому дню как ребенок. Осторожно ступая по земле, ни на миг не отпуская дочку, держась за её плечи, чтобы не упасть, я была счастлива.

Каждый шаг давался нелегко, когда машины, проезжая мимо сигналили, я могла испугаться и

упасть, но несмотря на это, я шла навстречу новым достижениям. Мне хотелось кричать на весь мир:

– Люди, посмотрите, я хожу! Я управляю своим телом! Вау!!!

Но ведь все ходят, и в этом нет ничего особенного. Только не для меня. Для меня это было особенное переживание. Никогда не задумывалась, как это круто просто жить. Роза за это время тоже возмужала, из ребенка превратилась в серьезную девушку. Испытания, как правило, закаляют характер, так что, вернулись мы домой другими людьми.

Страх перед мужем ещё преследовал меня, и когда Жумабой приближался ко мне, меня трясло. Я по-прежнему не допускала его к себе, но в последнее время он и не стремился к близости со мной, и разговаривал исключительно по делу. Все девушки легкого поведения знали его, и не стеснясь нас, двух жён, звонили ему или кричали под окнами. И он счастливый выбегал к ним, и они куда-то уходили. Меня это абсолютно не трогало, но Зира злилась и устраивала сцены ревности. Смирившись с тем, что вся моя жизнь здесь пройдет, я пыталась и с Зирой поговорить, мол сама выбрала судьбу быть второй женой, так что, не выделяйся.

Мне жаль было детей, которые слушали все эти разборки, а мне хотелось мира и покоя, как для них, так и для себя. Я слишком ценила жизнь, чтобы растрчивать её на ссоры.

И вот однажды, когда я сидела дома с Рано и Розой, и о чём-то говорили, пришел муж, как всегда навеселе и протянул мне много денег.

– Я хочу, чтобы ты пошла в магазин и купила всё что пожелаешь. Ни в чём себе не отказывай.

Я была приятно удивлена. Давно он не был так щедр, как сейчас. Я аккуратно встала, взяла Розу за руку и направилась к дверям.

– Стой, стой дорогая, ты постоянно тащишь Розу с собой. Возьми на этот раз Рано, а Розу оставь. Хочу, чтобы она мне в кое в чём помогла.

Зира с Равшаном гостили у её мамы, она на неделю отпросилась у мужа. Так бы я с ней пошла, держась под ручку, а Рано ростом была маленькая и немного неуклюжая. Держаться за неё было даже опаснее, чем самой идти. Быстрее свалишься. Но перечесть мужу я не стала, и взяв Рано за руку, очень медленно вышла на улицу. В глазах темнело, всё плавало, идти без Розы было реально страшно.

Найдя скамейку, чтобы передохнуть, хотя прошли всего два метра, я закрыла глаза, и какое-то предчувствие закралось в моё сердце.

Я вспомнила время, когда Роза ходила в садик, и если ей было плохо, или её кто-то обижал, то я, находясь дома чувствовала, как Роза мысленно ко мне обращалась за помощью. И я сломя голову неслась в садик, помочь моему ребенку. И вот сейчас это чувство вернулось. Встав, взяв Рано за руку, мы повернули домой. Подойдя к двери, обнаружила, что она заперта. Мы только на ночь дверь закрываем, и от этого ещё сильнее

заволновалась, я неистово начала барабанить дверь. На шум вышли соседи. Ничего не объясняя, я продолжала стучать. Мне долго не открывали, и от этого паника еще больше росла. Наконец-то дверь открылась, и я зашла в дом.

Взглянув на Жумабая и Розу я поняла, что не зря волновалась. Роза стояла бледная, со слезами на глазах и дрожала. Так как погода была прохладная, она была одета в колготки и платье, но сейчас я увидела, на ней только платье, колготки лежали в стороне. Посмотрев на мужа, увидела, что он впопыхах надел штаны, забыв застегнуть ширинку. Страшное подозрение закралось в мое сердце. Жумабой так занервничал, полез в карман за сигаретами, и случайно оттуда вытащил Розины трусы. Затем он что то пробубнил и вышел. Я посадила ребенка перед собой.

– Значит так дочь, рассказывай, что было между тобой и папой. Только ничего не скрывай, мы же с тобой друзья, и всегда помогаем друг другу.

Как можно мягче говоря с ней, я видела, что она напугана и растеряна. Я не давила на неё. Обняв крепко, я её успокаивала, давая понять, что я догадываюсь, что произошло, но ей надо решиться все рассказать. И она решилась.

– Когда вы ушли с Раношкой, папа приказал мне раздеться догола. И сам тоже разделся. Я сказала, что не хочу, но он настоял и начал меня раздевать, угрожая, что если я расскажу маме, он меня убьёт. Затем положив меня на пол, он хотел

лечь на меня, но не успел. Тут вы пришли и подняли шум.

Сказав это Роза дала волю слезам. Я её погладила и пообещав, что папа её больше не тронет, пошла на кухню.

Внутри, где-то подсознательно я ликовала. Я была счастлива, что успела вернуться и не случилось то, что могло случиться. Но также понимала, что Жумабой совершил самую большую ошибку. Теперь я смогу с ним развестись, и он не посмеет требовать, чтобы поделить детей и Розу оставить у себя. Иначе ребенок будет свидетельствовать против отца, и его посадят за попытку изнасилования. А тюрьмы он как огня боялся.

Дождавшись, когда он вернется, я уже приготовила чемодан с вещами и собрала детей. Он тупо уставился на меня и молчал, понимая что влип.

– Значит так, дай мне денег, чтобы вернуться в Фергану. Я от тебя ухожу окончательно, и не пытайся меня вернуть или преследовать. На суде если будешь требовать права отцовства, то мы тебя посадим. Соседи будут свидетелями, что ты пытался изнасиловать десятилетнего ребенка, свою дочь. Имей ввиду на этот раз я дойду до конца.

Он молча достал деньги на поездку в одну сторону в Фергану и сел на стул, уставившись в пол. Взяв чемоданчик мы с детьми вышли на улицу. Я знала одно. Мы возвращаемся в Фергану, у меня там остались друзья, дети в школу, в садик ходили, и хоть мы там потеряли нашу квартиру, но я не

унывала. Теперь я знала точно, мы меняем нашу судьбу.

Приехали в Фергану, уже затемно, и найдя удобную скамеечку, мы решили переночевать на улице. Было свежо, но это нас не остановило. Я села на скамью, а дети расположились по бокам. Положив головы на мои колени они быстро уснули, а я им пела “тёмная ночь” перебирая в руках их волосики. В мыслях я рисовала план, что делать дальше. Для начала обойду моих подруг, может меня кто-то приютит, пока я не найду себе работу. Но при мысли о работе я содрогнулась. Кто меня такую возьмет? Без документов, еле-еле хожу держась за что-нибудь. Как вообще я справлюсь с работой? Я подняла голову наверх и мысленно обратилась к Богу.

После того, как я встала со смертного одра, не заметно для себя я начала молиться. Особенно когда происходили ситуации, где мне нужна была сверхъестественная помощь. Мысль о том, что меня слышат и помогают, успокаивала меня. Итак, попросив его водительства, я задремала на скамейке, уверенная в завтрашнем дне.

Глава тридцать третья

На утро пробудившись, мы сделали зарядку, затекло всё тело после сна на скамейке. Не далеко от того места, где мы находились, жили наши друзья. И взяв детей за руку, мы пошли делать обход друзей и знакомых. Авось, да кто-нибудь приютит.

Каково же было моё удивление, что все перед нами закрывали дверь, находя уйму причин, почему не могут нас приютить. То муж не разрешает, то места нет, где положить нас. И многое другое.

Проходив так целый день, уставшие и измученные, проходя мимо базара, мы сели на скамейку отдохнуть. К тому же, сосало под ложечкой от голода. Денег, что-либо купить у меня не было. Попрошайничать я не умела, да и стыдно было бы это делать. Мои девочки пошли на базар, а я закрыла глаза и заплакала. Что делать? Куда податься?

Те, на кого я надеялась, не поддержали меня. Тут прибежали девчата счастливые и принесли в подоле фрукты, какие то сладости, печености и радостно начали это есть, угощая меня. У меня ком в горле стал, ничего не лезло.

– Где вы это взяли, украли? – я с негодованием смотрела на них, а особенно на Розу. Ладно Ранюша маленькая, не понимает, но ты разве не знаешь, что воровать не хорошо.

Я насупилась, и отказалась есть.

– Мамуль, мы не украли. Мы просили и нам дали. Люди добрые попадались, правда не все. Некоторые нас гнали. Ешь пожалуйста, тебе силы нужны.

Роза в руках держала сдобный пирожок, и протягивала его мне. Я взяла его в руки и зарыдала.

– Я не позволю вам просить милостыню. Это стыдно. Мы обязательно что-нибудь придумаем. Пока я жива этого не позволю.

Но потихоньку успокоившись, я тоже поела. Решив снова переночевать на скамейке, мы расположились прямо на базаре. Дети легли по бокам, положив голову на колени. Уже не такая уверенная в завтрашнем дне я задремала. Тут я почувствовала, как кто-то трясет меня за плечо. С трудом открыв глаза, увидела перед собой мужчину, лет под пятьдесят.

– Эй, дэвушка, ви чё здесь спишь, холодно. Ты не нормальный. Дети, холодно. Вставай, иди отсюда. Это частный место. Это мой територий. Иди, иди.

Он растормошил детей. И зло цыкал языком.

– Разрешите нам до утра здесь побыть, пожалуйста, нам идти некуда – Я заломила руки и умоляюще на него посмотрела. Он внимательно на меня посмотрел и громко щелкнул языком.

– Работать умеешь? – спросил он.

Я радостно кивнула. Он махнул головой, дав знак, чтобы мы следовали за ним. Заведя в маленькую квартиру и дав ключи сказал:

– Это квартира моего сына. Живите здесь, пока она ему не понадобится. За порядок отвечаешь. Утром выходи на работу в столовку. Будешь столы убирать и посуду мыть.

Он вышел, а мы радостно расположились на удобной кровати и уснули. «За мной точно наблюдают сверху и помогают», подумала я проваливаясь в глубокий сон. На утро чуть свет я уже была на работе.

Это была столовая для работников базара. Нужно было подмести двор, расставить столы, стулья, подготовить посуду. Пришли работники, которые готовили еду. Каждый отвечал за своё блюдо. Плов, самса, шашлык, и шурпа. Началась веселая возня, но мне было не до смеха.

Очень кружилась голова, быстро ходить и работать я не могла физически. И боялась если шеф это заметит, то выгонит меня. Без документов, на птичьих правах, я нуждалась в этой работе, и ценила, что он не прошел мимо и предложил временный ночлег. Но кое-как прибравшись, работа закипела.

И тут на мою радость прибежала Роза. Она шустро убирала со стола грязную посуду, и вытирала стол, а я, стоя на одном месте, мыла посуду. И Роза чистую посуду относилась по местам.

Хозяину понравилось, как мы дружно работали и разрешил Розе оставаться со мной. Единственное, что меня смущало, что Роза пропускает школу, при этом понимая, что сама я не справлюсь.

С разрешения хозяина мне полагалась только одна порция обеда. И брав еду, я её делила на двоих детей, а сама доедала то, что не доедали клиенты. В конце рабочего дня, приходилось подходить к каждому повару и кланчить свои заработанные деньги.

Это были грубые, невоспитанные мужланы, с похотливыми взглядами, и давая мою дневную выручку, говорили всякие непристойности, приставая ко мне. Я отмахивалась от них, чувствуя себя омерзительно. Но приходилось смиряться с таким отношением, по крайней мере есть еда и деньги. Хотя этих денег хватало купить 200 грамм риса, три картошки, два лука, и сварить супчик. Понимая, что я от них никуда не денусь, без документов меня нигде не возьмут на работу, вели себя по-хамски.

Но работала я с удовольствием, очень вкусная была еда, и видя счастливых детей, которые радостно уплетали самсу приготовленную в тандыре, жир от бараньего мяса стекал по рукам, а запах стоял такой, что язык можно было проглотить, И созерцая всё это, я понимала оно того стоит. Работая без выходных, без перерывов, не имея лишних средств к существованию, я не задумывалась о том, что не ищу квартиру. Хотя хозяин заранее предупредил, что нас не надолго принял. Сейчас мне было хорошо, и ладно.

Глава тридцать четвёртая

И вот однажды в нашу столовую зашёл Жумабой, и с ним был Равшанчик. Малыш, увидев меня, с радостным криком побежал ко мне и крепко обнял за ноги. Я аккуратно села на стул и взяла его на руки. Это был единственный минус, моего ухода от мужа. Я сильно скучала за сыном. И глядя на карапуза, прослезилась.

– Может ты передумаешь и вернешься ко мне. Обещаю, не приставать к детям. Не знаю, что на меня нашло, прости меня. К тому же Равшан постоянно плачет, тебя зовет.

Он знал, на какие кнопки давить, но я на этот раз была непреклонна.

– На этот раз окончательно, я не вернусь, и как смогу подам на развод. Как ты меня нашел? – сама от себя не ожидала такой решительности.

– Мы с Зирой тоже переехали сюда. Квартиру сняли, чтобы быть к тебе поближе. К тому же я хочу тебе что-то показать. Идем со мной. Здесь рядом.

Я пошла за ним, понимая что в данную минуту он не опасен. Завернув за угол базара мне предстала такая картина. Группа цыган сидела на поляне и пели свои песни, рядом дети танцевали и просили милостыни. У них были разорваны одежды, длинные лохматые головы, черно-пепельного цвета, они нагло нападали на прохожих, прося, хоть что-нибудь.

Среди них очень ярко выделялся один ребёнок. Рано, к тому времени абсолютно лысая, в

красивом, чистом платице, белая, на фоне чёрных детей, бегала, подражая им и прося милостыню. Ей люди чаще давали монеты, но тут же цыганская малышня подбегала и забирала у неё, и она счастливая отдавая им всё, снова бегала за людьми, попрошайничая. Наблюдая за этой сценой, я залилась веселым смехом. Давно я так не смеялась. Было смешно наблюдать за ребенком, а Жумабой растерянно на меня уставился.

– Нет, ничего смешного! – Возмутился он – И если ты ко мне не вернёшься, то таково и твоё будущее. Сидеть и просить милостыню с детьми.

Наконец я успокоившись, и отдышавшись сказала – Я смогу обеспечить моих детей. Но к тебе не вернусь. Уж лучше милостыню просить, чем снова жить с тобой.

Уже с серьёзным видом, я подошла к Рано и строго её отчитав привела к себе на работу. Надо устроить её в школу интернат. Там еда, уход за ребёнком и мне спокойнее, не буду переживать, где она и с кем она. Мне дали выходной и я этим делом занялась.

Но не прошло и недели, как мне позвонили из интерната, что Рано с приступом удушья попала в больницу. Сорвавшись с работы, я побежала к ней. Дочка лежала на кровати бледная и какая-то осунувшаяся. Во рту торчала трубка и к ней был подключен кислород. Врач меня позвал в кабинет и строго на меня посмотрел.

– Вы знали, что у неё бронхиальная астма и ей нужны препараты, без которых она может

умереть. Умереть от нехватки кислорода. Что вы себе думаете!?

Он осуждающе на меня смотрел, а я растерянно молчала, не зная, что сказать. Конечно приступы были, но они не были агрессивны и ребенок сам с этим справлялся. Но сейчас видимо запущенная стадия, и нужно что-то делать. Врач выписал мне рецепты на те препараты, которые снимают приступы и предупредил:

– Имейте в виду, без этих препаратов она умрёт, и каждый раз, когда приступы будут, вы должны их приносить в больницу. У нас их просто нет. Идите прямо сейчас в аптеку и купите их. Я молча взяла лист и вышла из больницы. Как мне купить эти лекарства, у меня нет денег. А кого это волнует?

Мысль, что я могу потерять дочь, наводила на меня ужас. Второй такой трагедии я не перенесу. Ноги сами меня понесли в аптеку. Протянув фармацевту лист, я застыла как вкопанная. Молодой парень пошел за лекарством и вежливо обратился ко мне назвав цену. У меня подкосились ноги. Я за месяц столько не заработаю, но лекарство нужно сегодня, иначе будет поздно.

– У меня нет денег, но моя дочь умирает, и если я сегодня это не принесу, она умрёт. Пожалуйста. – Я заломила руки и разрыдалась.

Парень растерянно на меня посмотрел и проговорил:

– Я не имею права, без денег давать лекарство. Поймите меня. Мне жаль вашу дочь, но ничем помочь не могу.

Упав на колени я продолжила плакать. Мне всегда претила мысль попрошайничать, но мне было страшно потерять дочку, и я готова была унижаться, ради неё. На шум пришел хозяин этой аптеки, и услышав мою историю, обратился к парню:

– Каждый раз, когда она приходит, давай ей необходимые препараты, под мою ответственность. Но записывай в тетрадь, чтобы была отчетность. Может когда-нибудь она с нами рассчитается.

Он повернулся и вышел, а я счастливая прибежала в больницу и дала лекарство. Через неделю ребенка выписали домой. Мы старались, чтобы Рано не нервничала, не пугалась и самое главное, чтобы не мерзла. Малейший стресс для тела и она с приступами попадала в больницу, и снова приходилось бежать в аптеку за лекарством. Но на этот раз парень просто на меня с жалостью смотрел и выдавал всё, что было нужно. Без лишних вопросов.

Так пролетели ещё несколько месяцев, не задумываясь, что делать дальше, я просто жила и наслаждалась подарком который назывался «сегодня», не думая, что будет завтра. Но вот этот день настал, когда хозяин ко мне подошел, и предупредил что ему нужна квартира, и чтобы я немедленно её освободила.

Вечером после работы мы собрали чемоданчик и вновь оказались на улице. Я села на

скамейку растерянная, не зная куда идти, и как дальше быть. От работы меня не выгнали, но жить где-то надо. И тут Роза счастливо мне прокричала:

– Я знаю, что делать, нужно позвонить Татьяне Евгеньевне. Она обязательно что-то придумает.

Я удивленно посмотрела на дочь. Таня была воспитательницей в детском саду, куда ходила Роза и Рано. И по совместительству она ещё была соседкой по подъезду. Вдова с тремя детьми, отношения между нами были скорее враждебные, чем соседские. Мы жили на первом этаже, А она с детьми на четвертом, над нами. Каждый раз когда я убирала двор и жгла листья, она вешала после стирки белье и весь дым от огня шел прямо к ней. И она неистово кричала, чтобы я потушила огонь. Я далеко не всегда выполняла её желание.

Также, когда я купала детей или стирала, к ней не доходила вода, и она просила выключить воду, чтобы ей искупать своих детей. Так что ссоры у нас не прекращались. Да и в садике мне было не сладко. Постоянно замечания, не так одеты, не так пострижены.

Однажды перед Новым годом они готовили праздничную программу, где ведущей была Розочка, и я, не подумав об этом, Розу постригла под машинку. Когда это увидела Татьяна, у неё был нервный срыв. Пришлось на скотч приклеить бант. К тому же, я не по-детски ревновала Татьяну к Розе. Чтобы я не говорила, Роза мне отвечала:

– Мама, ты не права, А Татьяна Евгеньевна вот так вот говорит.

И что бы я не делала, дочка меня исправляла. Меня это злило до ужаса, и теперь она советует мне позвонить ей и посоветоваться. Ну уж нет, только не это. Я хмуро уставилась в землю и молчала. Хорошо, что Рано в школе. Одной проблемой меньше. Но Роза не успокаивалась:

– Мама, ну позвони, она что-то посоветует. Она поможет, она хорошая. Что ты теряешь?

Я резко встала, скинула меланхолию, действительно за спрос в нос не дают. Будь, что будет. Подойдя к телефону-автомату, я набрала номер.

– Я слушаю, – услышала я на том конце провода, узнав Татьянин голос.

– Татьяна Евгеньевна, я извиняюсь за беспокойство, но Роза настояла, чтобы я позвонила. Мы оказались на улице. Нам некуда идти, от мужа я ушла, можете ли вы нам помочь или что-то посоветовать, – с замиранием сердца я ждала ответа.

– Что я могу посоветовать, приходите ко мне, будем думать как вам помочь. – ответила Таня и положила трубку.

Ух ты, удивилась я, друзья на которых я полагалась, отреклись от меня, а человек, с кем я была в контрах, раскрыл своё сердце и впустил нас к себе. Уже было достаточно поздно и Танины дети спали. Мы с Розой зашли и сели на диван. Таня села напротив на стул и в упор уставилась на меня. Под

её взглядом я всегда робела, и поэтому отвела глаза в сторону. После небольшой паузы, Татьяна заговорила:

– Я вам постелю, и пока что-то не найдете, можете жить здесь.

Она встала, достала матрасы, раскладушки, постельное и, пожелав спокойной ночи, ушла. Это была двухкомнатная небольшая квартирка. Вдова с тремя детьми, она работала воспитателем в детском саду, и получала очень мало. Едва хватало прокормить детей, даже коммунальные услуги далеко не всегда оплачивались, ЖЭК приходилось двадцатой дорогой обходить, чтобы не попадаться им на глаза. И вот в таких условиях жила Таня и плюс меня приняла с двумя детьми.

Лёжа на раскладушке, под теплым одеялом, я мысленно поблагодарила Бога за Его водительство, за то, что мир не без добрых людей.

Утром, чуть свет я встала на работу. Таня потребовала, чтобы Роза вернулась в школу, так как это важно для её жизни. Мне было страшно самой идти на работу, так как голова еще кружилась, но понимая что Таня права, и я не имею права быть эгоисткой, отпустила ребенка в школу. Я радовалась, что у меня есть работа, что хоть что-то могу принести в дом, но это было так мало, что детям приходилось драться за то, чтобы им попалась картошка в супе.

Иногда с работы разрешали брать еду домой, но это было крайне редко. Работая целый день и без выходных, у меня не было время что-либо себе

подыскивать. Роза после школы прибежала ко мне на работу, чтобы помочь с посудой, а я её ждала как манну небесную. Все привыкли, что я работаю медленно и перестали на меня давить. На выходные я ехала в интернат чтобы забрать Ранюшку. Я мало времени проводила дома, поэтому Тане приходилось находиться с пятью детьми. И это было нелегко.

Во первых она взялась за Розу, чтобы та училась, и дома делала домашнее задание. Та всячески сопротивлялась, борясь за мою жизнь, она забросила школу, но Таня была непреклонна. Когда я уставшая и никакая приходила домой, то передо мной стояла такая картина. Сидит Роза перед учебниками и стонет:

– Я не знаю, не получается. Можно я пойду гулять?

– Пока ты не напишешь сочинение, ты гулять не пойдешь. И точка. – Татьяна стояла на своем.

Роза с истерикой вбегала в туалет, закрывалась там и ревела. Я в шутку назвала это место «комната плача». Туда все бежали плакать, от мала до велика. А когда кому-то приспичило, приходилось выламывать дверь. У Татьяны было два сына 12 лет и 10, и дочка Вероничка 3 годика. Розочке было 11 и Раню 9 лет, и все мы оказались на шее у Тани. Она ни словом, ни делом не упрекала, не показывала, чтобы я что-то искала, а скорее напротив, успокаивала меня, мол в тесноте, да не в обиде.

Однажды придя с работы домой, меня ждала встреча с мамой Тани. Она с яростью набросилась на меня:

– Как тебе не стыдно. Пошла вон отсюда. Дочке и так тяжело, ещё ты на голову ей села со своими детьми, убирайся. Собирай свои монатки и проваливай.

Её трясло от гнева, и я молча, понимая, что она защищает свою дочь, начала складывать вещи. И тут зашла Татьяна. Оценив ситуацию, Таня строго посмотрела на свою мать:

– Значит так, это моя квартира, и я буду решать кому здесь жить, а кому уйти. Алла, ты никуда не уходишь. Распаковывай вещи.

Я была растерянна, кого слушаться, и приятно поражена, как за меня заступилась Танюша.

– Дура ты, а не мать Тереза! – крикнула мама и выскочила, громко хлопнув дверью. А Таня подошла, обняла меня, и тут меня прорвало. Как жить дальше, так вечно продолжаться не может, надо что то глобально менять в своей жизни, я не могу всю жизнь висеть у неё на шее. Но без денег, без документов, я снова в ловушке, из которой нет выхода. Таня вытерла мои слезы.

– Живи и не волнуйся. Всё будет хорошо.

Так мы продолжили вместе жить. Дети часто дрались, ругались, мы с Татьяной пытались с ними говорить, учили их дружить, но не всегда успешно. Ранешечка на выходные приезжала домой. И её любимая игра была спрятаться в ванной за ширмой и ждать. Мальчики ничего не подозревая, заходили в

туалет, и как только у них процесс мочеиспускания пошел, она вылетала из ванной и их пугала. Остановить это дело они не могли, и вокруг всё становилось мокрым.

Затем злые гонялись за ней по всей квартире, пока мы не вмешивались. Характер старшего сына Валеры был не сахар. От него не только его семья страдала, но и соседи жаловались. Трудный подростковый период давал о себе знать. Он спелся со своей бабушкой, чтобы нас выжить из дома. Но идти нам было некуда, и мы все терпели.

Так прошло пару месяцев, все было более менее стабильно.

И вот однажды в нашу столовую зашла семья покушать. Это редкий был случай, чтобы просто посторонние пришли, так как там всегда обедают базарщики, грузчики, уборщики и другой простой люд. Чтобы красиво с семьей отдохнуть, есть другие, более приличные места. Но тем не менее они зашли и заказали обед.

Что-то в женщине мне показалось знакомым. Рядом бегал сладкий мальчуган лет четырех и что то весело лопотал. Я еще раз внимательно пригляделась к женщине и замерла.

Это была Сабина, та самая, с кем мы вместе пролежали в больнице во время беременности, вместе выносили и родили наших малышей. И вот её малыш бегаёт, счастливый, а моего нет. Вся боль, которую я пыталась загасить, снова поднялась во мне. И не задумываясь, где я нахожусь, снова

предалась горю. Мой плач услышала Сабина, и подошла ко мне.

– Не может быть, Алла, это ты? Почему ты здесь и где твой сын, что с тобой произошло? – пытаюсь меня утешить Сабина обнимала меня как ребенка, вытирала слезы и что-то напевала, поглаживая по спине.

Немного успокоившись, я вкратце рассказала ей мои злоключения. На глазах у неё стояли слезы, она скорбела вместе со мной.

– Послушай родная, тебе нужна помощь Бога. Только в нём ты увидишь выход из создавшейся ситуации. Можно я тебя в воскресенье в церковь поведу?

Кивнув головой, я обняла Сабину и вернулась к работе. Договорившись на один выходной в неделю с хозяином, в воскресенье, оставив детей дома, я вышла навстречу новым ощущениям. Меня Сабина встретила и повела в церковь. Церковь для меня была очень не обычная, без икон, без крестов, там просто стояли деревянные скамейки, была сцена, на которой тоже стояли стулья.

Красивые занавески на окнах, деревянные полы, создавали атмосферу уюта и теплоты. Помня православный храм, куда я пошла в поиске Бога, то там изобилие икон, всякой позолоты, красивой росписи на стенах давили меня и отпугивали. А здесь было легко и просто. Я села в самый дальний ряд, попросив Сабину на меня не обращать внимание. Оглядываясь по сторонам, наблюдая за людьми, я видела как они радуются жизни, снуют

туда, сюда и мне захотелось стать частью этого. И вот все затихли, вышел какой-то мужчина, потом я узнала что это пастырь Иоанн. Помолившись, он открыл собрание. Поднялись люди, что сидели на сцене и запели песни. Это был удивительный хор, как ангелы, их пение касалось сердца, и я расплакалась. Вспоминая смерть сына, паралич, болезни девочек, мою немощь, я взмолилась невидимому Богу.

– Господи, вот я пришла, я нашла Тебя, помоги мне, прости меня и помоги мне.

Слёзы градом катились по моим щекам, я чувствовала, что я дома, что всё будет хорошо. Возле меня сел мужчина с белой бородой в клетчатой рубашке. Мне стыдно было поднять голову и посмотреть на его лицо. Показывать слезы не хотелось. Он слегка приобнял меня, положив руку на плечо, а я положив голову ему на грудь, залилась слезами. Как будто я у папы на груди, я оплакивала всё, что накопилось за все эти годы.

Глава тридцать пятая

Боль, разочарование, потери, отчаяние, я как будто отдавала через эти слезы. После песен на кафедру поднялся пастырь Иоанн и начал говорить. Остановив слёзы, я пыталась прислушаться, к тому, что он говорил.

Он рассказывал о блудном сыне и его бедах, и о его возвращении домой. И с какой любовью его принял назад отец. Всклипывая, но уже немного успокоившись, я слушала с замиранием сердца. Когда пастырь закончил и все встали для молитвы, тот мужчина тоже встал и растворился в толпе. Я подумала о том, что надо найти этого мужчину и поблагодарить его. После молитвы хотела тихо улизнуть, как вдруг передо мной предстал Пастырь Иоанн собственной персоной.

– Здравствуйте сестра, я хотел бы поближе с вами познакомиться. Пройдемте ко мне в кабинет пожалуйста.

Смущенная, слегка встревоженная, я последовала за ним.

— Присаживайтесь, пожалуйста, — пастырь указал мне на кресло и сел напротив меня. – Сестра, всё служение я наблюдал за вами. Видел ваше отчаяние и боль, вы можете рассказать, что у вас произошло.

Он так был искренен, что впервые забыв о стеснении, вкратце, как могла, поведала о моих

бедах. О той боли, которая не давала мне жить, о тех стеснённых обстоятельствах, в которых я оказалась. Он внимательно выслушал меня, и после минутного молчания сказал:

— Сестра Алла, когда я выходил на сцену, то у меня была заготовлена другая проповедь. Но Бог показал мне на вас и проговорил мне, чтобы я сегодня говорил о любви, о Его безграничной любви именно к вам. Вы не смотрели на меня, но именно сегодня всё это служение было посвящено вам. Я видел ваши слезы, видел вашу боль, и мне было жаль, что ни один прихожанин, а их здесь не мало, не подсел к вам и не утешил вас.

Я с удивлением подняла глаза и посмотрела на пастыря:

— Пастырь Иоанн, может вы не туда смотрели, возле меня сидел мужчина с белой бородой, в клетчатой рубашке. И все служение он утешал меня, как отец утешает ребенка.

— Нет сестра, я смотрел туда, куда надо, к тому же, у нас нет человека с белой бородой, — сказал Иоанн и замер.

И тут мы оба одновременно поняли, что это сам Бог пришел утешить меня. Пастор встал, протянул мне руку и крепко пожал её.

— Добро пожаловать в дом Божий, вы в правильное время и в правильном месте находитесь. Господь на вашей стороне, и Его Слава воссияет в вашей жизни.

Выйдя из здания, я глянула на небо и вздохнула с такой силой, как будто всё то, что

мешало полноценно дышать, вышло наружу. Почувствовав лёгкость во всем теле, я неслась на всех парусах домой, порадовать всех такой новостью. Еще ничего не изменилось, я по-прежнему в тех же обстоятельствах, но уверенность, что это уже не только моя проблема, и Сам Бог взял ситуацию в Свои руки, придавало мне силы жить и бороться. Дома на меня посмотрели скептически. Таня вообще развела руками, только сектанта в моём доме и не хватало. Но выгонять не стала, попросив быть поосторожнее.

И так я стала верующей. Каждый день я ходила на работу, приносила какие-то копейки и завернутый мой обед, делила на тех, кто оказывался дома, как говорится, в большой семье не щелкают. Кто успел, тот и съел.

По воскресеньям я начала посещать собрание, приходила со своими детьми. Розе нравилась воскресная школа, и она с удовольствием занималась. Рано, наоборот, была гиперактивная, и если я забывала дать ей лекарство, то она всех на уши ставила и срывала уроки. Но тем не менее я поражалась их любви и долготерпению.

Подружившись с некоторыми женщинами, я также по вечерам посещала домашние собрания, где я ближе и ближе знакомилась с Богом и Его Сыном. Всю жизнь меня отвергали, родные и близкие мне люди предавали, а тут абсолютно чужие люди стали так близки, и это не было наиграно. Я видела и чувствовала их любовь по отношению ко мне, и меня это завораживало. У меня глаза всегда были на

мокром месте, и это было от счастья. Я принята, я любима, я нужна. Мне хотелось летать от счастья, хотя обстоятельства в моей жизни не изменились: Рано все также попадала в больницу, и мне приходилось влезать в ещё большие долги, Роза временами жаловалась на колющие боли в боку, я работала за копейки и за кусок хлеба, всё также кружилась голова, но сознание я не теряла и меня это устраивало. Часто по вечерам приходила в гости Зира и приводила Равшанчика, и он оставался на несколько дней. Таня уже махнула рукой, где пятеро там и шестой прокормится.

По воскресеньям начинался веселый балаган. Все дети хотели пойти со мной в церковь. Там детей вкусно угощали, и Роза постоянно что-то приносила и рассказывала как там интересно. И все загорелись, только Татьяна была непреклонна, но разрешила детей взять с собой. А дети между собой договорились на меня говорить мама. И вот я вместе с шестью детьми шла в церковь, и все дети кричали на всю улицу: «Это наша мама».

На служении у меня забирали детей и распределяли их по группам. Сама я записалась в хор, так как мечтала петь, но стеснялась своего голоса, так как мне всю жизнь говорили, что мне слон на ухо наступил. Но прослушав, мне сказали, что у меня чистый второй голос. Помня своё первое выступление, я просто стояла на сцене, смотрела в зал и плакала. Неужели это со мной происходит, ущипните меня. То ли ещё будет, промелькнула мысль, не видел того глаз, и не слышало ухо, что

приготовил Господь любящим Его. Мой дух ликовал, я не могла этого объяснить, но это было прекрасно. Прошло два месяца, как я посещала собрание. Много возникало вопросов, непонимания, даже приходили сомнения. А вдруг я попала в секту? И ещё и детям навязываю эту религию. Но потом успокаивалась. Пусть как идёт, так идёт, время покажет, что правильно, а что нет.

Но вот однажды утром, когда все собирались, кто на работу, кто в школу, кто в садик, Роза заявила, что не пойдёт в школу, что ей больно в боку. Помня, сколько раз она находила причину, чтобы пропустить школу, ко мне на работу рвалась, чтобы помочь, я покачала головой:

– Ну уж нет, учиться это важно, и ты пойдешь в школу. И это не обсуждается.

Я развернулась, чтобы пойти на работу, и услышала крик:

— Мама, мне больно! Очень-очень!

Я посмотрела на дочь, а она села на корточки, держась за живот. В глазах стояли слёзы. Поняв, что это не выдумка, вызвали скорую и поехали с ней в больницу. Положив её в стационар, срочно сделали обследование, и врач вызвал меня к себе:

— У вашей дочери поликистоз почек. Очень запущенная стадия. У неё нет шанса дожить до трансплантации почки. Единственный выход, какой я вижу, сделать срочно операцию по удалению одной почки, а вторую постараться спасти. Шанс невелик, операция очень тяжёлая. И если даже она пройдёт

операцию успешно, нет шанса, что вторая почка выдержит нагрузку растущего организма. Она также больна, но не в запущенной стадии. Вы согласны на операцию?

Я слушала доктора и не верила своим ушам. Казалось, я пришла к Богу, и такое со мной не должно было произойти, и вот снова беда. Я сидела, оглушённая услышанным, а врач продолжил:

— Честно говоря, эта операция продлит ей жизнь, но нет гарантии, что она проживет долгую жизнь. У неё наследственная болезнь, а вы её запустили, и не лечили. Единственный выход, сделав сейчас эту операцию, продлить ей жизнь и поставить на очередь трансплантации. Но это очень дорого.

— Всё, что нужно делать, делайте, — сухо сказала я. — Я могу идти?

Выйдя от врача, я не пошла в палату, где лежала дочка, хотя она меня ждала. Я пошла напрямиком в церковь. Там каждый день собирались люди, что-то обсуждали или молились, проводили какие-то служения. Я села на задний ряд и дала волю слезам.

— Господи, за что ты меня так наказываешь? Ты поднял меня с кровати, чтобы я похоронила свою дочь, да не будет этого со мною. Что мне делать? Услышав мой плач, ко мне подошел пастырь Иоанн. Обняв меня, он выслушал, в какую беду попала я с дочкой и спросил:

— Сестра Алла, вы можете в воскресенье её привести на собрание. Её отпустят из больницы?

Без всякой надежды я кивнула и ушла. Сейчас каждый день на счету. Срочную операцию назначили на следующей неделе, надо ещё многое купить. Снова влезать в долги, мне уже было стыдно приходиться в аптеку, и страшно было подумать, какая сумма там набежала.

А Розу тем временем готовили к операции. Обследование, анализы, УЗИ, уколы, снимающие боль и воспаление.

Утром в воскресенье я пришла к дежурному врачу, и дала подписку, что под мою ответственность забираю на один день ребёнка. Я попросила сделать ей укол от боли, так как без него, Роза страдает от диких болей. И вот мы в церкви. Когда все песни были спеты, и пастырь помолвившись, открыл собрание, все сели и пастырь сказал:

– У нас есть маленькая девочка, которая нуждается в молитвенной поддержке. Ей предстоит сложная операция. Но у меня есть вера молиться, чтобы без операции, Бог разрешил эту ситуацию. У кого нет веры, без обид, выйдите на время молитвы.

Я встала и вышла.

Я знала, что невозможно обойти эту операцию стороной. Ей суждено быть, иначе ребёнок умрёт. Пока я шла, в церкви стояла гробовая тишина, были слышны только мои шаги, и когда за мной закрылась дверь, вся церковь громко возносила молитвы к Богу. Я не молилась, а сидела и плакала от безысходности. Затем Роза вышла, на её глазах были слёзы от боли, так как укол перестал

действовать. Бледная, измученная, она улыбнулась мне и сказала:

– Мама, не плачь, пастырь сказал, что я абсолютно здорова, и операции не будет.

Я с любовью на неё посмотрела и обняла, подумав, наивная девочка, верит всему, что говорят. Мы вернулись в больницу и подготовка к операции продолжилась.

В день операции врач пришёл еще раз проверить Розу, и дал направление на УЗИ, чтобы иметь самые свежие данные и проверить свой план операции.

Это направление давало мне возможность не ожидая очереди и бесплатно попасть на дорогостоящую проверку. Мы пришли, показали проходной билет и прошли на УЗИ. Доктор положил Розу на кушетку и начал проверять.

И тут доктор посмотрел на меня, как Ленин на буржуазию:

– Женщина, как вам не стыдно? Без очереди, без денег, обманув всех, пришли на бесплатную проверку!

– О чём вы говорите? У нас сегодня операция, и это врач меня направил по-срочному.

Я растерянно смотрела на доктора, не понимая его реакции.

– Женщина, какая операция? У неё абсолютно здоровые почки. Что вы мне тут голову морочите, позовите следующего. – Он что-то чиркнул и подал мне карточку ребёнка.

Мы с Розой вышли и сели в коридоре. Я только сейчас обратила внимание, что утром её не обкалывали, чтобы снять боль, но и она не жалуется и не держится за бок. Как это может быть? Неужели Бог по молитве церкви и по вере ребенка совершил чудо? Мы обнялись и сидели какое-то время плача и благодаря Бога.

Когда, вернувшись к лечащему врачу и ещё раз всё проверив, мы сдали анализы, тогда нам отменили операцию, подтвердив чудесное исцеление. Куда бы мы ни ходили на проверки, я всем твердила:

- За неё молились, Бог исцелил.

Кто верил, кто нет. Но мне было всё равно, теперь я точно знала — я нашла своего Отца, и больше Его не потеряю. На следующее воскресенье я, как обычно, со всеми детьми, пришла на собрание. И во время проповеди пастырь сказал:

— У нас в церкви произошло чудо. И я попрошу выйти сюда и поделиться свидетельством Славы Божьей.

Я точно знала, что мне надо выйти, но глянув в зал и увидев сотни глаз, решила, что не выйду. Может ещё у кого-то чудо было, и меня эта чаша обойдет, но никто не выходил, а пастырь ждал, хотя я ему ничего не говорила. И вдруг меня, как будто кто-то ущипнул за попу, и я резко подскочила.

— Прощу сестра, выходите, возьмите микрофон и расскажите, что Бог сделал в вашей жизни.

У меня не было выбора, кроме как выйти и взять микрофон. Взглянув в зал и увидев огромное количество людей, когда все смотрели на меня с любовью и пониманием, осознав, что это моя семья и я никогда не буду больше одинока, меня наполнила такая любовь к Богу и Его семье, что разрыдавшись, я поведала о том, какое чудо произошло с моим ребенком, поблагодарив всех, кто молился и не остался равнодушным.

Глава тридцать шестая

Это для меня стало большим свидетельством, что Бог Живой и реальный, и я нашла, то что искала. Постепенно и Рано перестала попадать в больницу. Чему я несказанно радовалась: очень не хотелось встречаться с фармацевтами. Мне было стыдно даже мимо аптеки проходить. Несмотря на прогноз врачей, а они утверждали, что ей будет хуже и хуже, и чтобы я от неё отказалась в пользу медицины, я видела, что Бог работает и над исцелением Рано. Это дало мне силы и дальше за неё бороться, тем более, зная как Бог исцелил Розу.

Человеческим умом это не понять, как врожденные больные почки за одну ночь стали здоровыми. У меня возросла вера и надежда, а сердце наполнилось любовью к Богу и окружающим. Таня по-прежнему скептически относилась ко всему происходящему, но ей нравилось, что дети со мной ходят на служение, а особенно старший сын. Его поведение стало более покладистым, соседи перестали на него жаловаться, да и сам он старался учиться и помогать маме. И это возымело своё действие.

Она стала прислушиваться ко мне, но смеялась:

– Детский сад «Ромашка»: песенки поют, в ладоши хлопают, точно как я с детками в саду. Как

маленькие. Вы ходите, но меня не трогайте, мне детского сада и на работе хватает.

Но однажды к ней подошел Валера, старший сын и сказал:

– Знаешь мама, ты наверное права, ты не ходишь в церковь, и я не пойду. Что мы там забыли?

Но это Таню не обрадовало, ей не хотелось, чтобы сын вернулся к своим старым привычкам:

– Сынок, ну что ты, нельзя не ходить в церковь. А знаешь, я тоже пойду с тобой. Но только один раз. Хорошо?

Она обняла мальчика: «Уж лучше поступиться принципами, при этом верующей можно и не быть», - подумала Татьяна, целуя сына в лоб.

И вот, в воскресенье мы всей семьёй пошли в церковь. Предупредив меня, что если ей станет смешно, она выйдет из зала, и чтобы я её не уговаривала остаться, мы сели в ожидании начала. Больше всего поразила Таню атмосфера покоя и любви. Вероника, которой на тот период было чуть больше трёх лет, отказалась идти в группу, зная, что мама в зале, и постоянно крутилась, мешала всем кто был поблизости, но при этом никто не сделал замечания, не фыркнул, а наоборот, одна бабуля подошла к ней и угостила конфеткой, чему ребёнок обрадовался и успокоился.

Затем началось служение, мы спели пару песен и пастырь Иоанн объявил:

– Сегодня к нам приехал ансамбль саксофонистов. Они хотят дать нам концерт и своей музыкой прославить Творца.

Человек двадцать вышло на сцену со своими инструментами и пока они готовились, я глянула на Таню. По глазам у неё текли слезы, и она не могла их остановить. Немного встревожившись, я спросила все ли нормально, на что она, вытирая слезы ответила:

– Моя мечта была попасть на концерт саксофонистов. Это самый любимый инструмент, звучание которого меня приводит в восторг. Но я не могла себе позволить такую роскошь, И я не ожидала, что именно в церкви, моя мечта осуществится. Бог есть, теперь я верю, Он знал, как достучаться до меня.

Мы обнялись и расплакались, но это были слезы благодарности. Начался концерт, это действительно было бесподобно и божественно. На протяжении всего выступления мы вытирали глаза и восхищались Божьим присутствием. Как будто всё Небо ликовало вместе с нами. Когда мы шли обратно, я пошутила:

– Ты сказала, что если будет смешно, ты уйдешь. И что? Ты много смеялась? Больше ты не пойдешь в церковь? – меня интересовало её впечатление, при этом я понимала, что её Бог точно коснулся.

Она улыbnулась и обняла меня, и это было красноречивее всех слов. Не зря сказано: «Спасешься ты и весь дом твой».

Это был мой первый плод, и я ликовала. Так проходили недели, кто на работе, кто в школе, кто в садике, а по воскресеньем всей толпой мы шли в

церковь. Я просила каждый раз чтобы Зира на выходные приводила Равшанчика, и мы вместе проводили время. Уходя он постоянно плакал и просился остаться на совсем. Но я не имела на него никаких прав, и от этого сердце разрывалось на части.

Жумабой тоже иногда навещал нас и временами уговаривал меня вернуться. Но мне так понравилась свобода, что снова возвращаться в кабалу не хотелось. Я по-прежнему его боялась, хоть и осознавала, что он потерял надо мной власть, мне было до жути страшно, когда он приходил.

К тому же, испытывая к нему ненависть, за всё, через что мне пришлось пройти, Бог работал над моим сердцем, чтобы я его простила, показав своим примером, как нужно прощать. И я его прощала на расстоянии, но как только он показывался на горизонте, вся ненависть снова поднималась во мне, и я ничего с этим не могла сделать.

Я продолжала работать в столовой, потихоньку силы возвращались ко мне. Уже меньше кружилась голова, и я с настроением бежала на работу и с удовольствием мыла посуду и убирала двор. Ребята на работе уже перестали ко мне приставать, и даже стали уважать меня за стойкость и выносливость.

Роза всё больше времени проводила в школе или дома, занимаясь. Она много пропустила занятий, и Татьяна занимаясь с ней, пыталась догнать школьный материал. Не смотря на то что, она

получила полное исцеление почек, Роза продолжала жаловаться на недомогание. Сделав полное обследование, у неё в позвоночнике обнаружилась небольшая трещина и искривление, результат травмы, когда дверь грузовика ударила её по спине. Пришлось на полгода одеть её в гипсовый корсет, что вызывало много неудобств, но это нужно было, для того, чтобы в будущем не болела спина.

Тем временем Рано продолжала жить в интернате, а на выходные я забирала её домой под расписку. Она очень сильно скучала за Равшанчиком, и из-за этого набрасывалась с агрессией на сверстников. На неё жаловались все воспитатели, но я только разводила руками, что ничего не могу поделать.

Меня радовало, что приступы удушья прекратились, и она перестала попадать в больницу. Я видела Руку Божью на мне, что Он начал исцелять и восстанавливать наше здоровье, и радовалась этим переменам.

Сколько раз смерть преследовала меня и моих детей, и теперь ходя в церковь, я вдруг осознала, вот та жизнь, которая прогонит смерть. И мне стало легко и радостно дышать полной грудью и просто радоваться жизни.

По вечерам, уложив всех детей спать, мы с Танюшей сидели за чашкой чая и общались допоздна, смеясь шуткам, размышляя о жизни, о наших с ней разногласиях, удивляясь тому, как Бог забрал вражду между нами и дал нам одно сердце на двоих.

По-прежнему мы и наши дети не доедали, ЖКХ обходили стороной, так как долги росли: коммунальные услуги не платились по полгода и больше. Несколько раз приходили домой и отключали свет и газ, но Таня звала знакомых, которые могли снова всё подключить, но при этом надо было вести себя осторожно и прятаться от проверок. Это уже было подсудное дело. Научили детей как вести себя, если они одни дома: проверять кто стучится, не шуметь и посторонним дверь не открывать. Вот так проходило время, но однажды всё изменилось.

Глава тридцать седьмая

Как-то я работала в столовой и вдруг увидела маму Тани с незнакомым мужчиной. Она показывала на меня и что-то говорила. Помня её отношение ко мне, я слегка напряглась. Но вот мужчина попрощался с ней и подошел ко мне:

– Здравствуйте, это вы Ткач Алевтина Исааковна? – мужчина был элегантно одет, при галстукке и с портфелем, как министр.

В его присутствии я почувствовала себя преступницей и заикаясь спросила:

– Я в чём-то виновата? Да это я, а что случилось, и что вам от меня надо? – на нас стали поглядывать недоброжелательно, и хозяин столовой нахмурился, дав сигнал возвращаться к работе.

Но мужчина, взяв меня под руку, отвел в сторону и продолжил спрашивать:

– Гительман Анатолий Ефимович, вы его знаете? – ещё больше испугавшись неизвестности, я махнула головой.

– Это мой родной дядя, брат моей родной мамы, а в чём собственно дело, извините, мне нужно вернуться к работе, или меня уволят. – Я хотела уже повернуться, чтобы уйти, но он меня остановил. И то, что я услышала, повергло меня в шок.

– Я частный сыщик. Меня нанял ваш дядя, чтобы я вас нашёл и переправил за границу к нему. Он с семьей живет в Германии. Город Дюссельдорф.

Больше полугода я вас ищу. И на Украине побывал, в Харькове, в Бердичеве, следы привели в Узбекистан, затем в Киргизию, и вот, наконец вернувшись в Узбекистан, я вышел на маму человека, который вас приютил.

Я слушала, раскрыв рот, и не веря своим ушам. За всю жизнь, с дядей Толей я познакомилась в свои шестнадцать лет, когда с братом мы приехали в Москву на неделю, а затем вылетели в Семипалатинск. В Москве мне было хорошо, но время пребывания в Семипалатинске оставило тяжелый след в моей жизни, и я постаралась вычеркнуть эту главу из моей жизни и не вспоминать, но тут выясняется, что дядя Толя меня искал, но зачем?

По моим мысленным подсчетам, он начал меня искать в то время, когда я пришла в церковь и отдала свою жизнь Иисусу Христу. Я удивленно посмотрела на сыщика.

– Ну вот, вы меня нашли. И что дальше? – мне это начинало нравиться.

– А дальше это работа вашего дяди. Я свою миссию выполнил. Дайте мне телефон, куда он вечером позвонит. И вам нужно собрать необходимые документы, и поехать в посольство Германии за визой. Он так это спокойно говорил, что это ввело меня в транс.

– Как мне собирать документы? Мне нельзя не работать, иначе дети голодают. Когда я этим буду заниматься? Это во-первых, а, во-вторых у меня нет ни паспорта, ни метрики, ни-че-го! На

восстановление нужны большие деньги, где мне их взять? Чтобы подать на развод, тоже нужны деньги. Вы так это легко говорите, как будто я их рисую.

Спокойно выслушав мою тираду, он полез в кошелек и достал пятьдесят долларов:

— На первое время вам этого хватит. А затем ваш дядя будет вас финансировать и помогать вам. Всего хорошего. Записав Татьянин телефон в блокнот он раскланялся и ушел. Я аккуратно положила купюру в карман и вернулась к своим обязанностям.

Не зная, какой курс валюты, я предупредила всех, что дорабатываю сегодня и ухожу.

Сердце ликовало и казалось сейчас выпрыгнет из груди. Вечером, получив от каждого то, что мне причиталось, я пошла в обменный пункт и дав купюру в обмен получила 80 000 сом. При том, что зарплата Татьяны была 8000 сом. Я не верила своему счастью. Да Господь, велики и чудны дела Твои. Размышляла я, летя домой. Уже было поздно что либо покупать, и я даже ничего не сказала, решив на завтра сделать сюрприз.

Вечером мне позвонил дядя Толя, и задав вопросы, относительно моего детства, и получив доказательство, что я - это я, он дал мне задания начинать всё восстанавливать и не переживать за финансы. Каждый месяц я буду получать пятьдесят баксов. Поговорив по телефону и положив трубку, я смотрела на детей, на Таню и восхищалась, таким поворотом событий. Всегда утром я первая выбегала на работу, а тут все заметили, что я никуда не

тороплюсь. Помогла всем собраться, кому в школу, кому в садик. Я еле сдерживалась, чтобы не проговориться, чтобы не испортить сюрприз, глаза у меня были на мокром месте, но это были слезы счастья, и я пока не хотела им всё объяснять, всему свое время. Таня пробовала меня разговорить, но я таинственно молчала.

Когда все ушли, я дома навела генеральную уборку, пошла в магазин и накупила много вкусной еды: колбасу, сыр, фрукты, овощи, мясо -- наготовила разнообразные блюда. Дождавшись окончания работы Татьяны, я пришла к ней на работу, и вместе мы пошли в ЖКХ. Увидев куда мы идем, Татьяна побледнела и схватив меня за руку умоляюще спросила:

– Алла, что я тебе сделала, за что ты меня сдаешь? – она была не на шутку встревожена.

Но я ничего не говоря, завела её внутрь и напрямик к заведующей. Таня бледная, понутив голову, шла за мной как на убой. На нас смотрели как на врагов народа, и я внутренне ликовала, понимая, что сейчас произойдет.

– Сами решили прийти, сдать? – заведующая посмотрела на нас с издевкой. Я спокойно на неё посмотрела и сказала:

– Посчитайте сколько вам должна Татьяна, со всеми процентами и пени, за все месяцы.

Мы сели, а заведующая достала папку и начала всё подсчитывать. Таня была бледнее снега, не зная, что её ожидает. Взяв её за руку, я спокойно сказала:

– Всё хорошо, родная. Только не бойся. Когда заведующая огласила сумму, то честно говоря, и мне стало не хорошо. А Татьяна, вообще дёрнулась и замерла. Я спокойно встала, и достав пачку денег, отсчитала им необходимую сумму. Надо было видеть взгляды людей, которые в шоке наблюдали за нами. Таня, посмотрела на меня и расплакалась:

– Откуда такие деньги? Ты кого-то ограбила? Мне грязные деньги не нужны. Не поступай плохо. Успокоив её, пообещав, что потом всё объясню, я расплатилась, и мы вышли.

-- Не надо жить в страхе перед властью, будем жить в свободе и спокойно открывать дверь, когда кто-то постучит, -- Таня в шоке ждала моего объяснения.

Ещё больше было удивления, когда, зайдя домой и учуяв запах вкусной еды, Таня открыла холодильник и чуть не потеряла сознание. Я дала ей воду, усадила на диван, и рассказала, как нашел меня дядя и передал для меня денег, чтобы я могла всё восстановить. Я Тане сказала:

– Ты не побоялась трудностей, когда согласилась меня приютить с двумя больными детьми, пошла против своих родных, защищая меня, поделилась своим кровом и пищей, возможно забирая у своих детей, и Бог вознаграждает тебя за такое смиренное и щедрое сердце. Теперь я беру на себя финансы, чтобы заботиться о всех нас. Бог Живой и это доказательство его любви к нам.

В тот день мы наелись до отвала, и благодарили Бога за чудеса, которые он послал нам.

На следующий день я счастливая пошла в аптеку, чтобы еще один долг погасить. Давно я здесь не была, но и избегала даже мимо проходить. В аптеке был также заведующий и тот парень, который меня всегда обслуживал. Они очень удивились, увидев сияющую улыбку на моем лице.

Обычно со слезами на глазах, я вымаливала лекарство, а теперь вся светилась от счастья. Попросив их также посчитать сколько я им должна, они махнули рукой, мол типа они ничего не требуют, но я настояла на своем, и они открыв свои записи подсчитали и назвали мне сумму.

Сумма не сильно отличалась от той суммы, что мы оставили в ЖКХ. Я достала пачку денег и положила им на стол. Там было больше, чем они сказали. Но я сдачу не взяла, а со слезами на глазах сказала:

– Вы были так добры ко мне, когда я пришла молить о лекарствах. Вы не надеялись, что когда-нибудь я с вами рассчитаюсь, но речь шла о жизни ребёнка, и вы не скупились, помогая мне. Это не я, а Бог воздает вам по богатству Своему. Спасибо вам большое, а сдачу поделите между собой.

Ещё раз поблагодарив их, я вышла из аптеки, и глубоко набрав воздух в легкие выкрикнула в небо:

– Слава Тебе Господь! Ты пришел отпустить измученных на свободу. Я свободна! Я свободна! Ура! Спасибо тебе, Иисус!

С лёгким сердцем, без долгов я неслась навстречу своей мечте. Восстановить документы и выехать в Германию. Я понимала, что трудности ещё

будут. Детей от мусульман не так легко вывезти, Жумабой их так просто не отпустит, документы надо с нуля оформлять, на развод подавать, много что надо ещё сделать. Но я осознавала, что я теперь не одна. Бог на моей стороне, и Он мне поможет, через всё пройти и устоять. То ли ещё будет, кружилась мысль в моей голове, и я понимала, что эта мысль не моя.

Глава тридцать восьмая

Первым делом я отправила запрос в ЗАГС города Семипалатинск. И пошла в министерство внутренних дел, чтобы сделать вид на жительство, временный паспорт. Постоянный паспорт мне был не положен, но честно говоря, я не помню почему. Не работая, но при этом ни в чём не нуждаясь, я чувствовала себя королевой. Впервые за всю свою жизнь я улыбалась новому дню и радовалась как ребёнок. Теперь я точно знала, что Бог меня не бросит. Как вовремя меня нашёл дядя, при том, что он никогда мной не интересовался.

Всё это было странно, но я решила не тревожиться об этом, главное есть финансовая помощь, и я могу не думать о хлебе насущном, а просто жить и радоваться жизни. Все вместе огромной семьей мы ходили в церковь.

Я получила откровение, что Бог восстановит Рано и исцелит её. Но пока она находилась в интернате для умственно отсталых детей, не разговаривала, а только криком пыталась объяснить, что ей было нужно. Когда мне разрешали её брать домой, каждый раз я подписывала документ, что если я не досмотрю и кто-то пострадает из-за нее, то меня лишат материнства и посадят в тюрьму. Но уверенная в себе я спокойно подписывала документ, не переживая ни о чём. Всегда, когда она была дома, я просила чтобы приводили Равшанчика, и его присутствие убирало всякую агрессию у Рано, и они дружно игрались в песочке, строя домики.

Но вот однажды, будучи на выходных дома, Рано не знала куда себя деть. Равшан не пришел, и она вышла во двор, оглядываясь по сторонам, ища его. Я из окна наблюдала за ней, что будет дальше. На детской площадке была высокая лестница, где любили лазать дети. И Рано смело отправилась туда. Залезла на самый верх и громко начала смеяться. Я наблюдая за ней, была спокойна. Зная, что она не будет прыгать, потому что боится высоты и крепко держится. Но тут я заволновалась, увидев, что по направлению к ней лезет соседский мальчишка, чуть постарше неё. Зная его вздорный характер, и что он всегда пытался её задеть, толкнуть или ущипнуть, почувствовав недоброе я выскочила на улицу. А тем временем пацан оказался рядом с ней и начал её толкать, чтобы скинуть сверху. Рано крепко схватилась за поручни и начала кричать, боясь упасть, а это ещё больше раззадорило мальчишку, и он смеясь над ней, пытался разжать ей руки, чтобы свалить её оттуда.

В этот момент я подбежала и крикнула ему, чтобы он оставил девочку в покое. Увидев меня он отпустил её и хотел спуститься, но Рано осмелев, увидев маму рядом, со всей силы ударила его ногой по животу. От неожиданности и боли, руки мальчика соскользнули, и он полетел вниз. На земле лежали острые булыжники, и при приземлении он ударился головой об камень и замер. Из головы пошла кровь. Я смотрела на неподвижно лежавшего ребенка и понимала, это конец. У меня заберут детей, а меня посадят. Дальше было как во сне. Прибежали его

родители, вызвали скорую помощь, ребенок был ещё жив, но в очень тяжелом состоянии. На меня пошли с кулаками, мол убьём тебя и твоё отродье. Но были соседи, которые видели всё, что происходило, и встали на мою сторону. Взмолившись Богу, я попросила Его, чтобы ребёнок остался жив, и чтобы меня не лишили материнства. Шло следствие, допрашивали меня, свидетелей, все соседи были на моей стороне. И в результате меня оправдали, вынесли вердикт о несчастном случае. При этом запретили на какое-то время забирать дочку из интерната.

Я уже, честно говоря, мечтала выехать отсюда, и считала дни, когда запрошенные документы придут из Казахстана. Получив вид на жительство, я пошла в суд и подала на развод. Трижды откладывали слушание, так как Жумабой, хоть и получал повестку, не являлся.

Каждый раз идя на суд, меня охватывала паника, что я вновь его увижу. Внутри всё опускалось от страха, и хоть он перестал преследовать меня, а приходил с такой мольбой, чтобы я к нему вернулась, всё же эти встречи наводили на меня ужас. Бог работал надо мной, чтобы я его простила и отпустила, тогда и страх уйдет, но у меня это плохо получалось. Говорят, время лечит, поэтому и надеялась, что когда-нибудь смогу простить. На третий раз меня автоматически развели, без участия ответчика. И я радостная и счастливая побежала домой. Через пару месяцев пришли документы из Семипалатинска.

Глава тридцать девятая

Все документы я собрала и заказала очередь в посольство Германии. Дядя Толя каждый вечер звонил и спрашивал о моих делах. Раз в месяц мы получали пятьдесят долларов и шиковали на них. Я понимала, что скоро уеду, и поэтому настояла на том, чтобы Таня уволилась из детского сада, и пошла на огромное предприятие работать. Там нужно было заплатить за учёбу и не работать, так как занятия занимают всё рабочее время.

Так как денег хватало, мы могли себе это позволить. И Танюша, послушав меня так и поступила. С помощью этих денег мы посещали больницы для инвалидов, дома престарелых, устраивали им концерты, давали подарки, рассказывали о Боге.

Жизнь была настолько активной и отличалась от той, в которой я жила раньше. Впервые за всю жизнь, я научилась заливаться веселым смехом, и все слыша меня тоже смеялись, хоть и не знали причины смеха.

Все документы у меня уже были готовы. Не хватало только разрешения отца на вывоз детей за границу. Я долго не могла решиться пойти к нему в логово, помня как он угрожал мне, что не даст добро на это. Но дальше тянуть было нельзя, и взяв на всякий случай пятьдесят долларов, я пошла. Войдя в квартиру, в нос ударил запах затхлости и перегара. Жумабой сидел перед проигрывателем и пытался его починить. Кругом было убожество, беспорядок,

грязные тряпки лежали вместе с грязной посудой. Зрелище было не из приятных. Я зашла и тихо поздоровалась. Он измученно на меня посмотрел и встрепенулся.

– Привет дорогая, я так рад, что ты пришла, ты ко мне вернешься. Я так болен, врачи сказали нужно делать операцию, а у меня нет таких денег, – всегда когда мы ссорились, он пытался давить на жалость, зная мое сострадательное сердце. Но я была непреклонна.

– Послушай меня Жумабой. К тебе я точно не вернусь. Я пришла договориться с тобой пойти к нотариусу, где ты дашь разрешение на вывоз детей за границу. Что насчет болезни ты сам виноват, но я могу тебя отвести в церковь, и если ты покаешься, то Бог силён тебя исцелить.

У Жумабая глаза налились кровью. Он вскочил как раненый лев и начал носиться по квартире, круша всё на своём пути.

– Да ты дрянь, ты никогда не получишь от меня такого разрешения! Умолять будешь, не получишь. Ишь чего удумала, без меня развелась и ещё детей хочешь увезти! Нет, этот номер не пройдет. Убью тебя, но не отпущу!

Он так и брызгал слюной, распаяясь все больше и больше. Внутри у меня был холодок страха, но вида я не показывала. Выслушав его спокойно, я произнесла:

– Ты сказал, что тебе нужны деньги. Я готова выкупить у тебя моих детей. За то, что ты от них откажешься и дашь разрешение на выезд за

границу, я готова заплатить пятьдесят долларов. Это 80 000 сом, тебе хватит и на лечение, и на вложение в какое-то дело: возможность начать всё с чистого листа. Подумай об этом.

Зная его жадность к деньгам, это был беспроектный вариант. Но его реакция меня поразила.

– Ты за кого меня принимаешь, чтобы я продал детей? Да не в жизнь этого не будет!

Мне казалось он еле-еле сдерживается, чтобы меня не ударить. Но я была непреклонна.

– Подумай хорошо, – сказала я, – я могу за эти деньги купить вдовство, и мне не нужно будет разрешение от покойника. Я все равно уеду, хочешь ты этого или нет. И детей тебе не оставлю. Но я сейчас хожу в церковь и примирилась с Богом, не хочу тебя по документам хоронить. Это будет неправильно. Поэтому дай мне разрешение, а ты получишь деньги, много денег, – поняв, что эту битву он проиграл, сник и согласился. Мы договорились о времени и месте встречи, чтобы пойти к нотариусу.

Это был летний приятный день, и вся наша молодежь из церкви выехала на природу. Туристическое место, с огромным бассейном и приятной зеленой травой. Мне так не хотелось уходить оттуда, и для храбрости взяв Рано с собой, попросив чтобы за меня помолились, мы пошли. Жумабой ждал в условленном месте, и мы тронулись в путь. Дорога наша проходила мимо того бара, где он зависал с друзьями. У него явно горели трубы, но денег не было. Он остановился и сказал:

– Дай мне сейчас немного денег, мне нужно выпить и дальше пойдём.

Я ответила:

– Ты сейчас копейки не получишь, сделаем дело тогда и трать свои деньги.

От такой дерзости и смелости у него перехватило дыхание. Всегда тихая, робкая, побитая, вдруг так осмелела. Рано прижалась ко мне, чувствуя угрозу со стороны отца.

– Слышь ты, ты кто такая, что со мной так разговариваешь. Да я тебя сейчас побью и заберу деньги, и мне никто ничего не сделает. – И он реально замахнулся на меня.

Зная, что все десять лет, что я с ним жила, его ничто не останавливало ударить меня и ребенка, я закрыла глаза и взмолилась:

– Господи, он меня бил, потому что я была сирота, но теперь я Твоя дочь. Защити. Не дай меня в обиду.

Подождав какое-то время и не получив удар, я осторожно открыла глаза. Жумабой стоял бледный и трясся. Придя в себя он шепотом спросил:

– Почему я тебя ударить не могу?

Я смело на него посмотрела и ответила:

– Мой Бог, защита моя, и не убоюсь, что сделает мне человек!

Мы двинулись дальше, я в сердце ликовала. Поборов страх перед мужем, я получила такую лёгкость в теле, что казалось взлечу. Мы пришли к нотариусу и составили все документы. Я даже потребовала, чтобы он написал отказ от своих прав

на детей, так как по закону, даже если родители не растили детей, то дети всё равно платят алименты своим престарелым родителям. Вначале он как мог сопротивлялся, а затем, помня о деньгах согласился.

Выйдя из нотариальной конторы, я вручила ему деньги. Он потребовал, чтобы мы вместе пошли в обменный пункт и обменяли. Когда ему выдавали деньги, у него задрожали руки. Такую сумму он никогда не держал в руках. Когда мы вышли на улицу, я протянула ему руку и пожалала её.

– Послушай меня внимательно. То, что ты сейчас получил, это не взятка, а благодарность за то, что у меня есть дети от тебя, и я уже никогда не буду одинока. Я не заработала эти деньги. Это Бог меня благословил. Поэтому не трать их на спиртное или на проституток. Вылечись, вложи их в дело, тебе представился ещё один шанс, не упусти его. Если же хоть чуть-чуть ты потратишь их на плохое, то остальное ты потеряешь.

Я развернулась, взяла за руку дочку, и мы пошли счастливые. Это была великая победа над страхом перед мужем! Вернувшись к своим на пикник, я радостно рассказала, как Бог вмешался и не дал Жумабою меня избить. Розочка увидев меня подбежала, и мы закружились в танце счастливые и радостные.

На территории парка был глубокий бассейн. Там не было место, где мелко, и поэтому купались только те, кто хорошо держались на воде. А остальные просто сидели на краю и мочили ноги.

Солнце ярко светило и глядя на воду, она меня просто манила к себе.

Когда мне было десять лет, я не умеючи плавать, но лёжа на спине случайно укачавшись уснула на воде, и меня унесло на глубину. И когда я хотела встать и не найдя дно, начала тонуть. Меня увидели спасатели и спасли, после этого меня учили плавать, но страх меня так преследовал, что как только я оказывалась на глубине, то не сопротивляясь тонула. И сейчас, стоя перед искрящей и манящей водой, я сказала Богу.

– Я умею плавать, умею держаться на воде. И мне нечего бояться, максимум умру и буду с тобой. И разбежавшись я прыгнула в воду. Спокойно доплыв до дна и походив там, я оттолкнулась и вынырнула. Роза увидев меня плавающей решила, что там мелко и крикнув:

– Мама, я к тебе! – прыгнула в бассейн.

Вода была чистая, и я видела, как она не может всплыть, только руками махала, и длинные волосы плавали наверху. Я закричала: «Спасите!»

Братья тут же её вытащили, и она такая удивленная, отдышавшись сказала:

– Мама, здесь так глубоко. Ты же боишься глубины.

– Уже нет. Бог убрал всякий страх. Это так здорово жить без страха.

Я ликовала и радовалась, как ребенок. Это была великая победа над злом и страхом. Я верила в Бога, теперь я знаю Бога, и испытала Его защиту и любовь на себе.

Глава сороковая

Приближался день отъезда в Ташкент на встречу с консулом Германии. В ночь перед поездкой я долго ворочалась, не могла уснуть, мысли будоражили меня, и не выдержав напряжения, я села и начала благословлять поездку в посольство. И тут я услышала тихий шёпот, как будто кто-то мне в ухо шепчет:

– Тебе откажут в визе в Германию, твоё место в Израиле.

Я резко оглянулась, ища кто со мной шутит, но все мирно спали и посапывали в нос.

– Значит так, сатана, пошел вон от меня, я поеду в Германию, в Израиль меня никто не приглашал, – сказала я строго, как нас учили в церкви разговаривать с нечистой силой.

И спокойно пошла спать. Наутро я собралась и поехала. Радостная и счастливая, я ожидала, что передо мной откроются все двери, и никаких не будет преград. Людей там было много, но меня предупреждали, что это на целый день, так что я спокойно заняла очередь и села в ожидании. Когда меня вызвали, я подскочила и зашла внутрь. После всех проверок меня провели к консулу. Там сидел очень строгий мужчина в очках и рассматривал мои документы. Когда он посмотрел на меня исподлобья, я показала ему свои зубы, пытаюсь улыбнуться, но видимо получился злой оскал.

– Я отказываю вам в визе. Ни одного оригинала, одни копии, идите отсюда.

Недоброжелательно мотнув головой, он кинул на стол папку с моими документами, давая понять, что аудиенция окончилась.

Я, понуриив голову, вышла на улицу. Что дальше делать, я так была уверена в том, что мне подадут всё на блюдечке, что растерялась, получив отказ. Уже не такая счастливая я возвращалась домой. Вечером, как всегда, позвонил дядя, и я рассказала ему о своем провале. Внимательно выслушав он сказал:

– Не переживай, я вышлю документы, доказывающие что ты наша родственница, и мы полностью берем ответственность за тебя и твоих детей. С этими документами они точно не откажут.

Так мы договорились, и пошли спать. Мне конечно не терпелось поскорее выехать, новые страны посмотреть, но здесь у меня появились друзья, с кем было тяжело расставаться. Так как я не работала, всё свободное время проводила в церкви, изучала Библию, вела молитвенные группы, посещала тех, кто нуждался и мне нравилась такая жизнь. Поэтому, решив всему свое время, я успокоилась.

Прошло ещё несколько месяцев, дополнив документы из Германии, я вновь поехала в посольство.

Уже не так уверенно, когда я зашла внутрь, первое, что бросилось мне, было вот это объявление:

«ПОСОЛ ИМЕЕТ ПРАВО
ОТКАЗАТЬ В ВИЗЕ,
НЕ НАЗЫВАЯ ПРИЧИНУ ОТКАЗА»

Я затрепетала, почувствовав неладное. Тот же мужчина, сквозь очки глянул на меня и полез в мою папку за документами. У него был такой вид, что все мы ему надоели. Затем с таким же видом, как и в прошлый раз он откинул документы, и произнес:

– Отказано.

Я в шоке замерла.

– Но почему, вы даже всё не посмотрели? Меня в Германии ждут.

Я чувствовала, что сейчас зареву и попыталась держать себя в руках. Посол посмотрел на меня и показал на плакат с объявлением. Солдат-охранник открыл мне дверь, и я вышла. Это конец, подумала я и тут пришла мысль: «Я же сказал, твоё место в Израиле. Не сопротивляйся».

Я жёстко дёрнула головой, что она чуть не отлетела:

– Всякие мысли пошли вон, мне лучше знать куда я хочу. – Вслух сказала я, решив до конца бороться. Если надо, ещё поеду, Таню с собой возьму, попрошу всю церковь поститься за меня и молиться, всё равно добьюсь своего. Так воинственно я возвращалась домой.

В ближайшее воскресенье, когда мы пришли в церковь, встретили много новых людей. И нам объяснили, что это команда Эвэн Эзер, что значит на иврите, камень помощи.

Это служение было посвящено еврейскому народу. Лидеры этого служения Жанна и Юра, муж и жена, рассказывали, как Господь восстанавливает Израиль и собирает евреев со всего мира.

Цитируя место писания из ветхого Завета, Исаия, глава 43, стих 6:

«Северу скажу “отдай” и югу “не удерживай: веди сыновей Моих издалека и дочерей Моих от концов земли”».

Всё служение они пели еврейские песни и рассказывали интересные истории. А в конце служения они спросили:

– Есть ли среди вас евреи?

На всю огромную церковь было только два еврея. Я и Давид. И вся церковь как по команде разделилась на пополам, одна половина показывала на меня, другая на Давида. Мне было так неловко, что хотелось провалиться сквозь землю.

Нас вызвали на сцену и начали за нас молиться, чтобы Господь нас вывел в Израиль. Я была зла, но остановить это безобразие постеснялась.

Какой такой Израиль? Я о нем впервые что-то услышала, к тому же там стреляют и теракты случаются.

Глава сорок первая

Ни за что, меня не уговорите, хоть тушкой, хоть чучелом*, но в Германию. Мне было не по себе, впервые после церкви я шла с таким настроением, как пришибленная. Но мысли про Израиль всё лезли и лезли в мою голову. Стараясь не думать об этом, я снова записалась на приём в посольство Германии. Уже прошло почти два года, как Татьяна меня приютила, и столько всего произошло хорошего, но пора и честь знать. Договорилась с моей молитвенной командой, что мы все постимся и молимся за то, чтобы мне дали визу, и чтобы наконец-то я выехала в Германию. И вот, мы с Таней поехали в Ташкент: «Ну вот, сейчас-то точно никто передо мной не устоит. Такая команда за меня стоит в проломе!» – размышляла я, предвкушая победу. Но тут мысль вошла в мой разум: «То что я открыл, никто не закроет, и то что я закрыл, никто не откроет».

Снова лукавый меня донимает, не принимаю всё то, что ты мне шепчешь. Господь защити, размышляла я в молитве. И вот, перед нами посольство. Наказав Татьяне непрестанно молиться и оставив её на улице, я переступила порог здания.

* Слова из еврейского анекдота: *«Выезжает старый еврей на родину, а таможенник говорит: «С живым попугаем нельзя. Только тушкой или чучелом» Тот из клетки отвечает: «Хоть тушкой, хоть чучелом, но надо валииить!!!»*

На месте посла сидел другой человек, помоложе и посимпатичнее. Он более внимательно рассматривал мои документы и что-то отмечал в компьютере. Я как можно милее ему улыбалась и ожидала ответа. Он на меня посмотрел и спросил:

– Вы уже третий раз сюда приезжаете? Зачем? Вам по-русски объяснили, что ответ «Нет», и он не изменится. Вы у нас здесь в чёрном списке. И через десять лет ответ не изменится.

Он вернул мне документы и позвал следующих. Я вышла как в воду опущенная. Татьяна, увидев меня, подбежала и крепко обняла, и дав волю чувствам я разревелась. Все мои мечты развеялись как дым. Что мне вечером ответить дяде, я не смогу признаться, что не понятно по каким причинам, я оказалась в черном списке, как рецидивист уголовник.

Всю дорогу ехали молча, мысли, что мне надо ехать в Израиль не давали мне покоя. Но там говорят ещё хуже отбор, а у меня ни одного оригинала, одни копии, с этим лучше туда не соваться, засмеют. Но когда я приехала домой, меня ждал очередной сюрприз. У нас дома сидели Жанна с Юрой и ждали меня. Они пытались втолкнуть в мою голову, как важно, чтобы я ехала в Израиль. Разгневанная, я еле сдержалась, чтобы не выгнать их, вспоминая, что я всё-таки верующая.

Подсознательно понимала, что других вариантов нет, но старалась еще хорохориться, мол типа я добьюсь своего. В тот вечер дядя не позвонил, чему я была несказанно рада. В

ближайшее воскресенье я не захотела пойти в церковь, сославшись на головную боль, но это была частичная правда, а основная заключалась в том, что я обиделась на Бога. Отправив всех в церковь, я легла и отвернулась к стене. Немного поплавав, я уснула.

Проснулась от нестерпимой боли, как будто кто-то залез ко мне внутрь и наизнанку выворачивает внутренности. Вскрикнув, я скатилась на пол, и начала кататься по полу, пытаюсь молиться. Но не шли никакие слова, а только злость на Бога, что он издевается надо мной. И тут я услышала чёткий голос говорящий:

– Алла, Алла, зачем сопротивляешься Моей воле? Трудно идти против рожна, ибо Воля Моя для тебя благая, угодная и совершенная. Израиль – твой дом. Смирись.

Я понимала, что если я не отвечу, мои внутренности просто взорвутся, и я крикнула:

– Хорошо, Господи! Я согласна ехать в Израиль, только при одном условии. Через месяц, чтобы я была уже там.

Только я закончила говорить, меня резко отпустило, и я смогла встать. Я осознала, что говорила с самим Богом и еще условия Ему ставила.

Мне стало нехорошо при мысли, как меня Господь такую терпит. При этом я понимала, что поставила невозможные условия. Только два-три месяца ожидания длится очередь на прием к консулу, затем еще два месяца, как минимум, уходит на подачу документов в ОВиР, не считая

рассмотрения прошения. Так что это нереально, но я попробую. Мне терять нечего. Веселая толпа после служения ввалилась в дом. У всех было весёлое настроение и все наперебой рассказывали как было круто и была команда Эвэн Эзер. И все за меня молились.

Так вот оно что! Вот почему меня так колбасило. Я усмехнулась и рассказала Тане, что со мной произошло. На утро я сразу позвонила в Израильское посольство. Выслушав меня, секретарь сказала:

– Как вы смотрите на то, чтобы приехать завтра? У нас неожиданно освободилось одно место, И я его пока никем не заполнила.

Я в шоке слушала секретаршу и понимала, что Бог принял мои условия. Дав согласие на приезд, и положив трубку, я села на диван, восхищаясь Божьей работой. Но ехать одной мне было страшно, и снова взяв Таню и попросив всех молиться, мы выехали в Ташкент.

На улице была огромная толпа людей, ждущих когда начнут впускать внутрь. Было шумно и весело. Семьи, начиная с самых маленьких, заканчивая глубокими стариками, очень громко обсуждали свой переезд в далекий Израиль. Рассказывая свои истории и показывая какие древние документы у них сохранились, объясняя, что свирепее израильского консула нет. Ни одной копии он не принимает, только оригинал, доказывающий, что ты еврей. Мы с Танюшей сидели и слушали их, понимая, нам крапты. У меня нет ни

одного оригинала, что я здесь вообще делаю. Но раз приехали, то пройдем до конца.

Наконец-то открыли двери и нас начали впускать. Вызывая по фамилии, такие проверки устраивали, что становилось страшно. В посольстве Германии такого не было. Сначала проходишь одну охрану, они проверяют сумки, затем комната, где проверяют твоё тело, нет ли чего лишнего. Затем ведут каким-то тёмным коридором и заводят в ещё какую-то комнату и дают анкеты, заполнить для консула. Я заполнила и отдала, почувствовав, что от переживания скрутило живот, я вышла с той комнаты и пошла надеясь найти уборную.

Ко мне подошли конвоиры и узнав мою проблему, довели меня до туалета, дождалась когда я выйду и вернули меня к самому началу, откуда начались все проверки. Сказав, чтобы я отсюда никуда не выходила, они ушли. Время тянулось бесконечно. Кроме меня здесь больше никого не было. Я видела через окно, как Таня ходила кругами и нервничала, а возможно и молилась. Оказывается, прием уже начался, и я была первой в списке. И моя фамилия постоянно звучала, а так как меня там не было звали следующих, и после них снова звучала моя фамилия. И все, кто выходили из здания подходили и спрашивали у Тани, мол куда делась твоя подруга. Её зовут, зовут, а она как в воду канула. Наконец-то пришли за мной, я снова протерпела все эти проверки и оказалась в той комнате, откуда идут к консулу. И вот, очередной раз прозвучала моя фамилия, и я зашла.

На сердце был невероятный мир, казалось надо нервничать, но решив, что будет, то будет, я была спокойна, как удав. Семья, что передо мной зашла, вышли подавленные и убитые горем. Они были так уверены, что не будет отказа им выехать в Израиль, что продали квартиру, машину и практически сидели на чемоданах. На всю улицу они насмеялись надо мной, что с такими документами как у меня, со мной даже разговаривать не будут. И видя, как им было отказано, я решительно переступила порог той комнаты. Консул, пожилой мужчина смотрел то на меня, то на предоставленные документы.

– Милочка, хоть один оригинал дай, чтобы мне было за что зацепиться.

Я развела руками, что есть, то есть. Он еще раз прочитал мою анкету и зашел в другую комнату. Минут через десять он вышел и сказал:

– Вы указали в анкете, что в Израиле живёт ваш отец. Я нашел такого по компьютеру. Итак, я даю добро, чтобы вы поехали в Израиль и нашли своего отца. Он должен подтвердить, что вы его дочь, а иначе вас депортируют.

Поставив печать, вернул мне документы и мило улыбнулся. Я вышла со счастливой улыбкой на лице. Та семья всё ещё сидела и оплакивала отказ. Их было человек двенадцать, и они создавали такой шум, как рой ос.

Увидев меня счастливую, они возопили в небо:

– Боже, где справедливость!?

Я постаралась не раздражать их своей радостью и выскочила наружу. Таня, увидев меня бросилась на шею.

– Ну, наконец-то, я думала тебя похитили. Все, кто выходил, тебя искали, чудо моё, ты куда делась?

Я по порядку рассказала всё, что со мной произошло, добавив, что я еду в Израиль. Консул дал добро. И мы радостно закричав, крепко обнялись. На следующий день я пошла в ОВиР и отдала необходимые документы. Люди, стоящие в очереди, объяснили, что после месяца надо приходить и выстаивать длинные очереди, чтобы узнать готовы документы или нет. Если нет, снова через месяц приходишь и стоишь в ожидании ответа. Но помня, что сам Бог за это дело взялся, я была спокойна. Ему надо, Он меня отправит в Израиль в свое время.

Единственное, о чём я начала волноваться, что дядя Толя перестал звонить. То он звонил каждый вечер, а теперь прошло две недели, а от него ни слуху, ни духу. Он даже не знает, что вместо Германии, я собираю документы в Израиль. Как он на это отреагирует, ведь он мой спонсор. Каждый раз, когда звонил телефон, я дергалась и бежала отвечать. Но это был не он, и разочарованно я звала Таню к телефону. Прошло ещё несколько дней и раздался звонок.

– Алло, я слушаю. – чувствовалось, что я нервничаю.

– Здравствуйте, это Отдел Виз и Регистраций. Ваши документы готовы. Приезжайте заберите пожалуйста. – На том конце провода положили трубку, а я удивленно всё ещё держала трубку возле уха. Вот это да, никогда, никому они не звонят, а мне позвонили!

На следующий день я поехала и забрала документы. Осталось дело за малым, сообщить в Эвэн Эзер, и они купят билет в Израиль. Казалось всё круто, но молчание дяди наводило тоску. Прошло чуть больше трёх недель, с того дня, как я боролась с Богом и поставила Ему условие, чтобы через месяц я улетела в далекий Израиль. Осознавая, что это нереально, я думала, что победила Его. Но Он даже сделал невозможное. Три недели, и у меня были билеты на самолет.

Последнее служение в воскресенье было посвящено моей семье, славе Бога в моей жизни. После служения накрыли шикарный стол и устроили проводы. Мы и плакали, и смеялись, и благословляли друг друга. Одна сестра встала и взяв микрофон сказала:

– Мы знаем что Израиль – Божья страна. И Господь собирает своих детей под своё крыло. Также знаем, что у Израиля много врагов. И там случаются теракты, но ты под Его покровом, и даже если рядом разорвется ракета, тебе не навредит, потому что, сам Бог будет тебя охранять.

Тут слова попросил ещё брат Егор, родной брат Тани, которая нас приютила и сказал,

– Разрешите прочитать стих, посвященный Алле. Бог вдохновил меня и за ночь я его написал. Он торжественно достал листок и начал читать:

*Бог нежно за руку держал тебя в Узгене
И не смотрел Он на ислам в твоей манере,
Отрезал от тебя Он Жумабая,
От нервотрёпок злых освобождая.
Германский дядя самых честных правил,
Через него Бог твой бюджет подправил,
И вот теперь ты уезжаешь в Хайфу,
От этих слов и нам и церкви не до кайфу.
Прощай родная Фергана, Прощай Танюша,
Дай Бог, чтоб там вам было лучше.
Валерчик, Вероника и Олег,
Без нас вы не скучайте,
И понапрасну вашу мать не доставайте
Теперь не будут подбегать Ранюшка с Розой
К сестре Татьяне с недовольным
разговором.*

*Кому, что есть на ужин не будут спорить,
И пацаны у них волос не будут дергать.
Хождение за покупками и стирка
Торжественно переданы мальчишкам.
Спасибо Богу, что Он Таню не оставил,
И на молитву он в ответ тебя представил.
Бог позаботился через тебя о Тане.
И даже что тут говорить, о нашей маме.
Я точно знаю, Алла, ты нас всех еще
увидишь
От Иоанна проповедь еще услышишь.*

*Мы дружную семьей к тебе во сне
припрёмся,*

*Всей кодлой мы над грешным миром
посмеёмся.*

Во сне тебя прокатит на “Дамасе”

Водитель Самоним на полном газе

Ты будешь часто покупать у Дзю Наташи

Чимчу, салат, грибы с проросшим машем,

У Ким Наташи будешь брать посуду,

Тарелок, чашек, ложек, вилок грудю,

А у другой Наташи на гитаре

Учиться будешь ты как пальцы ставить

Ещё spoёшь ты в хоре со Светой рядом,

И Жанна подыграет на рояле,

Придёшь к бабулям проводить ячейку,

Придёшь на пост, займешь свою скамейку.

Когда Егор закончил цитировать стих, у всех глаза были на мокром месте. Каждый, кто особенно принимал участие в моей жизни, оказались в этом стихе. Сама еле сдерживая слёзы я вышла, обняла Егора и повернувшись в зал, обвела всех взглядом. Казалось, недавно я сюда пришла, боялась людей, боялась как огня микрофона, когда мне надо было свидетельствовать о чуде исцеления Розиных почек. А теперь они все такие родные, милые, приняли меня в свою семью и согрели мое израненное сердце своей любовью. Я смело взяла микрофон и не стесняясь слез сказала:

– Куда бы я не поехала, где бы не оказалась, вы навсегда останетесь в моём сердце. Благодаря

всем вам я познакомилась с новой жизнью, полноценной жизнью. Вы научили меня радоваться, смеяться, вы познакомили меня с Богом и Его Сыном. Низкий вам поклон, мои вы родные.

Итак со всеми попрощавшись мы приехали домой. Через три дня мы едем в Ташкент, а оттуда на самолет в Израиль. При мысли об этом дух захватывало. Вечером, когда собиралась укладывать детей спать, вдруг раздался звонок. Уже ни на что не надеясь я подняла трубку и услышала уставший, замученный, но родной голос дяди Толи.

– Дядя, ну наконец-то! Я так волновалась. Казалось вы вечность не звонили. Как у вас дела, что с голосом, как вы себя чувствуете? – Я так быстро тараторила, что дядя едва вставил слово.

– Про меня потом, расскажи как у тебя дела. В посольство ездила, есть какой то сдвиг с мертвой точки?

Было слышно, что ему тяжело говорить, он тяжело и прерывисто дышал. Я глубоко вздохнув, поведала ему о том, как в германском посольстве отказали, а в Израильском посольстве дали добро. И уже билеты на руках есть. Он меня выслушал и отчаянно закричал:

– Алла, ты не понимаешь, тебе надо быть здесь. Тебя здесь ждут, очень ждут, – он замолчал и я услышала, как он заплакал. Я замерла в ожидания продолжения, такое поведение удивило меня и даже напрягло. Немного успокоившись, он продолжил.

– Ты не задумывалась почему вдруг я начал тебя искать? Это моя мама попросила тебя найти и

помочь. Она очень больная, более десяти лет она прикована к постели, и не живёт и умереть не может. У неё гниет кожа, внутренности вываливаются, а смерть её не берет. Она меня попросила найти тебя и привезти в Германию. Пока ты её не простишь, она не умрёт. Мне как сыну больно смотреть на свою мать. Я сам перенёс тяжелую операцию и прохожу химиотерапию. У меня онкология четвертая стадия. Сколько мне осталось, я не знаю, но больше переживаю из-за мамы!

Пока он говорил, я сидела на кресле, едва сдерживая слезы. Перед моим взором пронеслась картина, когда я в гости поехала знакомиться с бабушкой Фаиной, и какое разочарование меня тогда постигло. Как я отказалась от маминого наследства в пользу бабушки и прокляла её. И как Леон хотел меня повезти в Казахстан попрощаться с бабушкой, её последняя воля была увидеть меня. С тех пор прошло двенадцать лет. Я в своем сердце уже давно похоронила бабушку. А она оказывается жива и искала все это время меня...

Глава сорок вторая

Понадобилось время, чтобы мне прийти в себя. Таня проходя мимо, испугалась за меня. Я была белее снега. Жизнь как один миг пролетела перед взором, мои надежды и разочарование. И то письмо, что я писала ей в гнев, отрекаясь от наследства. Мне Бог напомнил каждое слово, что было написано в том злосчастном письме. И я поняла, что надо делать:

– Дядя, меня бабушка может услышать, если вы включите громкую связь. Сделайте это пожалуйста, – на том конце провода раздался какой то шум и дядя сказал:

– Говори, она тебя слышит.

Мысленно помолившись, я сказала:

– Бабушка Фая, я прощаю вас за всё, что вы сделали против меня, и прошу у вас прощения за то, что обижалась на вас, что ненавидела вас. И Именем Иисуса Христа я отрекаюсь от всех тех слов, что были написаны в письме, я разрушаю всякое проклятие, сказанное мною в ваш адрес. Кровью Иисуса Христа я рву все оковы, которыми вы были скованы и отпускаю вашу измученную душу на свободу.

Как только я это произнесла, я почувствовала сама такое облегчение в сердце, как будто огромный булыжник свалился с души. На том конце провода были слышны всхлипывание и прерывистое

дыхание. Я терпеливо ждала, когда нарушится молчание. Наконец, дядя заговорил:

– Она тебя услышала, спасибо. – тяжело вздохнув, он продолжил, – Раз все у тебя готово, езжай в Израиль, а мы тебя постараемся оттуда забрать. Пока жива мама нужно войти в наследство тебе, а если она умрет, то все сбережения уйдут в благотворительный фонд. Мне бы хотелось чтобы ты ни в чем не нуждалась. Как только приедешь туда, позвони нам, и мы тебя заберём. Нечего тебе делать в Израиле.

На том и порешили. И я счастливая, обнимая Таню кричала:

– Ура, ура, я еду в Израиль, а оттуда в Германию. Моей бедности пришел конец. Я богатая наследница. Наконец-то и на моей улице праздник! Трудно описать тот восторг, который просто заполнил всё моё существо.

На следующий день вместе с Розой мы пошли на центральную площадь в Фергане, чтобы попрощаться с городом. И там, на скамейке мы увидели его, Жумабая. Он сидел ссутулившись, как старик и плакал. Увидев нас, он вскочил и подошел к нам.

– Я знаю, что вы завтра уезжаете. У тебя всё таки всё получилось. Но мне так страшно терять тебя. Я знаю, что не заслуживаю вас, но прошу прости меня и дай мне еще один шанс. Врачи сказали, что мне недолго осталось. Только Израиль может меня спасти. Мои почки умирают. Но такие операции делают только там. Прошу тебя, давай

снова распишемся и вместе улетим в Израиль. Я вылечусь, и мы заживём. Я обязательно сделаю тебя счастливой, только не бросай меня, умоляю.

Глядя на него, я сочувствовала его горю и даже переживала, чтобы он снова меня не уговорил. Я задала ему вопрос:

– Я тебе дала деньги, куда ты их дел? Этих денег хватило бы поехать в Ташкент и лечиться?

Он повертел головой:

– Зря я тебя тогда не послушал. Обрадовавшись, когда получил такую сумму, я пошел в бар и на тысячу сом напился. Будучи пьяным я уснул, а когда проснулся, денег не было. Я все профукал и всех потерял. Как мне с этим жить? Сжался надо мной, не бросай меня.

Он упал на колени и припал к моим ногам, плача и умоляя. Для мужчины-мусульманина это

позор, стоять перед женщиной на коленях. Уже собралась любопытная толпа и наблюдала за моей реакцией. И на самом деле растерявшись, я не знала, что мне делать. Казалось, я его простила и сострадание возьмет вверх над разумом. Сказать нет я не могла, мой язык прилип к небу, и на глазах появились слёзы. «Может действительно его простить? Ведь он всё-таки отец своим детям». Я боковым зрением посмотрела на дочь. Роза стояла как мумия, ничего нельзя было прочитать на её лице. И обратившись к Жумабою, я сказала:

– Не у меня, у дочери проси прощения. И если она пожелает, я вернусь к тебе. Последнее слово за ней, так как она боролась за мою жизнь и ей решать, как мне распоряжаться этой жизнью.

Понимая, какую ответственность я переложила на двенадцатилетнего подростка, я замерла в ожидании, что же будет. Жумабой не вставая с колен, приблизился к Розе и обнял её за ноги.

-- Дочка, прости меня, я не оправдал звание отца. Но дай мне шанс, и я всё исправлю. Молю тебя о шансе, всего одном.

В его словах звучала такая скорбь, что казалось камни зарыдают. Стоящие рядом люди вытирали слезы, глядя на нас, и скорее всего ожидали великого примирения. Но Роза посмотрев вокруг, взяла меня за руку и сказала:

– Мама, пошли домой, здесь не с кем разговаривать.

И даже не посмотрев на отца, прошла мимо него, держа меня за руку. Оборачиваясь, я видела как он продолжал сидеть на корточках, причитая и плача, пока мы не завернули за угол и потеряли его из вида. Мне было жаль его, но то, что он посеял, он и пожал. Сам ребенок его отверг. На следующий день приехала машина нас отвезти в Ташкент, все соседи пришли с нами попрощаться, также Зира пришла и привела Равшанчика. Мы долго стояли в обнимку и плакали. Он для меня стал родным сыном, но его биологические родители были живы, и я на него не имела никаких прав. Но он обнимая меня плакал:

– Мамочка, не бросай меня, заведи меня с собой. Я буду хорошим, честно, честно, поехали вместе.

Но я его только гладила и причитала:

– Не забывай меня малыш, когда-нибудь мы снова будем вместе. Я люблю тебя, всегда помни об этом.

И так, попрощавшись со всеми, мы сели в машину и тронулись в путь, навстречу новым ощущениям, всё плохое оставляя позади.

Глава сорок третья

В Ташкенте нас встретили ребята из команды Эвен Эзер и поселили в гостиницу. Мне не верилось, неужели всё позади, и через три дня мы покинем мусульманскую страну.

Кроме нас там были ещё люди: примерно двадцать человек. Нас всех расселили по комнатам, объяснив во сколько здесь кормят, и мы счастливые переступили порог, с разбегу прыгнув на кровать. Да ладно, неужели это с нами происходит! Дети возбужденно игрались, и мне не хотелось их успокаивать, так как самой хотелось кричать во всё горло.

В дверь постучали. На пороге стоял представитель организации Макс.

– Дайте пожалуйста ваши документы, чтобы зарегистрировать, и проверить всё ли в порядке с ними. Обычная проверка, не переживайте.

Он заметил, что я начала нервничать, дрожащими руками, доставая загранпаспорт и метрики детей. Взяв, документы он поблагодарил и вышел. Радость немного поутихла. Тревога закралась в сердце, но мысль, что сам Бог меня выводит отсюда, немного меня успокоила.

Два дня пролетело незаметно. Нас вкусно кормили, развлекали концертами, устраивали прогулки по Ташкенту. И вот, наступил день, последнего приготовления перед полетом. Нас всех

собрали в актовом зале, и Макс называя по именам начал раздавать документы и билеты на самолет. Когда прозвучала моя фамилия, я вздрогнула и подошла к его столу. Не зря я нервничала.

– У вас есть небольшая проблема. – Начал разговор Макс. – Дело в том, что имя вашего ребёнка в метрике не совпадает с визой поставленной в вашем паспорте. В метрике написано Ранохон, а в вашем документе указано имя Рано. Из-за этого её могут не выпустить с вами. Вы меня понимаете?

Он смотрел на меня с сожалением.

– Да, но её имя Рано, а «хон» это приставка к женскому имени. Вы же знаете? – я со слезами на него посмотрела. Он удручающе покачал головой.

– Я-то знаю, но на границе свои правила. Для них это два разных имени. Вам нужно поехать в МВД и тот, кто вам ставил печать, он должен исправить имя и заверить его печатью, иначе вам придётся ребёнка оставить здесь или самим не уезжать. До вылета у вас есть десять часов. Торопитесь.

Давая понять, что разговор окончен, он позвал следующих, а я оглушенная, села на стул и уставилась на документы. Ехать до Ферганы несколько часов. И не факт, что тот, кто мне нужен, будет на месте. А как быть с детьми? Брать их с собой или оставить их здесь, а вдруг они что-то учудят?

Голова шла кругом. Я растерянно смотрела по сторонам, пытаюсь найти решение. И тут одна женщина подошла ко мне и предложила свою

помощь побыть с детьми пока я буду в отъезде. Поблагодарив её, я побежала ловить такси. На удачу такси быстро подъехало, но таксист не хотел ехать порожняком и искал ещё попутчиков в Фергану. Я явно нервничала, каждая минута была на счету. Понимая, что от меня ничего не зависит, я обратилась к Богу.

– Господь мой, я знаю, что ты спас меня и моих детей, и выводишь из этой страны, как когда-то Моисея с его народом из Египта. Помоги мне всё успеть, исправить документ и вернуться к своим детям. Во имя Иисуса. Аминь.

Помолившись, я почувствовала, как тепло коснулось моего сердца, страх начал покидать меня. На улице была минусовая температура, начало февраля, но меня бросило в жар и сверхъестественный покой наполнил меня. И тут же нашлась семья которой тоже надо было ехать в Фергану. Мы все сели и полной машиной отправились в путь. Доехали мы быстро, без пробок. Остановившись возле МВД, я рванулась внутрь и подбежав к дежурному спросила, где находится тот, кто мне был нужен, объяснив ему проблему и показав документы. Увидев, чья это печать, дежурный сказал:

– У Николая Васильевича сегодня выходной. Приходите завтра. – Дежурный вернул мне документы и сел.

– Какое такое завтра? У меня самолет! Дети меня ждут в гостинице, мне нужно сейчас и сегодня, пожалуйста сделайте что-нибудь!

Я в отчаянии заломила руки, и он глядя на меня набрал номер телефона. На том конце провода ответили и дежурный поговорив, положил трубку и сказал:

– Ожидайте, Николай Васильевич приедет.

Я отошла и села на скамейку. Время тянулось бесконечно долго. Казалось, время застыло. Но вот отворилась дверь и вошел тот, кого я ждала. Он важно взял мои документы и нарочито медленно прошагал в свой кабинет. Я шла за ним, понимая, что катастрофически опаздываю на самолет. Важно сел на свой стул, не предлагая мне сесть, он начал выяснять причину моего визита. Я как можно спокойнее ему объяснила, хотя внутри всё кипело. Это была его ошибка, но он не придавал этому никакого значения. Наконец-то он исправив имя и поставив печать, вернул мне документы. Не поблагодарив, я выскочила из МВД как ошпаренная, ища такси в Ташкент. До вылета оставались считанные часы. Сев в машину, объяснив водителю, что опаздываю на самолет, мы никого не ожидая рванули в Ташкент. Доехав на огромной скорости, я бегом рванула в гостиницу. В вестибюле сидели мои дети. На глазах у Розы стояли слезы, и увидев меня она с криком бросилась на шею.

– Мама, уже все уехали в Аэропорт. Мы опоздали! – Её маленькие плечи тряслись от рыданий, было видно, что ей очень страшно, и даже Рано притихшая сидела и с испугом смотрела на происходящее. Но тут в вестибюль забежал Макс и крикнул:

– Бегом в машину, молодец, что успела, мы на полчаса задержали рейс. Документы сделала?

– Да.

Схватив чемодан в одну руку и Рано в другую, мы выбежали на улицу и сели в машину. Всё происходило в таком темпе, как будто фильм крутят с огромной скоростью. Оказавшись в аэропорту мы неслись на всех парусах. Казалось сердце выпрыгнет из груди. Макс прокладывал мне путь, объясняя всем, что в самолете ждут только нас.

Уже проходя паспортный контроль и пройдя все проверки, идя по дорожке, ведущей в самолет, я мысленно поблагодарила Макса и помолилась за него. У меня не было возможности его обнять и сказать спасибо. Нас усадили на наши места, и командир корабля сообщил о готовности взлететь. Я поцеловала детей и расплакалась. Нет, это не сон. Мы летим, можно выдохнуть наконец-то.

Самолет нежно оторвался от земли и понесся по бескрайнему небу. Узбекистан остался далеко внизу, а мы всё неслись и неслись среди облаков навстречу неизведанному, но прекрасному. Дочки наконец-то уgomонились и даже уснули, а я смотрела через окошко на плывущие облака и плакала. Это были слезы облегчения, что всё-таки мы это сделали, с Божьей помощью сделали.

Через пять часов мы приземлимся в Израиле. Голова шла кругом. Когда в самолете разносили еду, я не стала будить девочек, и самой тоже есть хотелось. Возбуждение ещё не улеглось. Положила еду в сумочку, потом поедим.

По расписанию мы в 21.00 приземлимся в аэропорту Бен Гурион в Израиле. Нас обещали встретить и отвезти в Хайфу.

Так как я не знала, где мои родители и в каком они состоянии, то я сказала, что мне не к кому ехать. Город Хайфа я выбрала сама. Когда нам показывали в Сохнута города и рассказывали про них, в Хайфу я влюбилась с первого взгляда. Шикарные пляжи, зеленые парки, море от которого взгляд нельзя было отвести. Мечта побывать на море преследовала меня всегда, а теперь у меня есть шанс жить возле моря.

Глава сорок четвертая

Я всегда думала, что человек рождается и его судьба уже написана, и от него вообще ничего не зависит. Если суждено ему страдать, значит так и будет. И он не в силах изменить свою судьбу. Но сейчас, сидя в кресле самолета, я твердо знала, моя жизнь с этого момента изменилась. Я получила шанс от Бога, наполнилась Его силой, противостояла против жестокости и мусульманства и победила!

Я, слабая женщина, у которой до сих пор кружится голова и иногда преследует страх потерять сознание, в этой неравной схватке я вышла победителем. Я закрыла глаза и поблагодарила Бога за Его помощь и поддержку. Уже давно стемнело, и за окошком ничего не было видно. Так находясь в блаженстве и восторгаясь лёгкостью которая наполнила моё сердце, я задремала и тут услышала голос командира корабля:

– Мы над Израилем. Готовимся к посадке. Пристегнуть ремни.

Я растормошила девочек, чтобы сели и пристегнулись. Через окно были видны огни домов, дороги по которым ехали машины. Весь Израиль светился таким ярким светом, что дух захватывало. Очень плавно и нежно самолет коснулся земли и понесся по полосе. Мы заплодировали капитану корабля и оглянувшись назад я увидела почти у всех на глазах слезы. У меня и возможно у ещё у кого-то

было чувство, что мы вернулись домой. Были потеряны, рассеяны и вот мы дома. Мне так хотелось крикнуть:

– Израиль, принимай своих детей. Мы дома.

Дальше всё происходило, как в тумане. Паспортный контроль, получение документов и первые израильские деньги. Бесплатное такси, которое нас везло в прекрасную Хайфу. У таксиста был адрес и там меня ждал хозяин квартиры, чтобы подписать договор на год. Всё для меня было подготовлено. Сохнут об этом позаботился.

Через полтора часа мы подъехали к дому и таксист нас любезно провёл на третий этаж трехэтажного дома. Там сидел представительный мужчина. Он представился, сказал что адвокат, и протянул документ расписаться. Русский он не знал, а я с ивритом не была знакома. Проведя меня по

квартире он показал, как всё работает и получив от меня деньги удалился.

Это была двухкомнатная квартира. Из мебели в спальне стояла кровать и шкаф. В зале стоял сервант, диван и кресло. На кухне тоже были навесные шкафчики, маленький стол, и два стула. Было достаточно прохладно и мы не раздеваясь легли на кровать и уснули.

3 февраля 2003 года, не имея одеял, чтобы укрыться, кроме крыши над головой, не имея ничего, мы счастливые и свободные уснули в обнимку, зная что у нас будет всё. Всему своё время. Мы дома, и Отец Небесный о нас позаботится.

Только здесь я почувствовала и осознала, что такое быть дочерью Отца. Я не сирота, которой нужно уметь выживать, у меня есть Тот, кто меня любит и никогда не оставит. И так, пытаясь составить план на завтрашний день, я провалилась в глубокий сон.

Утром проснулась от яркой вспышки и страшного грохота, как будто рядом, под окном что-то взорвалось. Открыв окно, я поразилась чёрному небу и дождю, который стеной стоял и, как говорят, лил как из ведра. Думая, что такой дождь по идее должен быстро закончиться, я решила заняться вещами и подождать. Из вещей был только чемодан и там почти все вещи были грязные. Так как не было стиральной машинки, я решила по-старинке все вещи замочить в ванной и на следующий день постирать. Ванна сияла белизной, и я радостная накидала туда вещи и набрала воду. Пока я

возилась в ванне, дождь прекратился и выглянуло солнышко. В дверь постучали. На пороге стояла женщина:

– Здравствуйте, я ваша соседка Клава. Я видела, как вас заселили сюда. И могу помочь на первых порах с ивритом, ответить на все интересующие вопросы. Помочь сделать первые шаги репатриации. Я могу вас отвезти в магазин, где вы купите стиральную машину, телевизор и другую технику. Не переживайте, денег хватит. Главное доверьтесь мне.

Но именно последнее предложение меня напрягло. Поблагодарив её и спросив, как доехать до министерства абсорбции, от всех остальных услуг я отказалась, и взяв Рано вышла на улицу. Наш район назывался «Нижний Адар». Вся Хайфа была построена на горе, а мы оказались в нижней части города. Рядом был огромный базар и ряд маленьких магазинчиков. На улице было сыро и холодно. Не смотря на то, что светило солнце. Мне надо было попасть в огромное остроконечное здание, похожее видом на кукурузу. Его так в народе и называли.

Получив направление, куда идти, мы пошли. Спускались по крутым лестницам, без перил. Вдруг резко потемнело и начался дождь со шквальным ветром. Рано испуганно за меня держалась, боясь улететь. Мне самой было очень страшно, но мне нельзя было этого показывать, чтобы ещё больше не испугать ребёнка.

Едва добрались до конца лестницы, как мы оказались в каком-то тупике, где кроме как обратно

подниматься наверх, выхода нет. Поняв, что я заблудилась, пришлось лезть на верх. Спросить было не у кого. Дождь не переставая лил, голова сильно кружилась, пожалела, что рядом нет Розочки, которая знает как мне помочь при головокружении, взяв себя в руки, мы двинулись дальше. Успокаивая Рано, сама мечтала снова оказаться дома, под крышей над головой. Проходя мимо каких-то мастерских, я заглянула чтобы спросить дорогу. Но там были такие страшные и бородатые мужчины, что я испугалась и пулей выскочила оттуда. Куда бы я не поворачивала, я попадала в тупики. Уже отчаяние захлестнуло меня. Страх за мою и дочкину жизнь напомнил мне, что я умею молиться и общаться с Богом:

– Бог мой! – Воззвала я. – Не для того ты привёл меня сюда, чтобы так бездарно дать умереть от дождя и переохлаждения. Дай мне направление куда двигаться дальше!

Только я это сказала, как увидела почту и людей ожидающих, когда прекратится дождь. Забежав туда и оказавшись среди людей, я мысленно поблагодарила Бога, и купила карточку, чтобы сделать пару звонков. Мне объяснили как этим пользоваться и показали где таксофон.

Оставив Рано на почте греться, я выскочила позвонить. Мне еще в Ташкенте Жанна из Эвэн Эзера дала два номера телефона.

Это были пастора церкви «Живой Израиль» Эли и Глеб. До Глеба я не дозвонилась, а Эли сразу взял трубку.

Я была рада услышать русскую речь и взволнованно со слезами на глазах я рассказала, где я остановилась, назвав адрес, и что сейчас я заблудилась и не знаю куда идти. И тут связь прервалась. Не зная о том, что Эли мне перезванивал на тот таксофон, я положила трубку и вернулась на почту. Дождь вроде утих и нужно было срочно возвращаться домой. Пока до конца не продрогли. Услышав русскую речь, я подошла к женщинам и попросила, чтобы вызвали для нас такси. Увидев, в каком мы состоянии, они сжалились над нами и даже дали свой зонт. Назвав адрес мы очень быстро доехали до дома.

Но дома нас тоже ждал сюрприз, и далеко не приятный. Роза бегала по всей квартире и таскала тазики с водой. По всему потолку была течь, и дождь который непрерывно лил на улице, беспрепятственно лил и у меня дома. Розочке удалось сдвинуть диван на середину комнаты и кругом понаставить кастрюли и тазики, которые дали соседи. Она только и успевала выливать воду и вытирать пол. Я в шоке на всё это смотрела, не понимая, что происходит. Быстро раздев и укутав Рано в тёплую кофту, посадила её на диван и побежала помогать Розе.

Дождь не прекращался и на улице, и у меня дома. Устав от бессмысленной беготни, мы с Розой сели рядом с Раношечкой на диван и крепко обнялись, чтобы согреться.

– Ничего, мои родные, – шептала я, поглаживая им спинки и растирая ступни ног, –

главное, мы вместе и мы прорвемся. Бог на нашей стороне. Всё будет хорошо.

У нас осталось немного еды еще с самолета, мы разделили на три части и поели. Вроде и деньги есть и магазин недалеко, но выходить на улицу очень не хотелось. Найдя в шкафу старое порванное одеяло, накинула на девочек, а сама решила пойти, постирать вещи.

Мыло хозяйственное у меня было, но зайдя в ванну, я так и обомлела. Ванная скорее всего была покрашена обычной краской непосредственно перед нашим прибытием. И когда я набрала ванну и замочила бельё, то вся краска отошла от ванны и впиталась в одежду. Как то спасти бельё было нереально. Всё нужно было выкинуть.

Ни крыши над головой, которая защищала бы нас от непогоды, ни вещей, у нас не осталось ничего. Выйдя из ванны я села на мокрый стул и неожиданно для себя, я рассмеялась. Это был истерический смех со слезами на глазах.

Дочки удивленно на меня смотрели, не понимая, что происходит, а я не могла остановиться. Немного отдышавшись я легла рядом с ними и задремала. Мне было холодно и мерзко, но несмотря на это, я провалилась в глубокий сон.

Глава сорок пятая

И тут мне приснилось, как я бегу по огромному зелёному полю, ярко светит солнце, поют птицы, трава мягкая, кругом одуванчики, ромашки, и рядом со мной много, много малышей, все бегут кричат, смеются, обнимают меня. Говорят как меня любят, я их по очереди подкидываю вверх и смеюсь таким веселым заливистым смехом. Наверное я попала в Рай, подумала я как проснулась от того, что меня будили дети.

– Мама, к нам люди пришли, сказали что из церкви. – Это сообщение меня сразу привело в чувство. Я села на кровать, рядом по бокам сидели дочки, и вот зашли четыре человека. Мне было стыдно, что ни угостить, ни посадить их толком было не куда. Они представились по именам, и я постаралась их запомнить, хотя на имена у меня всегда была слабая память.

Это были двое мужчин Анатолий и Юра, а также две женщины Дина и Валя. Они сразу оценили в каком мы состоянии и сочувственно на нас смотрели. Хоть мы сильно продрогли, но их улыбки согревали наши сердца. Я нутром чувствовала, что это ангелы пришли поддержать нас и помочь. Немного поговорив и поближе познакомившись, они ушли. А я счастливая, понимала, что я не потеряна для Бога, Он меня нашел и уже не бросит. На

следующий день ко мне в гости пришла Валя, и принесла целую сумку еды.

И чего там только не было! Колбасы, сыры, хумус, и много, много всяких вкусностей, с которыми я даже близко не была знакома. Целый день она выслушивала историю моей жизни и сочувственно кивала головой.

Вечером того же дня пришла ещё супружеская пара Валентин и Юля. Им пастырь дал задание помочь нам купить мобильный телефон, чтобы могли с нами связываться. Это была такая красивая семейная пара, было видно, что они любят друг друга и Бога, а Рано вообще не отходила от Юли и постоянно её обнимала, и та тоже отвечала ей взаимностью. В ближайшую субботу нас забрали на собрание в церковь, где я познакомилась и с остальными.

Меня так нежно приняли, окружили заботой и вниманием. Церковь собирала, всё, что мне было необходимо. Или Валя, или Юля сопровождали меня, чтобы всё оформить. Без их советов, я не предпринимала никаких шагов. Разные агенты и продавцы часто меня пытались обмануть и вытянуть деньги, но я тут же звонила Вале, и она как скорая помощь, бросала всё и неслась на всех парах ко мне, чтобы помочь.

Бог давал верных друзей на моём пути и хоть не всегда всё шло гладко, но мы не унывали и шли вперед улыбаясь новым переменам. Все понимали жить в такой квартире невозможно и Эли, в совершенстве владея ивритом, разговаривал с

хозяином квартиры, но всё безуспешно. Он как адвокат грозился в суд на меня подать, если я расторгну договор.

Пришлось продолжать там жить. Дожди были очень долгие и мощные. И квартира не была убежищем. И сам район оказался опасным. Там в основном жили арабы, которые не любили евреев. И иногда в нашу сторону летели камни и палки, больше всего я переживала за девочек. Им было страшно лишний раз выйти на улицу. Плюс ко всему, наш дом окнами выходил на общую мусорную кучу, куда выбрасывали отходы от базара. Вонь стояла ужасная, когда светило солнышко, окна нельзя было открыть. Вся вонь заходила домой. Но и это не отнимало у нас радости жизни. Имея возможность звонить, я набрала дядю из Германии и вместе мы решили, что они скоро нас заберут к себе. Я была рада уехать, не такую я представляла жизнь в Израиле, как-то всё пошло не так, но мысль, что не смотря ни на что, это мой дом, меня не покидала.

Когда у меня выпадало время, я покупала билет в автобус и просто каталась по Хайфе, восхищаясь её красотами, великолепными видами сверху на бескрайние просторы моря. В моём представлении раньше, Израиль рисовался как пустыня. Маленькие палатки, где живут люди, и с ведёрком ходят за стан, когда им приспичило. Так было написано в Торе.

Но приехав сюда я обомлела. Израиль предстал во всём своём великолепии. Шикарные аллеи пальм, цветы разных видов и сортов,

архитектура домов поражала разнообразием. Возвращаться в страшную квартирку не хотелось. Но долг обязывал. Нужно было готовить кушать, и заниматься с детьми. Розочку без проблем записали в школу, но с Рано были небольшие сложности. Нужно было пройти обследование, комиссию врачей, которые должны были вынести свой вердикт. Подтвердить инвалидность и послать её в специализированную школу для умственно отсталых детей. К тому же, я буду получать хорошее пособие на ребенка по инвалидности. Это меня радовало, деньги мне были нужны, да и вообще, кому они не нужны?

К тому же мне надо было доказать своё еврейство, чтобы меня не депортировали из страны. Я нашла номер родителей и позвонила.

– Алло, я слушаю, – услышала я знакомый до боли голос. – Алло, говорите же!

Тринадцать лет прошло, как мы не виделись, они наверняка постарели, но мамин голос всё такой же. Глубоко вздохнув и откашлявшись, пытаюсь изменить голос, я произнесла:

– Госпожа Эсфирь. Как у вас дела? Как поживает ваш муж? – на том конце провода минутное молчание.

– Алка, ты что ли? Или мне мерещится? – У мамы была восхитительная память, и если она хоть раз услышит голос, она его никогда не забудет. А здесь тем более мой.

– Да, мам, это я. Я в Израиле, в Хайфе, – у меня полились слезы, я так соскучилась оказывается, даже сама не знала.

– Говори адрес, мы приедем. – Отчеканила мама. Тон у нее был далеко не радостный. Я сказала и положила трубку.

Конечно, я доставила им массу хлопот, они надеялись на меня, что мы вместе выедем в Израиль, устроимся на работу, я выйду замуж за еврея, и всё будет хорошо. А я родила от узбека и испортила им все планы. Правда здесь у мамы был родной сын, и он помогал им, но это в её глазах меня не оправдывало. Ладно, завтра приедут, и я постараюсь с ними примириться. Очень хотелось видеть отца, какой он стал, держит ли на меня обиду. Сердце казалось выпрыгнет из груди. Ладно, всему свое время. Успокаивала я себя. Поговорив с детьми, подготовив их к встрече с бабушкой и дедушкой, я как могла, прибралась в квартире, где воняло плесенью и стены были черными от сырости. Ванна ржавая и туалет дырявый. Мне было стыдно в каких условиях найдут меня родители, но главное я здесь и живая, а остальное всё не важно. Так я размышляла, как в дверь постучали. От неожиданности я вздрогнула и пошла открывать.

На пороге стоял высокий, лысый и в меру упитанный мужчина. Взяло время признать в нем родного сына мамы Эсфирь. Последний раз я его видела на его свадьбе. С того времени много воды утекло. Рядом с ним держась за его руку стояла мама. Папы рядом не было, и у меня защемило

сердце. Неужели он на меня так обижен, что видеть не хочет. Заплакав, я обняла маму и крепко поцеловав, прижала к себе. Я так нуждалась в материнской любви и отцовской нежности. Сухо поцеловав меня в щёку, она прошла внутрь. И от её сухости я обмякла, и села на табурет уставившись в пол. Конечно, эти годы не прошли даром. Это уже не та женщина, гордая, независимая, красивая. Она сильно постарела, появилось много морщин, да и я не та двадцатилетняя девушка, которая думала покорить мир. Наконец, я взяла себя в руки и нарушила молчание:

– Знакомься мама, это твои внучки Розочка и Ранюшечка.

Она им мило улыбнулась и поцеловала в щёчку. У меня немного отлегло. Авось, да обойдётся. Тут сводный брат сказав, что сейчас придет, ушел.

А мама начала меня расспрашивать о моей жизни. Кратко, как могла я рассказала о себе и своих приключениях, засвидетельствовав также, как меня спас Бог, и помог выехать в Израиль и вывезти детей. Она не перебивая слушала меня невозмутимо, ни одна жилка сострадания не дернулась на её лице. Когда я закончила свою тираду, она немного помолчав сказала:

– Я предупредила тебя, что ты с ним страдаешь, и поделом тебе. Сама виновата. Ты думаешь мы тебе рады? Папа, так был расстроен что ты не поехала с нами, да ещё пришлось устраиваться садовником, так как по профессии нереально было найти работу, постоянно переживая

за тебя, его сердце не выдержало. Сложнейший инфаркт и семичасовая операция на сердце. Да если бы не я, его давно в живых бы не было. Он стал стопроцентным инвалидом. Мне нужно было срочно покупать жильё, влезть в долги, чтобы создать ему необходимые условия для восстановления. Я работала по шестнадцать часов в день только, чтобы он ни в чем не нуждался. Одни лекарства чего стоят. И всё это из-за тебя. У неё, видите ли, любовь была к узбеку, и куда делась эта любовь?

Она закончила говорить, глубоко выдохнула и уставилась на меня. У меня не было желания оправдываться и объяснять своё поведение. Напоминать ей, что я хотела с ними выехать, но их условие отказаться от ребенка, я не смогла принять. И вообще, какой смысл ворошить прошлое. Я робко спросила:

– А как сейчас папа, почему он не приехал?

– Для него эта дорога очень утомительна. Почти полтора часа на машине. У него уже было два инфаркта, плюс тяжелый сахарный диабет.

Я подготовлю встречу, соберу всех родственников, и ты с детьми приедешь. Тогда ты и увидишь папу. Но имей ввиду, ничего плохого ты ему не рассказываешь. Малейшее волнение его убьёт. Не для того я его спасала, чтобы ты его добила. Надеюсь, ты меня поняла.

Наступила неловкая пауза и тут пришел её сын и принес всяких сладостей, деликатесов, и даже тазики с ведрами. Он своим хозяйственным взглядом понял, чего дома не хватает и съездив в

супермаркет купил всё необходимое. Я его поблагодарила и побежала раскладывать всё по местам. Еще немного посидев, они попрощались с нами и уехали. Дети счастливые лопали шоколад, закусывая колбасой, а мне ничего в горло не лезло.

Прыгнув на кровать, я предалась такому рёву, что мне казалось, стены содрогались от моего плача.

– Господи! Ну за что мне всё это!? Я никому не нужна. Зачем я здесь? забери меня отсюда. Пусть дядя поскорее меня заберёт в Германию. Они по крайней мере этого хотят и ждут.

Я испытывала такую невыносимую боль, что мне хотелось сердце вырвать из груди, как вдруг я услышала нежный голос Бога:

– Доченька моя, ты Мне нужна, поэтому ты здесь. Я - то, что тебе не хватало все эти годы. Я твоя жемчужина, Не бойся, ибо Я с тобой.

Слушая этот тихий голос, незаметно для себя я уснула.

Глава сорок шестая

И вот я уже три месяца в стране. Дожди прекратились, чему я была несказанно рада. Потолки дома подсохли и можно было перестать бегать с тряпкой. Но, тем не менее, окна открывать было невозможно из-за вони, которая шла от мусора под окном. Дядя обещал меня поскорее забрать в Германию, поэтому набравшись терпения, я ждала весточек от него. Уже больше месяца как он не звонил, и тревога закралась в моё сердце. Раньше три раза в неделю обязательно звонил и рассказывал про сына, внуков и бабушку. А тут молчок.

За это время я пошла в ульпан. Розочка также пошла в ульпан при школе, а Раношечка в школу для умственно отсталых детей. Позвонила мама и пригласила в гости, предупредив что все родственники, а их у неё не мало, тоже приедут из разных городов Израиля.

Встреча была на высшем уровне, мама показала класс поварского искусства. Было шумно, весело и вкусно. Папа, казалось не изменился, только похудел малость, но тем не менее, животик у него был, с которым я любила играть. Мы нежно обнялись с ним и какое-то время так простояли. Нас никто не трогал, понимая момент долгожданной встречи. Предупредив их, что к ним может заявиться комиссия для подтверждения, что у меня родители евреи, чтобы подтвердить мой статус репатриантки, я с детьми вернулась домой.

Дом, как много значит это слово для каждого человека. Дом, это место где тебе хорошо, где ты можешь отдохнуть от суеты повседневного дня. Где можно расслабиться и быть самим собой. Оглядываясь назад на свою прошлую жизнь, я понимаю, что по-настоящему у меня не было дома. Это не только стены и крыши, это семья, близкие люди, уют и тепло сердец. Ни в Семипалатинске, ни в Бердичеве, ни в Узбекистане я не чувствовала себя дома. Но приземлившись в Израиле и коснувшись его земли, меня не покидало чувство, что я дома, это то, что я искала всю сознательную жизнь. Мне не нравилась квартира, в которую меня поселили, район был отвратительный, хозяин

квартиры угрожал мне судом, если я раньше времени съеду, трудно давался язык иврит, много было минусов, но осознание, что это мой дом, несмотря ни на что, меня не оставляло.

И вот так я сидела вечером в раздумьях, как вдруг раздался звонок из Германии.

– Алло, это Алла? – спросил женский незнакомый голос, я кивнула головой, как будто она меня может увидеть, в горле встал комок. – С вами говорит Ада, жена дяди Толи, мой муж, ваш дядя, скончался. Я знаю, что он хотел вас вызвать сюда, но не успел. Я этим делом, конечно, заниматься не буду. Это была воля его матери, но и она сейчас в доме престарелых. У неё полностью поехала крыша, она никого не узнаёт. Так что, оставайтесь где вы есть и пусть у вас все будет хорошо.

Поблагодарив за звонок и информацию, я положила трубку и заплакала. Где-то подсознательно я мечтала поехать в Германию, чтобы получить какое-то наследство, и зажить припеваючи, ни в чем не нуждаться. Только дядя был в этом заинтересован. И вот его нет. И что мне делать дальше? Как здесь жить?

Мне стыдно было осознавать, что я плачу, не потому, что дядя умер, а жаль себя и утеранных денег. И снова приятный шепот в моем сознании:

– Ты дома, Я твоё богатство.

Понимая, что со мной говорит сам Бог, я ещё больше начала плакать и просить Его помочь мне выехать хотя бы отсюда, из этого дома.

Не успела я закончить молиться, как позвонил хозяин квартиры и на ломаном русском дал мне понять, чтобы я за неделю съехала, так как другие приезжают и он надеется, что те не будут возникать по поводу качества жилья. Я счастливая тут же позвонила Эли и попросила помощи найти квартиру и съехать. Через пять дней мы переехали в прекрасный район, в отличную квартиру, недалеко от моря.

Как только я перестала мечтать о Германии, тут же пережила ещё больше ощущения, что Израиль - мой дом, и это моя ценность. Сам Господь хранит её, как зеницу ока.

Дети были счастливы. Новый дом со всеми удобствами, приветливые соседи. Валюша, первая с кем я познакомилась в Израиле, и за эти месяцы сильно сдружилась, пришла со своей дочкой ко мне в гости и пригласила прогуляться до моря и поздороваться с ним. Обрадовавшись мы пошли гулять.

Перед нами открывался прекрасный пляж Бат Галима, что переводится “русалка”.

Море завораживало своей красотой, несмотря что это было вечернее время, и волны были сильные, находились смельчаки, которые купались. Наши дочки побежали мочить ноги, а мы с Валей сели и молча уставились в горизонт. Было время заката, и небо окрасилось в багряный оттенок. И всё, что происходило в небе отражалось и в море. Оно сливалось в одно целое и переливалось разными цветами. Я восторженно наблюдала за солнцем, как оно исчезало, и невольно расплакалась. Но это были уже другие слёзы, слёзы счастья, свободы, победы над смертью.

Я принята в большую Божью семью, я не одна.

И Я ДОМА.

Валюша крепко, крепко обняла меня и прошептала:

– И всё-таки хорошая штука жизнь!

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Семнадцать лет тому назад я с детьми приехала в Израиль. Не всегда всё шло гладко, были трудности с языком, с работой, в воспитании с детьми были сложности, но Божья рука меня никогда не оставляла. Я всегда ощущала Его присутствие, Его поддержку. Было сложно отказаться от пособия по инвалидности для Рано. Бог пообещал мне, что исцелит её. В это трудно верилось, так как врачи меня предупреждали, что болезнь усугубляется, она никогда не выйдет замуж и не сможет рожать. И государство Израиль обеспечивает таких детей всяческими льготами и деньгами, и специализированными учреждениями. Бог трижды обращался ко мне и говорил:

– Всё что лукавый забрал у тебя, Я верну. Верь мне и не сомневайся. Я вчера, сегодня и вовеки тот же.

Мне трудно было в это поверить, но читая Евангелие, я ещё больше знакомилась с Иисусом, видя чудеса исцеления. Если Ты вчера, сегодня и вовеки тот же, значит ты можешь её исцелить. Отказавшись от финансов, я попросила мою церковь поддержать меня в молитве за мою дочь. Ровно год ничего не происходило, она ходила в школу для умственно отсталых детей и принимала психотропные лекарства. Но вот однажды во время служения в церкви, в субботу, ко мне подошла Рано и спросила:

– Мама, когда мы пойдем домой, я голодная.
– не сразу поняв, какая из дочек ко мне подошла, ответила, что скоро будем дома, отправила её обратно на детское служение. Когда она ушла, я вскочила со своего места и воскликнув: «не может быть!» выбежала в коридор. Ребёнок, который с четырёх лет только мычал, ничего не понимал и никого не слышал, вдруг заговорил, услышал меня и послушно ушёл. Догнав девочку, я повернула её к себе, и заплакала:

– Скажи ещё что-нибудь, ты меня слышишь? Ты меня понимаешь? – Рано меня обняла и со слезами на глазах тихо прошептала:

– Я слышу, мама, я всё слышу.

Дочка получила полное исцеление, перешла в нормальную школу, с отличием закончила её, отслужила в Израильской армии и вышла замуж за

прекрасного человека. Сейчас они служат в церкви и растят двух прекрасных девочек. Старшую назвали Евангелина, Благая весть, означающая, что для Бога нет ничего невозможного.

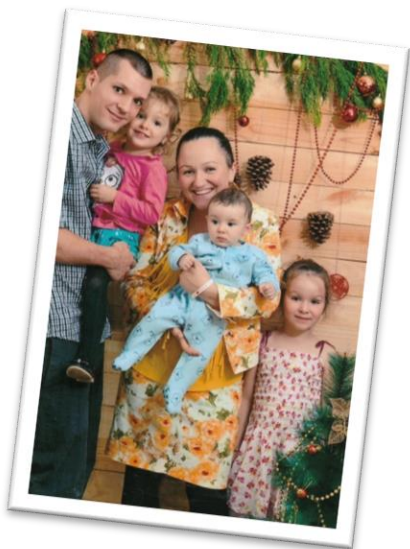
Розочка также вышла замуж. Бог из двух сердец соединил в одно

целое. Получая мудрость от Бога, они растят троих детей и служат в церкви в прославлении.

Бог также работал надо мной, чтобы я простила своих родителей, которых обвиняла во многих бедах. И как только я смогла это сделать, у меня перестала кружиться голова. Сейчас мне пятьдесят лет, но я себя не ощущаю на этот возраст. Я бегаю, купаюсь, катаюсь на велосипеде, живу полноценной жизнью. Некогда была развалина, но Бог меня восстановил. Я избрана жить и возвещать дела Господни.

Аминь!

Израиль 2020 год.

Для общения добро пожаловать
на личный сайт автора:

www.allatkach.com

Послесловие редактора

Можно было бы обойтись и без обобщающих напутствий, но вам просто необходимо знать ещё немного об авторе. Присущая ей скромность не даёт сказать то, что могу рассказать я, имеющий счастье быть лично знакомым с Аллой и её детьми.

Это пример биографии обычного человека, сумевшего преодолеть атаки сатаны прощением, безграничным терпением и любовью.

Более счастливого и любящего сердца, чем сердце Аллы, признаюсь, я не встречал. Её душа, кажется, могла бы вместить весь мир. Она не забывает молиться обо всех нуждающихся. Злым обстоятельствам не удалась сломить в ней Божий Дух, незримо и явно сопровождавший всю её нелёгкую жизнь.

Это тот самый случай, когда душа, настрадавшись, напрочь отвергает всякое зло и беззаконие, когда любовь прочно поселяется в сердце, уставшем от испытаний. Это особый дар безошибочного различения духов под любым прикрытием. Дар сильной и сострадательной молитвы.

Лично меня рассказ Аллы заставляет больше ценить явление Бога в моей жизни. Помогает не унывать в тяжёлых обстоятельствах, не забывать об окружающих, как бы ни было тяжело самому.

Я впервые так близко сталкиваюсь с удивительным живым свидетельством Славы

Божьей, хотя и сам не раз переживал яркие события за годы жизни во Христе.

Эта книга является не просто текстом, но живым инструментом Господа. Посмею описать ещё один из многих удивительных случаев, связанных с этой книгой.

Однажды, в два часа ночи, я вскочил от оглушительного взрыва за окном. За столом сидела моя жена Женечка, и корректировала текст этой книги. Молния ударила в ближайшую опору электропередач и сожгла её. Это произошло в тот момент, когда Женечка работала над кульминационным поворотом в сюжете этой книги – смертью единственного сына Аллы. Как вы видели, именно с этого момента, её жизнь поменялась и взяла уверенное направление к Господу.

Эта совершенно ясная аналогия заставила меня ещё больше сосредоточиться на работе и быстро выпустить в свет свидетельство жизни моей сестры во Христе. Таких совпадений по ходу работы над книгой и у нас, и у Аллы произошло немало. Можно ещё одну книгу написать.

Уверен, что каждый читатель нашел ещё много мудрости, назидания и обличения для себя, так как каждая ситуация многогранна, и не может быть однозначно оценена.

Будьте верны Господу нашему, Иисусу Христу, где бы вы ни находились.

Эдуард Бойко

Алевтина Ткач
«Избрана жить!»
Автобиографическая повесть.

Благодарю за молитвенную поддержку:
Ирину Бабушкину
Валентину Ильину
Елену Лицкевич

Редактор Эдуард Бойко
Корректор Евгения Бойко
Оформление и вёрстка Эдуард Бойко
Скан иллюстраций Алексей Каневский
Интернет сайт Андрей Семенюта
www.allatkach.com

Издано силами прихожан церкви
«Живой Израиль»

© Все права на издание принадлежат автору.

Для свободного распространения.